

ДЕНЬ,
КОГДА
ЯВИЛИСЬ
БОГИ

Эрих фон

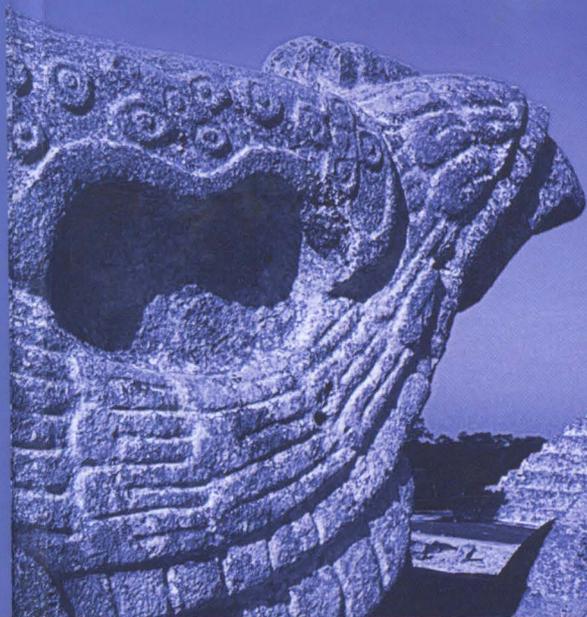
ДЭНИКЕН

ТАЙНЫ
ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДЕНЬ,
КОГДА
ЯВИЛИСЬ
БОГИ

Эрих фон Дэнникен

ЭКСМО

11 АВГУСТА 3114 ГОДА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Эрих фон
ДЭНИКЕН

ДЕНЬ,
КОГДА
ЯВИЛИСЬ
БОГИ...

11 АВГУСТА 3114 ГОДА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

ЭКСМО
2004

ББК 63.5
Д 94

Erich von DANIKEN
DER TAG AN DEM DIE GOTTER KAMEN

Перевод с немецкого *С. Головой, А. Голова*

Оформление художника *Е. Савченко*

Д 94 **Дэникен Э.**
День, когда явились боги... — М.: Изд-во Эксмо, 2004. —
416 с., илл.

ISBN 5-699-03984-8

Имя Эриха фон Дэникена хорошо известно всем, кто интересуется таинством зарождения нашей цивилизации. Его гипотеза палеоконтакта, впервые описанная в книге «Воспоминания о будущем», надолго приковала к ее автору внимание миллионов преданных последователей и оппонентов. Споры о достоверности и непредвзятости представленных им фактов продолжают бушевать и по сей день.

На этот раз Дэникен предпринял «экспедицию» на родину майя и ацтеков, где он нашел новые неопровержимые доказательства присутствия в глубокой древности на нашей Земле пришельцев из космоса.

ББК 63.5

© 1990 by C. Bertelsmann Verlag,
Munchen, a division of Verlagsgruppe
Random House GmbH
© Перевод. С. Голова, А. Голова, 2003
© Издание на русском языке.
Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2003

ISBN 5-699-03984-8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СКАЗОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КАМЕННЫЙ ВЕК

Есть две поистине бесконечных вещи: Вселенная и человеческая глупость.

Альберт Эйнштейн (1879—1955)

В первый же вечер, проведенный мной в Гватемала-сити, я был весьма раздосадован тем, что меня и в этой далекой стране не оставляют в покое. В холле отеля «Эльдорадо» то и дело упоминали мое имя: оказывается, 3-й канал местного телевидения передавал интервью со мной.

Я не бывал в Гватемале более пяти лет. С тех пор столица этой небольшой латиноамериканской страны разрослась ввысь и вширь. И хотя центральный район с его световой рекламой и привычными контурами высотных зданий почти не претерпел изменений, сам город, расположенный, кстати сказать, на плато между двумя вулканами, Агуа и Фуэго, на высоте 1493 м над уровнем моря и насчитывающий свыше 600 тысяч жителей, живет сегодня совсем иной, наполненной жизнью. Республика Гватемала не хочет вечно оставаться в положении развивающейся страны, она стремится вырваться из кольца изоляции. В стране медленно, но неуклонно происходят позитивные изменения. Примерно 60% населения составляют индейцы, 25% — потомки

смешанных браков, а остальные — потомки белых переселенцев, обосновавшиеся на этих землях много поколений назад.

Гватемала имеет все шансы на то, чтобы стать в будущем настоящей Меккой для туристов, стремящихся побывать в древних городах народа майя и в первую очередь — в Тикале. На следующий день на небольшом самолете компании «Авиатека» мы совершили перелет во Флорес, расположенный на берегу озера Петен-Ица. В недавно построенном здании аэровокзала мы буквально изнемогали от жары, поскольку крыша этого громадного здания, весьма напоминающего ангар, раскалилась от зноя, как настоящая духовка. Никакого местного транспорта здесь не оказалось, и мне не оставалось ничего другого, как взять в аренду автомобиль «Датсун», выслушивая уверения хозяина, что дорога на Тикаль находится в превосходном состоянии.

Признаться, мне частенько приходилось совершать подобные путешествия. Преодолевая километр за километром, я с опаской ждал, когда же наконец оборвется полотно и впрямь отличной асфальтовой дороги, но она, как и было обещано, все тянулась и тянулась среди зарослей джунглей, мимо так называемых *финкас*, многокилометровых плантаций маиса и кофе. На всем протяжении пути до Тикаля — а это без малого 60 км — дорога была ровной, как стол, и если бы не тропические ливни, то и дело закрывавшие видимость, мы добрались бы до Тикаля менее чем за час. И вот наконец, когда уже совсем смеркалось, мы остановились перед шлагбаумом, служившим границей национального археологического заповедника Тикаль.

Ральф, химик по специальности, вызвавшийся быть моим проводником, так же, как и я, искал «Джангл Лодж» — своего рода отель, состоявший из бунгало¹, в

¹ Бунгало — хижина. (Прим. перев.)

котором мне 17 лет тому назад довелось провести несколько дней. Мне почему-то казалось, что на пути наверняка должны были стоять указатели или таблички, подсказывающие дорогу. Но их почему-то не оказалось. Ни одной.

— Сеньоры! — крикнул я, обращаясь к трем индейцам, сидевшим у обочины дороги. — Скажите, пожалуйста, где находится «Джангл Лодж»?

Они недоумевающе поглядели на меня. Может быть, мой испанский был для них непонятен или они говорили только на каком-то из шестнадцати индейских диалектов, на котором сегодня разговаривают туземцы в Гватемале? Я прибавил газу, мой «Датсун» рванул с места, и индейские «сеньоры» мигом остались далеко позади.

Черно-сизые облака быстро бежали по небосклону; надвигалась ночь. Тут и там в узких окошках начали загораться уютные огоньки красноватых ламп, а в хижинах бедняков чадили масляные факелы. Наши ноздри слегка пощекотал приятный запах древесного угля... В тот же миг наш «Датсун» неожиданно свернул на грунтовую дорогу, петлявшую в девственных зарослях кейба, и мне не оставалось ничего другого, как направиться прямо на огонек, маячивший в зарослях. Там под навесом небольшого деревянного домика сидел старик, невозмутимо покуривавший трубку. Как видно, ему ничуть не мешал тропический ливень, отчаянно барабанивший по крыше нашей машины, превращая дорогу в настоящее болото.

— Не скажете ли вы, как проехать к «Джангл Лодж»? — обратился я к старику с вопросом, повторив то же самое по-испански и по-английски. Старик покачал головой, но он делал это и прежде, так что этот жест никак нельзя было принять за ответ. Собравшись с мыслями, я попытался вспомнить, и в моей памяти всплыл не-

На следующее утро я убедился, что «Джангл Лодж», который мы так долго искали, представлял собой не слишком привлекательное зрелище.

большой пригорок, на котором когда-то стоял «Джангл Лодж».

Струи воды под колесами нашей машины вскоре превратились в настоящие ручьи. «Вода течет сверху!» — пробурчал Ральф со свойственным ему сарказмом. Наш «Датсун», продвигаясь вперед, запрыгал по камням и корневищам, и наконец свет одной из фар уткнулся в потертую деревянную табличку с красными буквами: «Джангл Лодж». Между деревьями тут и там стояли автомобили, за которыми виднелся «главный корпус» и бунгало.

Я остановил «Датсун» и выключил фары. Когда глаза немного привыкли к темноте, нашим взорам предстал неосвещенный длинный барак или, лучше сказать, хижина, крытая связками пальмовых листьев. Внутри слышались громкие мужские голоса. Стараясь придать сво-

ему голосу как можно более любезную интонацию, я крикнул «Хэлло!», а затем «Buenos tardes!»¹.

Послышались шаги. За дверью щелкнула зажигалка, загорелась свеча. Два слабых язычка пламени, танцующая на ветру, бросили слабый отсвет на наши лица. Перед нами возник громадный, как шкаф, мужчина, поглядевший на нас приветливым взглядом.

— Bienvenidos², сеньор фон Дэникен? — произнес он полувопросительным тоном. Затем, оглядев и узнав меня, великан продолжал: — Бьенвенидос, дон Эрик! — Он произнес эти слова мрачным и, как мне показалось, немного меланхоличным тоном. На столе горела лампа. Я увидел перед собой честное, открытое лицо с длинным, узким носом; на вид великану было лет 50. На нем была коричневая, в желто-красную клетку рубашка, надетая поверх зеленых вельветовых брюк, давно не стиранных и столь же давно ставших непомерно тесными своему владельцу.

— Откуда вы меня знаете? — поинтересовался я.

И тогда, все еще стоя под навесом, с которого ручьями стекали потоки дождя, великан представился:

— Меня зовут Хулио Чавес. Впрочем, можете называть меня Хулио. — Он произносил «х» с характерным резким придыханием. — Можно, я буду звать вас «дон Эрик»?

— Да называйте меня просто Эрик! — поспешно откликнулся я, но он стоял на своем и предпочел более почтительную формулу «дон Эрик». Затем в нескольких словах он рассказал мне, что по происхождению он — гуатемальтеке, потомок европейских переселенцев, по профессии — инженер-строитель, питает давнюю страсть к археологии. Оказывается, он вот уже много лет ведет

¹ Добрый вечер! (Прим. перев.)

² Добро пожаловать! (Прим. перев.)

изучение комплекса Тикаль и других центров древней культуры майя, хорошо знает все испаноязычные издания моих книг, где, естественно, опубликованы мои фото, а также вчера видел интервью со мной, транслировавшееся 3-м телеканалом.

— А почему нигде не включен свет? — недоумевающе спросил я.

— О, все из-за этих проклятых москитов, — отвечал великан, передернув плечами, и тотчас, как бы в подтверждение его слов, отвратительное бурое насекомое величиной с майского жука запуталось в моих волосах. Хулио осторожно коснулся моей головы, проговорив «Пардон», щелчком отправил злополучного москита прямо в потоки дождя и, наконец, жестом пригласил меня войти в свой «отель». Один из трех мужчин, беседовавших с Хулио, поспешно зажег старинную лампу.

— А где же ваши постояльцы? — поинтересовался я, окинув комнату быстрым взглядом и заметив явные следы запустения.

— Да, кроме нас с вами, здесь никого нет. Здесь чаще всего ночуют те, кому больше некуда деваться.

При всем том «Джангл Лодж» прежде был вполне обжитой гостиницей. Раньше здесь останавливались археологи, студенты и туристы. Но с тех пор, как Флорес соединило с Тикалем отличное асфальтированное шоссе, туристы обычно стараются попасть в город, чтобы переночевать в более приличном городском отеле, а приток археологов из-за недостаточного финансирования раскопок в Тикале тоже иссяк. Отели, испытывающие недостаток постояльцев, во всем мире закрываются куда быстрее, чем строятся. А уж во влажных тропических лесах костлявая рука времени горит желанием уничтожить и стереть с лица земли все, что только возможно. Вот и в «Джангл Лодж» москитные сетки на ок-

нах давным-давно дырявые, матрасы и кровати сырые, а душ в заброшенной ванной никогда не работает.

Как бы там ни было, мы вместе с Хулио и его парнями уселись в «столовой» за стол, на котором чадила свеча. Внезапно лампочки начали помигивать; видимо, кто-то где-то запустил электрогенератор, и голые, засиженные мухами лампочки загорелись мутным светом.

Да, ничего не скажешь — интерьер из разряда тех, которые вдохновили бы Альфреда Хичкока на очередную драматическую картину! Сумрачный свет. За столом — шестеро мужчин, у троих из которых лица покрыты давно не бритой щетиной, то и дело прикладываются к бутылке с ромом. На стене позади стойки бара — связка давно заржавевших ключей от комнат да пожелтевший, трехлетней давности настенный календарь какого-то страхового общества. Огромная желтая простыня, на которой еще угадывается изображение какой-то древней стелы майя, делит узкое, длинное помещение на две части. Множество пустых, заросших грязью столиков. Между крышей и стенами — большой просвет для чистого воздуха и беспрепятственного доступа всевозможных видов насекомых, какие только водятся в здешних местах. Москиты то и дело мелькают рядом с нами, облепляют все вокруг и ощупывают своими хоботками стены, пол и потолки, пытаясь найти что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее человеческую плоть.

Молоденькая девушка-индианка — и откуда только она взялась? — подает нам бифштекс с переваренным рисом. Мы, порядком проголодавшись, набрасываемся на угощение. С голоду, как говорится, и черт мухой не побрезгует. (Кстати о мухах. Когда я на следующий день заглянул на кухню, меня едва не стошнило. На столах, кастрюлях и сковородах, покрытых толстым слоем грязи, были разложены сырые ломти мяса, овощи и фрукты, в которых кишмя кишели мухи и целые колонии

муравьев. После этого мы целых четыре дня питались в Тикале только орехами и кока-колой.)

Хулио и его бородачи предложили нам расположиться в бунгало № 3. Мы договорились встретиться в девять часов утра, но сон упорно отказывался заглянуть к нам. От гнетущей дневной усталости еще можно было бы как-то смириться с узкой, неудобной койкой, если бы не полчища москитов, от которых ее надо было защитить и превратить в настоящую крепость. Я поспешно заклеил щель под дверью и прорехи в москитной сетке на окнах скотчем, который я специально для этого постоянно вожу с собой целыми рулонами, но против более мелких паразитов, таких, как клопы и клещи, это испытанное средство оказалось бессильным, и все эти кровожадные звери набросились на наши бедные тела, впиваясь в икры, бедра и прочие части тела. Каза-

Ранним утром древний Тикаль похож на настоящий город-призрак.

лось, более всего на свете они любят швейцарские око-рока¹. Мы поспешно натянули джинсы и застегнули и зашнуровали все, что только возможно. А на улице ви-лась и кружилась всевозможная насекомая живность джунглей, так что мы вздрагивали при каждом новом пируэте. В нашем мозгу то и дело отдавалось болезнен-ной дрожью — фрррр... фрррр... фрррр... В сетку бешено врезались какие-то неведомые жуки. Неужели нам так и не удастся заснуть? Увы, наркоз усталости действовал лишь очень ненадолго. А при первых же лучах рассвета мы поднялись на ноги, позавтракали, как всегда, ореха-ми и кока-колой, торопливо погрузили свой нехитрый багаж и свои так и не отдохнувшие тела в «Датсун» и двинулись по руслу вчерашнего потока, которое вывело нас на шоссе, ведущее в Тикаль.

Тикаль, древнейший из городов майя

В этот ранний час Тикаль казался настоящим горо-дом-призраком. Через весь центр города — своего рода акрополь — протянулись серебристо-серые вершины пирамид. Услышав звук наших шагов, врассыпную бро-сились бесчисленные ящерицы. В кустах зашевелилась огромная гремучая змея², так что нам пришлось ото-гнать ее камнями.

Тикаль — древнейший город народа майя; есть дан-ные, позволяющие отнести его возникновение к VIII в. до н. э. Кстати, в том же VIII в., точнее — в 753 г. до н. э. был основан Древний Рим. Но дело даже не в датах, ибо древний Тикаль вполне смог бы выдержать сравне-ние с этим крупнейшим городом дохристианской эпохи.

¹ Автор — швейцарец. (*Прим. перев.*)

² Гремучая змея (*Crotalus L.*) почиталась у большинства древних народов Америки священной рептилией. (*Прим. перев.*)

Площадь этого парка, объявленного правительством Гватемалы национальным археологическим заповедником, составляет ни много ни мало 576 км². На этой громадной территории сохранилось множество заросших буйной растительностью руин и фрагментов построек, этих каменных следов некогда «ультрасовременных» строений. В самом «сити», обширной зоне особо плотного скопления руин общей площадью 12 км², на сегодня обнаружено и локализовано более 3000 строений, лишь немногие из которых раскопаны. Это жилые здания и дворцы, культовые центры, резиденции правителей, террасы, платформы, пирамиды и жертвенники, соединенные между собой мощеными улицами, на пути которых нередко встречаются обширные каменные площадки для игры в мяч. Данные аэрофотосъемки позволили выявить существование разветвленной канализационной и оросительной системы, охватывающей практически всю территорию полуострова Юкатан. Эта обширная инфраструктура водных каналов особенно поразительна, поскольку Тикаль расположен вдали от моря и рек. Она образует грандиозный водопровод, сооруженный по тщательно продуманному плану, из которого на сегодняшний день во внутренней зоне локализовано семь фрагментов, а во внешней — три. Специалисты оценивают численность населения Тикаля в дохристианскую эпоху примерно в 50 000—90 000 жителей, но это число, судя по масштабам метрополии, явно следует пересмотреть в сторону увеличения.

— Но почему же, дон Эрик, Тикаль был возведен в самой глуши непроходимых джунглей, а не на берегу озера Петен-Ица, расположенного в 40 км от него? Не могли бы вы объяснить мне, почему они, то бишь древние строители, решились на это?

Увы, дон Эрик и сам не знает ответа на этот вопрос.

— Может быть, это произошло случайно, по ошиб-

ке... — проговорил я, чтобы хоть что-то ответить на вопрос великана. Но Хулио темно-бурой тыльной стороной ладони стер со лба капли пота и решительно возразил:

— Чепуха! Такое не могло быть случайностью! Тикаль — это своего рода астрономическо-математический монстр... — Тут Хулио вскочил и от избытка эмоций прибег к языку жестов, то есть принялся размахивать руками. Резким жестом он указал на 70-метровую пирамиду, высившуюся справа от нас. — Это — IV храм! — воскликнул он. А затем указал рукой налево, где высилась пирамида поменьше — «всего-навсего» 44 м. — А это — I храм. Если провести от центра IV храма прямую линию к центру I храма, она будет указывать прямо на азимут точки захода солнца в день 13 августа. А вон там, прямо перед нами, высится III храм. Прямая между I и III храмами укажет на точку солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия. А если провести такую же прямую между III и IV храмами, она будет указывать точку восхода солнца в первый день зимы. Ну, что вы скажете об этом, дон Эрик?!

Дон Эрик скромно молчал, и на лице Хулио заиграла скептическая усмешка.

— Пойдем дальше. Запомните: V храм вместе с I и IV храмами образует правильный прямоугольный треугольник! — выпалил он.

— Ну и что же? Существует множество зданий, расположенных под прямыми углами друг к другу. Что в этом особенного?

Хулио ошарашенно поглядел на меня:

— А у вас есть при себе компас?

Вместо ответа я порылся в своем чемодане и достал компас. Хулио тотчас схватил его и повертел на ладони, следя за стрелкой. Затем он с гордым видом предложил

Древний Тикаль (реконструкция). Этот снимок мне удалось сделать в Антропологическом музее Гватемала-сити.

IV храм — ступенчатая пирамида высотой 70 м.

мне взглянуть на красную стрелку, указывающую строго на север.

— Приходилось ли вам когда-нибудь открывать пирамиду, ориентированную на север, юг, восток или запад? — спросил он.

— Нет, — честно признался я.

Хулио засмеялся тихим, довольным смехом:

— Отлично. А теперь давайте попробуем взобраться на первый храм!

Мы достали камеры и послушно последовали за великаном. Хулио направился прямо к нижней ступени храма. За долгие годы работ в этом комплексе он привык и поднимался уверенно, держа в руках компас и прочие приборы. Для нас же этот урок скалолазания оказался очень нелегким. Ступени оказались очень высокими, почти достигая нам до колен, и к тому же шли

очень круто вверх, буквально громоздясь друг на друга, так что мне сразу же вспомнились скальные стенки в наших Швейцарских Альпах. Внизу под нами осталась поросшая травой площадка, окруженная со всех сторон пирамидами и храмами. Пятеро туристов, предусмотрительно облачившихся в пестрые плащи-дождевики, казались сверху крохотными, словно муравьи, получившие от своей муравьиной царицы задание самым тщательным образом сфотографировать все эти каменные стелы, храмы, ступени и прочие объекты, древнее назначение которых уже невозможно понять.

С трудом переводя дух, мы поднялись на верхнюю

I, IV и V храмы образуют прямоугольный треугольник.

Утреннее солнце светит прямо над вершиной I храма.

площадку самой высокой пирамиды, которую археологи окрестили I храмом.

Но и здесь, высоко над землей, нас тотчас окружили москиты. Они вились над нами жужжащим серебристо-голубоватым роем. Пятеро туристов, запрокинув головы, поглядели на нас. Один из них крикнул:

— How is it up there?¹

— Дурацкий вопрос! — пробормотал Ральф и крикнул в ответ: — Почти как на вершине Маттерхорна!² — Он стоял, крепко вцепившись руками в массивную железную цепь, которой на всякий случай была обнесена площадка. — Тому, кто грохнется отсюда вниз, вряд ли захочется подниматься сюда еще раз, верно, дон Хулио?

— Да, пожалуй, что и костей не соберешь, — важно протянул Хулио. — Что уж и говорить о тех, кого уо-

¹ — Ну, как там, наверху? (*англ.*) (*Прим. перев.*)

² Горный пик в Швейцарии. (*Прим. перев.*)

раздир свалиться с IV храма. В прошлом году там на- смерть разбились двое туристов и местный проводник.

— А на Маттерхорн каждый год поднимаются сотни скалолазов, и ничего, — заметил Ральф, опять вспомнив о горах далекой родины.

— Да, но в альпийских башмаках с шипами! — бросил я. Меня только что осенила мысль, насколько легче был бы подъем, если бы я догадался запастись альпийскими шиповками.

Хулио, сменив тон, обратился ко мне:

— Дон Эрик! Поглядите отсюда на V храм! Как по-вашему, он расположен под прямым углом к I или IV храму, а?

Для начала я сообразил, что на I храме стою я сам. Я взглянул на лестницы и каменные стены, обращенные прямо к V храму, а затем перевел взгляд на видневшийся вдаль IV храм. Компас показывал то же самое, что я мог наблюдать собственными глазами: IV, I и V храмы образовывали прямоугольный треугольник. Ну, и что в этом особенного? Почему эти храмы не могли быть расположены так по чистой случайности? Я так и сказал Хулио.

— Да нет, об этом не может быть и речи, — осадил меня Хулио. — Не забывайте о том, что каждый из храмов ориентирован по одной из сторон света. Имейте в виду, что IV, I и V храмы образуют в плане прямоугольный треугольник, отмечая собой его вершины. Как по-вашему, под каким углом расположены V и I храмы относительно оси север — юг?

Сказав это, Хулио с улыбкой вернул мне мой компас. Я направил его на IV храм и заметил:

— Что-нибудь между 15° и 17° относительно северо-восточной оси. — Помолчав немного, я продолжал: — Впрочем, компас у меня старый, и эта цифра, возможно, не вполне точна...

— Нет-нет, именно 17° ! — воскликнул дон Хулио Чавес, инженер-строитель, отлично разбирающийся в подобных вещах. — Я же вам говорил: это не могло быть простым совпадением!

Я ничего не понимал. Ну, и что из того, что компас и впрямь показывает отклонение 17° от северо-восточной оси?

— Дон Эрик! — Голос Хулио стал спокойным и властным. Я пристально посмотрел на великана. — Да ведь это же — Тула, Чичен-Ица, Майяпан, Теотиуакан... Знаменитые культовые центры-города майя, упоминаемые в любом мало-мальски приличном туристическом путеводителе. Дело в том, что во всех этих городах главная ось зданий отклоняется от северо-восточной оси ровно на 17° . Что же, и это тоже — случайное совпадение?

Сообщив эту поразительную весть, Хулио сделал небольшую паузу, да так удачно, что лучшей мизансцены не смог бы придумать никакой самый искушенный режиссер. Загадка этих 17° произвела на меня сильное впечатление. Хулио явно хотел показать этим, что в основе всех культовых центров и городов Мезоамерики лежит один и тот же проект, строительный план, если хотите, задающий единую пространственную ориентацию всех этих грандиозных построек. Города, которые упомянул Хулио в своей тираде, были сооружены в разные исторические эпохи, но их архитекторы и строители, оказывается, неизменно стремились воплотить один и тот же таинственный замысел. Странно.

Монументальные реликвии

Ясно одно: как бы там ни было, дальновидные зодчие той далекой эпохи возводили свои храмы и пирамиды явно не в расчете на то, чтобы привлечь сюда в

XX в. массы туристов, жаждущих сфотографировать их. Другими словами, о фальшивке и речи быть не может.

Итак, пирамиды и храмы с самого начала находились на тех же самых местах, где сегодня высятся их величественные руины. Нет никаких сомнений в том, что планировщики, выбиравшие место для этого удивительного комплекса, о чем-то думали и отнюдь не случайно остановили свой выбор на площадке, расположенной в гуще девственных лесов. Окончательное решение о выборе места, естественно, принял правитель. А затем уже были определены источники финансирования.

Тикаль в древности представлял собой совершенно уникальную строительную площадку. Археологические раскопки показали, что многие «новые сооружения» были возведены на куда более древних фундаментах. Видимо, земля здесь стоила очень дорого, и постройки на протяжении многих веков не раз отстраивались заново... Совсем как на знаменитом острове Манхэттен в Нью-Йорке, где старые небоскребы со временем будут снесены, а на их месте появятся новые. Почему? Да потому что ядро Манхэттена строго распланировано раз и навсегда.

Вот и в Тикале городское ядро по неизвестной причине было распланировано в незапамятной древности. Единственное исключение — пирамиды: они были возведены раз и навсегда, на девственной почве. Они стояли здесь всегда, пережив и блистательный расцвет этой древней столицы майя, и ее упадок, и полное запустение.

Пирамиды имели особое значение. Какое? Увы, ученым пока что не удастся прийти к единому мнению относительно назначения этих громадных каменных монументов.

Быть может, они служили обсерваториями? Но тогда зачем их так много и притом — в одном и том же месте?

Может быть, это гробницы? Да, во многих пирами-

дах действительно обнаружены склепы, однако сохранилось множество надгробий — даже для царей и жрецов! — возведенных с несравнимо меньшими затратами труда. Самое главное, если пирамиды действительно должны были служить усыпальницами и гробницами, то вполне естественно ожидать, что погребальные камеры должны были существовать *во всех без исключения* пирамидах. А это далеко не так.

Быть может, пирамиды служили такими пространственными ориентирами и учебными аудиториями, помогавшими определять расположение сторон света? В высшей степени маловероятно. Где же могли преподавать древние доценты? Где размещались их гипотетические слушатели? Ведь на вершине самих пирамид места очень и очень мало.

Тикаль в древности представлял собой совершенно уникальную строительную площадку.

Остается предположить, что внутри этих мощных каменных башен находились жертвенники, на которых жрецы, совершавшие мрачный и кровавый ритуал, вырезали у рабов и пленников сердца, чтобы принести их богам солнца? Но в ту эпоху, когда были воздвигнуты пирамиды Тикаля, еще не существовало практики человеческих жертвоприношений, поскольку первые документальные свидетельства о них относятся к рубежу нашей эры. К тому же для жертвоприношений, пускай даже и массовых, вовсе не требовалось такое огромное количество жертвенников, как пирамиды Тикаля. Археологические экспедиции университета штата Пенсильвания, США, которым мы во многом обязаны столь масштабными раскопками в Тикале, обнаружили в одной только центральной зоне Тикаля более 60 остовов пирамид и цельных пирамид всевозможных размеров, вплоть до самой большой — 70-метровой храмовой пирамиды.

А может быть, пирамиды служили мемориальными комплексами царствующих фамилий? Быть может, различие их размеров как бы символизировало разницу во влиянии и значении семейств, чью память они должны были увековечить? Эти предположения несут в себе некое рациональное зерно. Действительно, в Тикале были воздвигнуты стелы в честь наиболее выдающихся правителей. Судя по роскоши и великолепию величественных пирамид, жрецы-цари должны были обладать весьма основательными познаниями в математике, астрономии и строительном искусстве, воплощенными в некоем грандиозном плане. Но как же они могли передавать эти знания? В конце концов, вряд ли стоит принимать всерьез предположение, будто самая высокая пирамида служила своего рода «треном» для верховного правителя.

Возникает множество вопросов. Быть может, *под* этими пирамидами некогда были погребены древние

Что это? Усыпальницы? Обсерватории? Древние жертвенники?

боги? Может быть, под ними древнейшие жители этих мест хранили свои удивительные орудия, таинственные аппараты и тому подобное? Может быть, в так называемых усыпальницах жрецов постоянно жили стражи и хранители богов? Быть может, это были существа, которые привели в эти места древний народ и научили его всевозможным знаниям? Может быть, «боги» повелели возвести эти мощные каменные «замки» и «крепости», чтобы передать некое послание грядущим поколениям? Все эти предположения следует решительно отвергнуть. Дело в том, что *до сих пор* ни под одной из пирамид не обнаружено *никаких* штолен и ходов, ведущих к центру! Такие штольни должны были проходить глубоко под землей.

В Голландии, в музее г. Лейден, представлена удивительная нефритовая пластина, известная в научной литературе под названием Лейденской пластины. Она отно-

сится к числу древнейших находок, сделанных в Тикале. На этой пластине вырезаны 15 древних иероглифических знаков майя. Помимо нескольких знаков, смысл которых расшифровать не удалось, на ней сохранилась надпись, гласящая: «...Здесь благоволят лежать владыки небесного рода Тикаль...» Небесный род? Какие же владыки покоились здесь? Опять возникают вопросы, на которые пока нет ответа. Остается лишь строить догадки и предположения. Строители, возводившие Тикаль, владели развитой системой письменности, а также имели удивительно точный календарь. Между тем все известные нам народы развивались медленно и долго, постепенно накапливая и совершенствуя свой опыт и знания. И никогда и нигде знания не падали им прямо с неба, что называется, в готовом виде. Или все же бывали исключения?

Тикаль — древний сакральный центр, все сооружения которого возведены в строго определенных местах. Да, все эти постройки впоследствии могли быть доработаны и расширены, но — на том же самом месте. Со временем Тикаль стал таким притягательным центром, чем-то вроде объекта паломничества, если говорить на языке более привычных для нас понятий. Город быстро рос и развивался. Появились просторные площади, множество храмов, дворцы. Особенно богатым убранством отличались святилища. Однако, в какую бы эпоху ни возводились все эти объекты, их взаимное расположение определялось астрономическими законами, раз и навсегда установленными древними зодчими. Вот, собственно, и все, что нам известно о Тикале.

Я вполне разделяю восторги специалистов, у которых все эти шедевры древнего зодчества вызывают нескрываемое восхищение. Разумеется, давно известно, что майя были искусными архитекторами и превосходными строителями. Разумеется, они вполне могли воздвигнуть эти изумительные сооружения, вздымающиеся

в лазурное небо, без чьей бы то ни было помощи. При всем том остаются без ответа вопросы: *как* и, главное, *откуда* и *от кого* они могли получить подобные знания? Но их придется стыдливо *ad acta*¹. Короче,

«То, что не знаешь, может пригодиться,
А то, что знаешь, втуне пролежит...» —

писал Гете в своем бессмертном «Фаусте». То же самое он вполне мог бы сказать и о Тикале.

Да ведь это же смеются сами боги!

Общепринятый международный стандарт размеров футбольной площадки — 105 x 70 м. Размеры большой Плаза (площади) между I и II храмами — 130 x 75 м. Главный акрополь, расположенный к югу от Плаза, имеет вдвое большие размеры. Причудливый комплекс или, лучше сказать, конгломерат из 42 зданий образует группы, обрамляющие шесть внутренних дворов, причем высота горизонта у каждого их этих дворов различна. Сотни крытых помещений соединяются друг с другом посредством лестниц и дверей, образуя причудливый лабиринт, в котором легко заблудиться.

До сих пор никто еще не дал убедительного объяснения тому, что же, собственно, мог символизировать и выражать собой столь сложный комплекс построек. Здесь могли размещаться и жилища жрецов, и административные учреждения, и даже хранилища для «священных предметов». А колоссальные размеры комплекса акрополя, его невероятная продуманность и упорядоченность позволяют утверждать, что основатели Тикаля обладали поистине огромными познаниями. Располо-

¹Ad acta (*лат.*) — приобщить к делу, положить под сукно. (*Прим. перев.*)

жение комплекса на равнине само по себе весьма примечательно; он представлял собой сплошную сеть помещений, залов и переходов, которая при необходимости могла быть расширена и пополнена. Вся совокупность зданий сгруппирована вокруг дворов, лежащих на площадках на разной высоте. Эти площадки ценой огромных усилий были превращены в платформы. Для создания подобных объектов необходим продуманный план. Необходима строгая организация работ. Необходимы транспортные средства, инструменты, механизмы, позволяющие выполнить задуманное. И все это сумели осуществить люди каменного века...

— Люди каменного века! — произнес я вслух, да так громко, что Хулио даже вздрогнул. Затем, смерив меня настороженным взглядом, он успокоился и даже рас-

42 здания расположены группами вокруг шести внутренних дворов, лежащих на разной высоте.

Совершенный образец искусства людей каменного века.

смеялся своим обычным беззвучным смехом. Он никак не мог взять в толк, в чем же, собственно, дело. Затем он сложил рупором свои почерневшие от земли руки, прижал их к губам и крикнул:

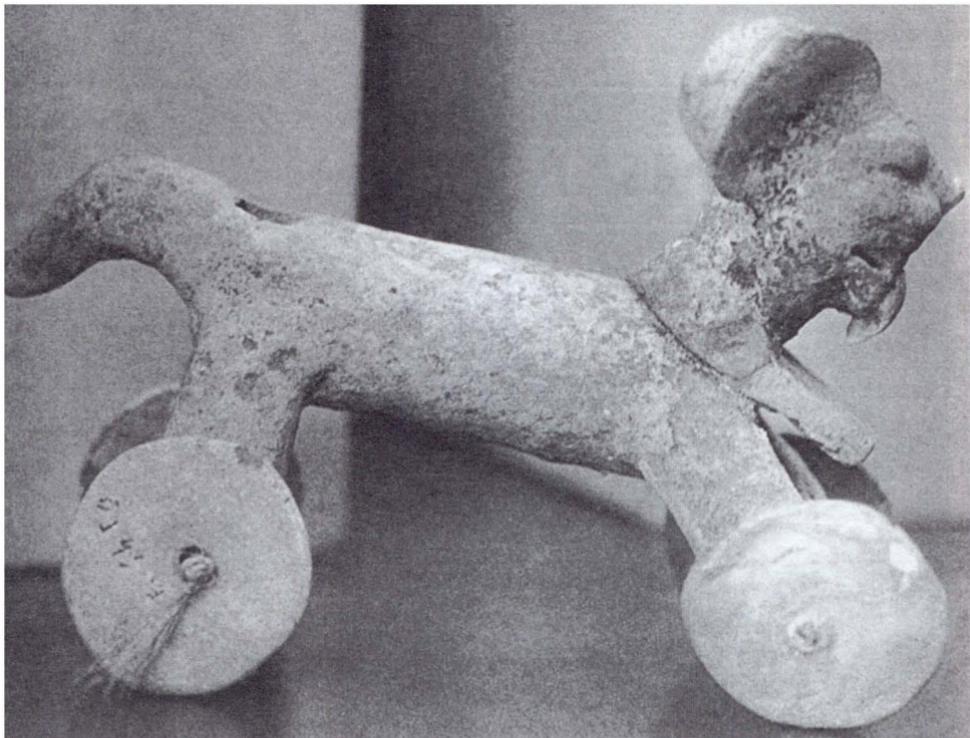
— Stone-age-people! Stone-age-people!¹ — И расхохотался, теперь уже во все горло. Его голос эхом откликнулся на каменных площадках и внутренних покоех акрополя. Хулио, видимо, ужасно нравилось, когда раскаты его смеха возвращались к нему в виде этаких вокальных залпов.

— Дон Эрик! — обратился он ко мне. — Слышите? Да ведь это же смеются сами боги!

¹Stone-age-people (англ.) — люди каменного века. (Прим. перев.)

Тончайшая резьба. Неужели она выполнена без металлических инструментов?!

Детская игрушка майя, найденная в Халапе. Она свидетельствует о том, что майя не только знали колесо, но и умели им пользоваться.

Ученые установили общую особенность, позволяющую охарактеризовать всех людей каменного века: им якобы были неизвестны металлы. Все, что создали древние, все их удивительные постройки, полированные стелы и резные рельефы они создали без применения металлических орудий. Считается, что работали орудиями из заостренной кости, а также зубилами из базальта, диорита, обсидиана, именуемого также вулканическим стеклом, и других твердых пород камня.

— Нет, дон Эрик, им не удастся заставить меня поверить в эту чепуху! — ироническим тоном воскликнул Хулио.

— А почему бы и нет? Ведь в Тикале до сих пор не найдено никаких следов металла, никаких руин, свидетельствовавших об обработке или плавке бронзы или железа...

Копан. Зубчатые колеса—«шестерни» маяя!

— И что это доказывает? Ведь когда в этих местах начались раскопки, руины Тикаля вот уже более 1000 лет были покрыты толстым слоем земли, на которой буйно разрослись джунгли и каждый год обрушивались тропические ливни? Да здесь, в этих местах, всего за одно поколение безнадежно проржавеет даже нож из самой лучшей стали. Что уж говорить о каких-то там примитивных сортах металлов — разумеется, за исключением благородных, которые слишком мягки и непригодны для обработки камня, — пролежавших в земле многие тысячи лет?..

— Да ведь дело не ограничивается одним Тикалем. Ведь ни в одном из поселений майя до сих пор не обнаружено никаких следов.

Хулио присел на одну из каменных ступеней; я протянул ему сигарету, и он механически поднес ее к губам, не обращая внимания на зажигалку, которую я также подал ему.

— Меня много лет занимала одна мысль, и я в конце концов решил остановиться на ней. Видите ли, майя, скорее всего, считали металлы священными! Вполне возможно, что они считали их даром богов, ниспосланным жрецам и ученым, короче, посвященным, и поэтому оберегали и всячески скрывали изделия из них. Жрецы, видимо, знали — опять-таки от тех же богов! — что из металла можно сделать практически все. Ну, например, кинжалы, мечи, щиты, доспехи и прочее смертоносное оружие. Они прекрасно понимали, что народ необходимо держать в узде, в повиновении, силой принуждая выполнять всевозможные тяжелые работы. Долгие годы рабского труда не могли не вызвать бунта, восстания, переворота, наконец. Поэтому мудрые жрецы всячески избегали давать в руки подневольным оружие из металла. И тем не менее я просто убежден, что у многих простолюдинов майя были металлические орудия!

Помните тонкие резные детали на их каменных рельефах? Неужто все это сделано с помощью примитивных каменных зубил, не говоря уж о костяных ножах? Дон Эрик, да ведь вы же знаете, что найдены головы из горного хрусталя удивительно тонкой работы! Они наверняка были выполнены с помощью металлических орудий. А тут еще эти удивительные колесики!..

— Какие колесики? — прервал я его тираду и чиркнул зажигалкой, опять предлагая Хулио закурить. — Я ведь не раз читал, что цивилизация майя вообще не знала колеса...

Хулио сделал глубокую затяжку и неспешно отвечал:

— Неплохо бы вам хотя бы разок побывать в нашем «Мусео де арте преиспанико»¹ в Оаксака! Там вы смогли бы собственными глазами увидеть колеса из горного хрусталя. А в витринах антропологических музеев в Мехико-сити и Халапе выставлены детские игрушки на колесиках! Одна из этих игрушек напоминает нечто вроде собаки... И все они найдены при раскопках селений майя.

Да, беседа с Хулио весьма пополнила мои познания. Заехав в Копан, древний город майя на территории нынешнего Гондураса, я, естественно, сфотографировал эти зубчатые колеса — немые свидетели давно утраченных технологий. Там, в Копане, блоки с резными колесами находятся на углу огромной площади. Мне удалось запечатлеть на пленке колеса, явно имеющие ступицу. Тогда у меня возникла мысль, что майя, вполне возможно, знали колесо, но на практике никогда им не пользовались. Эта версия выглядела бы вполне убедительной, если бы не дороги...

¹ Мусео де арте преиспанико (*исп.*) — музей искусства доиспанской эпохи. (*Прим. перев.*)

Дороги, по которым никто не ездил?

Из Тикаля в разных направлениях расходятся пять дорог с твердым покрытием, прорезающих дебри девственных лесов. Дороги со светлым покрытием в научной литературе обычно называют маршрутами для процессий или церемониальных шествий. Просто удивительно, сколько способна сделать археология, чтобы опровергнуть заблуждения, бытующие в научных кругах!

Благодаря данным аэрофотосъемки мы знаем, что древние города майя были связаны между собой разветвленной сетью дорог. Шестнадцать(!) таких дорог берут свое начало или заканчиваются в Коба, что на севере современного федерального штата Квинтана Роо. Одна из таких дорог, ведущих в Коба, проходит мимо Яксуна, небольшого селения, возле которого находится один из самых знаменитых комплексов, лежащих ныне в развалинах, — легендарный Чичен-Ица. На аэрофотоснимках четко видны светлые полосы, пересекающие густую зелень буйной растительности девственных джунглей. Они позволяют предположить, что 100-километровый путь из Коба в Яксуна, пролежавший мимо Чичен-Ица, шел дальше — в Майяпан и Уксмаль. Да это же настоящий хайвэй¹ каменного века протяженностью добрых 300 км! На аэрофотоснимке хорошо видно, что это шоссе переходило в другую дорогу, тянущуюся из Джибилхатуна, что возле Мерида, столицы Юкатана, вплоть до восточного побережья Карибского моря у берегов острова Козумель.

Строители этих дорог сумели решить труднейшую задачу. Все дороги выложены из мощных скальных

¹ Хайвэй (англ. *highway*) — современное скоростное шоссе, магистраль. (Прим. перев.)

плит и имеют светлое, устойчивое к эрозии покрытие. Отрезок пути между Коба и Яксуна имеет ширину около 10 м — слишком много для какого-то там церемониального шествия.

Дорога общей протяженностью около 100 км поделена на семь прямых, как стрела, отрезков разной протяженности, самый большой из которых составляет около 36 км; при этом каждый последующий идет несколько под углом относительно предыдущего.

Данные раскопок не обнаружили у майя никаких следов компаса. Но каким же образом они могли так точно ориентировать эти дороги? Какими геодезическими приборами пользовались?

Быть может, они прокладывали трассы своих дорог, ориентируясь по пламени или дыму огромных костров? Действительно, рельеф местности в здешних краях плоский, как стол, и к тому же представляет собой сплошные непроходимые заросли девственных лесов. Никаких гор или холмов, откуда такие знаки были бы видны издали, здесь нет. Костер, разложенный в сумеречном полусвете джунглей, трудно заметить даже на расстоянии полутора-двух километров. Ученые устроили нечто вроде «круглого стола» для обмена мнениями, пытаясь найти решение этой проблемы, которая казалась совсем простой. Древним строителям достаточно было сделать разметку строго по прямой линии и пометить этапы этой трассы какими-нибудь вехами, столбами и т. п.

Однако все подобные предложения исходили из предположения о том, что в чаще девственных лесов уже были проложены просеки! В таком случае действительно можно было бы установить вехи, зажечь костры-ориентиры и т. п. Однако для этого необходимо было четко представлять, где именно находится цель, и выбрать точное направление, ведущее к ней...

Чтобы довести подобную логику абсурда до ее есте-

Колеса! Опять колеса! Эти фото сделаны в Антропологическом музее Мехико-сити.

ственного завершения, можно упомянуть еще один аргумент. Почему бы не предположить, что майя определяли трассу дороги по звездам? Однако вся беда в том, что звезды светят только по ночам, перемещаются по небосводу и к тому же здесь, в зоне влажных тропических лесов, добрых две трети года вообще не видны. Поэтому их никак не отнесешь к вехам, по которым можно проводить геодезические замеры.

Для педантов, попавших под огонь моей критики, я хотел хотел бы внести некоторые уточнения. Рельеф местности, являющийся в этих местах ровным, как стол,

Колеса! Колеса и еще раз колеса! Фото, сделанные на «вокзале колесниц» в Копане. Колеса со ступицей!

имеет, однако, незначительные перепады, обусловленные такими факторами, как долины рек или болотистые низменности. Так вот, майя, оказывается, проводили специальную нивелировку и выравнивание местности и при необходимости поднимали уровень горизонта. В некоторых местах сохранились насыпи высотой до пяти метров! Нет, для церемониальных процессий ничего подобного просто не потребовалось бы, да и паломники преодолели бы без всякого ропота такие низины. И все же факт остается фактом: рельеф сохраняет явные следы нивелировки!

А если мы сделаем остановку в некоторых пунктах этого пути, нас ждет удивительное зрелище — громадные катки или валики, применявшиеся для выравнивания дорожного полотна...

В Экале, на отрезке пути между Коба и Яксуна, обнаружен громадный, расколотый пополам каменный каток весом порядка 5 тонн! Этот каток, длина которого составляет около 4 м, не имеет в центре ступицы, напоминая собой этакую гигантскую скалку. Полнейший абсурд! Неужто люди каменного века, сумевшие отделить от скалы столь массивный блок и обработать его, превратили его в валик длиной 4 м, а сделать колесо, форма которого, кстати сказать, была им отлично известна, так и не додумались?!

Но ради чего, собственно, майя с такой тщательностью выравнивали свои дороги, если по ним не ездили ни колесницы, ни фуры? Зачем древние зодчие те отрезки дороги, которые проходят по болотистым местностям, уложили на столь прочные каменные подушки, что они не ушли в грунт и до сего дня? Если у них и впрямь не было скоростных колесниц, то к чему же тогда столь ровные и тщательно выполненные дороги? Для того чтобы таскать волокуши на жердях? Но последние наверняка бы оставили следы на каменных

плитах. Быть может, их повозки передвигались на манер парусников в пустыне? Вряд ли, ибо в таком случае они должны были иметь полозья или колеса. Остаются животные. Однако современные ученые единодушны в мнении о том, что майя не знали вьючных животных. Может быть, они передвигались по воздуху, то есть летали? Но в таком случае им тем более не нужны были дороги. Впрочем, может быть, я не назвал какую-нибудь еще возможность практического использования столь разветвленной сети дорог? Быть может, я — как, впрочем, и археологи — упустил из виду какую-нибудь важную деталь?

Разговоры над крышами Тикаля

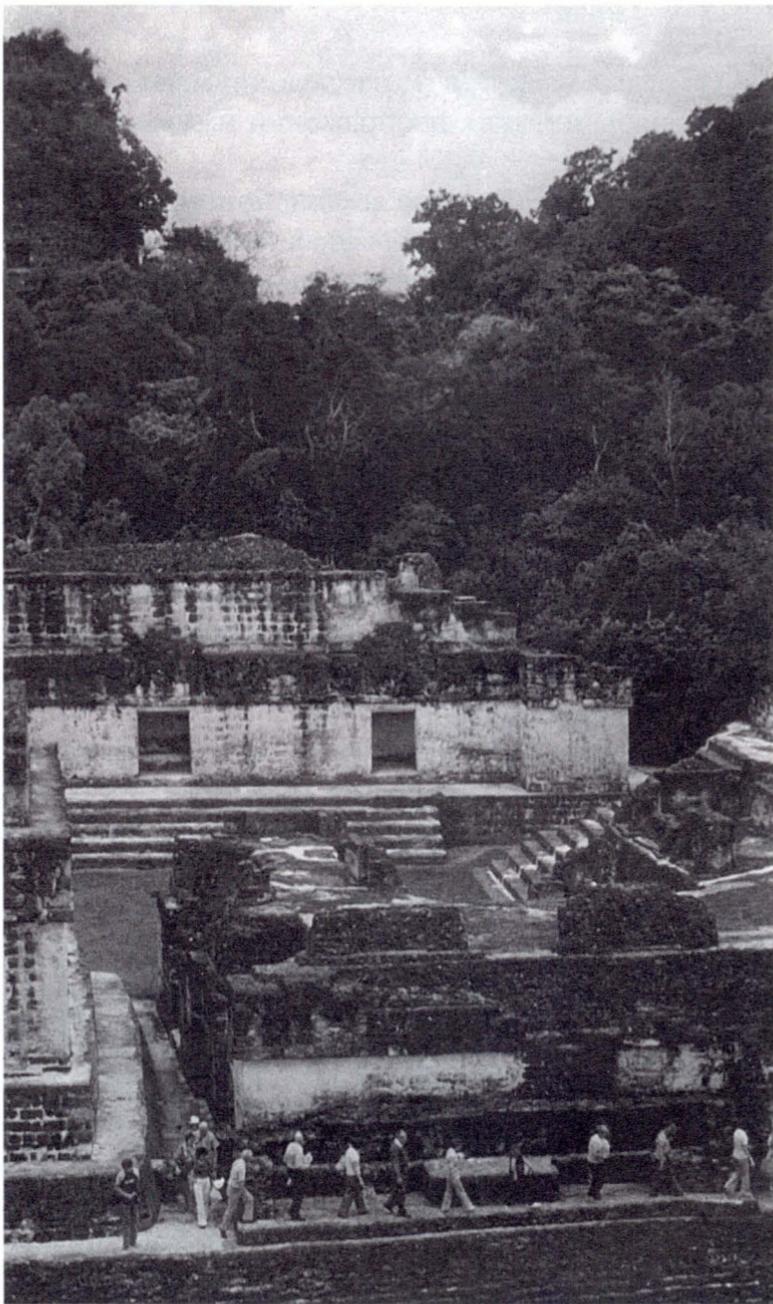
Мы не спеша поднялись на вершину одной из пирамид. Солнце палило немилосердно, буквально обжигая кожу на открытых участках тела, несмотря на патентованный солнцезащитный крем. На большой Плаза уже толпились любопытные туристы. Объективы их камер, вспыхивая на солнце, то и дело посылали в нашу сторону ослепительные солнечные зайчики.

— А как по-вашему, Хулио, зачем и для кого майя построили эти дороги? — Услышав мой вопрос, могучий Хулио Чавес вздрогнул, словно при нем было нарушено некое древнее табу, и поспешно отвечал:

— Для богов!

— То есть во славу своей религии?..

— Нет, именно для богов! — решительно настаивал Хулио. — У них были колесницы! А еще эти боги были настоящими владыками майя, которые построили эти загадочные дороги, владыками, которые толпами сгоняли рабов и рабочих на строительство, чтобы воплотить в жизнь свои грандиозные планы...

Благодаря наплыву туристов Тикаль в наши дни поистине обрел новую жизнь.

— Но ведь до сих пор не найдено никаких следов колесниц богов, никаких изображений подобных транспортных средств!

— Дело в том, что мы не вполне понимаем, что, собственно, изображено на рельефах майя. Так, на одной из надгробных плит, обнаруженных в Паленке, вполне возможно, изображена именно колесница богов. Известны иероглифы-пиктограммы с изображением бога, курящего трубку, который сидит на странной повозке. Я готов поклясться, что в искусстве майя изображения колеса и колесницы отсутствуют только потому, что колесо было для них сакральным, табуированным предметом.

— Но ведь дороги возникли в разные века, а боги, скорее всего, появились тут в самом начале эпохи майя, а может быть, и раньше, еще при их далеких предшественниках, — возразил я.

— Ну, хорошо, дон Эрик. Если боги действительно появились здесь в незапамятной древности, это означает, что затем они исчезли или, в крайнем случае, были

Величественные монументы высятся прямо посреди джунглей.

На этих побуревших от времени стелах изображены
головы богов.

погребены под пирамидами. И когда началось активное строительство дорог, они были, образно говоря, реанимированы и возвращены в земной план. Майя последующих эпох следовали первоначальному замыслу, прокладывая новые и новые дороги в точном соответствии с «планом», намеченным богами — теми самыми, возвращения которых они ожидали со дня на день. Именно готовясь к этому неведомому «дню Х», они и возводили свои дороги, пирамиды и храмы.

Произнеся эти слова, Хулио поглядел на меня с состраданием, достойным Авраама из Санта-Клара, знаменитого проповедника эпохи барокко. А мне тотчас вспомнились грандиозные линии и рисунки на равнине Наска в Перу, где местные индейцы, готовясь к прибытию неведомых богов, нанесли на обширном плато громадные геоглифы-сигналы, различимые только с огромной высоты.

На вершине нашей пирамиды стало совсем тесно. Вокруг зазвучала иноязычная речь... Американец, несколько японцев, европеец... Туристические экскурсии в древние города майя с недавних пор привлекают *сюда* массу гостей. Добиваясь разрешения на турпоездки в составе групп, с которыми мне довелось побывать во многих районах Центральной и Южной Америки, я на собственном опыте убедился в том, что эти земли быстро распродаются... Выбравшись из толпы зевак, мы уселись в наш «Датсун» и помчались по грунтовым дорогам. Все эти дороги носят имена знаменитых ученых, производивших исследования в районе Тикаля. Так, здесь есть дорога Модсли, названная в честь Альфреда Персиваля Модсли, посетившего Тикаль в 1895 г., а также дороги Малера и Тоззера — в честь Теоберта Малера и Альфреда Мэрстона Тоззера, которые побывали в здешних краях в начале XX в., и дорога Мендеса — в честь

Модесто Мендеса, проводившего раскопки на развалинах древнего Тикаля еще в 1848 г.

Древние памятники, встречавшиеся по обеим сторонам дороги, были настолько впечатляющими, что я, сидя за рулем, вертел головой во все стороны, а Хулио и Ральф преспокойно сидели на заднем сиденье, то бишь багажнике бедного «Датсуна». А панорама величественных монументов тянулась все дальше и дальше. Пирамиды-близнецы, на вершинах которых не было ничего похожего на храмы, гордо возвышались над пирамидами-карликами, едва-едва поднимавшимися над пышными кустарниками. В Тикале сохранилась 151 стела, большинство из которых находятся на большой Плаза перед акрополем. На развалинах древних памятников давно пустила корни буйная растительность, и прямо над ними высятся могучие лесные великаны с раскидистыми кронами, на которых благоухают и переливаются всеми цветами радуги сочные тропические цветы. На побуревших от времени каменных стелах хорошо видны лица владык и странные головы богов. Взбираясь на небольшие пригорки, мы часто с удивлением обнаруживали, что это — древние храмы и развалины зданий, короче, жертвы разрушительной десницы времени. Казалось, Тикаль будет тянуться без конца, будоража воображение своими загадочными руинами. Этаким фрагмент человеческой истории, увековеченный в камне.

Путешествие в далекое прошлое

А спустя три дня Хулио тоже покинул «Джангл Лодж». Он пообещал мне непременно найти нас в Финкас Лас Иллюзионес, Лос Тарросе или Бильбао; там, по его рассказам, сохранились следы присутствия богов — огромные каменные объекты, которые до сих пор пользуются

особым почитанием у местных индейских племен как «камни богов». Некоторые из них настолько велики по размерам, что просто не смогут уместиться ни в каком музее и поэтому лежат там же, где и в древности. Однако великан предупредил меня, что я ни в коем случае не должен расспрашивать, где находятся археологические объекты, а спросить, где я могу видеть *пъедрас антигуас*, то есть древние камни. Хулио самым детальным образом описал дорогу к столь любопытным достопримечательностям, отметил их крестиками на карте. Именно там, наставлял он нас, и спросите о камнях.

Надо сказать, что гватемальцы — народ приветливый и радушный, что иной раз выглядит довольно комично, но — не любящий выдавать чужакам свои секреты.

Мы двинулись в путь на издавшем виды «Фольксвагене», знаменитом «жучке», держа курс на глубинные районы провинции Эсквинтла, лежащей на южной окраине гватемальской возвышенности, и далее, к побережью Тихого океана. Не доезжая километров 50 до берега океана, наставлял нас многоопытный Хулио, мы непременно увидим те самые *пъедрас антигуас*, то бишь древние камни.

В Санта-Люсия мы наткнулись на нечто вроде общественной прачечной, расположившейся под навесом. Множество девушек и женщин, сновавших вокруг печей и то и дело бегавших к колодцам, стирали и полоскали здесь целые груды белья. Остановившись, мы устали на колодец, и молодые девушки тотчас прикрыли свои прелестные груди, а пожилые женщины надели фартуки.

Илл. на стр. справа: Фото, сделанные во время поездки к «пъедрас антигуас».

— Не могли бы вы сказать, как нам найти древние камни? Ну, Лас Иллюзионес, Лос Таррос, Бильбао?

В ответ послышались смешки и хихиканье, девушки оживленно зашебетали о чем-то, и деревенские красотики принялась указывать самые разные направления.

— Милые дамы, — произнес я, стараясь придать своему тону как можно больше галантности, — не могли бы выбрать какую-нибудь одну сторону?

И тогда из круга развеселившихся дев вышла черноволосая красавица, решительно направившаяся в нашу сторону. Смуглая от загара, в джинсах, красиво облегавших ее изящные округлости, она стояла, скрестив руки на груди. Она поинтересовалась, откуда мы и кто такие. Да, видно, в этих краях каждый может потребовать у вас предъявить документы...

— Из Европы, милая, из одной далекой, доброй страны, где много красивых гор и зеленых лугов. Из Швейцарии, — отозвался я.

Ах вот как, отвечала черноволосая нимфа. Это название ей уже доводилось слышать. Кажется, это там недав-

Общественная прачечная в Бильбао.

но тайно причалила к берегу русская подводная лодка. О, если бы не традиционная европейская галантность в общении с дамами, я расхохотался бы во все горло. А так мне пришлось терпеливо объяснять красавице, что этот неприятный инцидент произошел у берегов Швеции, а не Швейцарии, и что моя родина не имеет выхода к морю. Тогда чернокудрая фея, явно проявляя интерес к политической жизни старушки Европы, задала мне следующий вопрос: а к какой Германии — Западной или Восточной — относится моя бедная Швейцария. Мне пришлось вновь разочаровать мою прелестную собеседницу. Швейцария, заявил я, — это вполне самостоятельное государство, представляющее собой самую древнюю демократию из ныне существующих в мире. А затем, как бы в продолжение этого геополитического ток-шоу, я задал девушке встречный вопрос, поинтересовавшись, где находится Финкас.

Чернокудрая собеседница указала руками сразу в три стороны:

— Вон здесь, тут и там.

— А что находится здесь?

— Бильбао. Поезжайте прямо на деревенскую площадь, у перекрестка сверните вправо, а затем — влево. А там опять спросите у кого-нибудь...

— А Лас Иллюзионес и Лос Таррос?

— Тогда поезжайте в сторону Мазатенанго, в соседнюю деревню!

Больше я от нее ничего не смог добиться. На прощание я еще раз полюбовался ее округлыми формами, туго обтянутыми джинсами, и прелестной девической грудью, по которой скользили лучи палящего солнца. Право, в такой компании ночь в «Джангл Лодж» показалась бы мне куда более приятной... И как они только могут терпеть москитов? Наверное, издревле научились сосуществовать с ними...

Финкасы, обладатели несметных сокровищ помимо маиса и кофе

В Бильбао, казавшемся совершенно пустынным и вымершим от полуденной жары, нам встретился тяжелый трактор. За его рулем восседал сеньор с острой бородкой, рядом с которым виднелись двое детей-индейцев; при виде иностранцев они вздрогнули и поспешно схватились за свои мачете. Мы обратились к сеньору:

— Мы ищем *тьедрас антигуас*! Не могли бы вы подсказать, где мы можем их увидеть?

Погрузившись в раздумье и окинув критическим взором наш бедный «Фольксваген», сеньор после долгой паузы пробурчал:

— Вы что же, археологи? — Сам тон его ответа сви-

В Бильбао мы нашли древние камни на какой-то просеке.

детельствовал о том, что у него с археологами, мягко говоря, неприязненные отношения.

Нет, отвечал я. Мы приехали из Швейцарии и хотели бы просто сфотографировать древние камни. При упоминании о Швейцарии его лицо расплылось в добродушной улыбке:

— А, так вы, значит, швейцарец! Я знал двоих швейцарцев-инженеров. Ничего не скажешь, порядочные люди!

Я сухо поблагодарил его за комплимент в адрес моих соотечественников и попытался понять, что же мой собеседник мог сказать детям на каком-то загадочном индейском диалекте. Затем один из мальчишек соскочил с трактора и преспокойно забрался в наш «жучок», по-прежнему не выпуская из рук мачете. Мы тронулись, и мальчишка, выполняя роль лоцмана, на ломаном или, лучше сказать, исковерканном испанском объяснял мне, как лучше пробраться по узким проселочным дорогам, петляющим между полями маиса и плантациями кофе. Наконец наш проводник тоном приказа крикнул «стоп!» и, поднявшись на сиденье, принялся лихо прорубать своим мачете настоящую просеку в зарослях дикого маиса, стебли которого достигали добрых двух с половиной метров в высоту, а листья норовили хлопнуть нас по ушам. Затем, приглядевшись, он крикнул: «Туда!» Выйдя из машины, мы сделали буквально несколько шагов и очутились на небольшой светлой просеке, служившей изысканной рамой для одного из *тведрас антигуас* величиной 3,4 x 4 м, четко контрастируя своей зеленью с иссиня-черным базальтом последнего.

Приводя далее фото замечательного рельефа, я хотел бы предварить его несколькими замечаниями. В центре рельефа, изображающего мифологическую сцену, изображен мужчина огромного роста, воздевший руки кверху; в одной руке он держит нечто вроде

колющего оружия, а в другой — некий предмет округлой формы, похожий на мяч или череп, плод какао или гнездо шершней. (Не исключено, что майя во время сражения могли метать такие гнезда шершней в ряды врагов. Впрочем, если это так, то как же им самим удавалось спастись от опасных жал?) Неизвестный одет в облегающую рубаху, подпоясанную широким поясом, к которому огромным узлом крепится толстый канат, спускающийся между ног до самой земли. Весьма современно выглядит и сама эта облегающая рубаха, и полоса материи, напоминающая бахрому, — вспомните традиционные одежды индейцев. Штаны на неизвестном тоже довольно узкие, совсем как джинсы, а на ногах невысокие, до лодыжек, башмаки с весьма экстравагантными пряжками. Слева от него изображен некий босоногий человек, на котором нет никакой одежды, кроме набедренной повязки. Он, подняв указательный палец, указывает главному персонажу на что-то, словно желая привлечь его внимание. Справа от главного персонажа на высоком табурете восседает босоногий индеец в некоем шлеме, жонглирующий шарами или, во всяком случае, какими-то круглыми предметами, напоминающими предмет, который держит в руке главный персонаж. Эту динамичную сцену со всех сторон обрамляют изображения птиц, маленьких фигурок, профилей и неких символических знаков. Да, чтобы рассмотреть странный предмет овальной формы, который держит в правой руке главный герой, необходимо приглядеться. Но это очень важно, поскольку практически с такими же атрибутами обычно изображались боги народов, живших буквально на другом конце света — в стране Аккад и в Вавилоне на берегах Евфрата. Интересно, насколько глубоко в землю ушел этот камень? Нет ли на его обратной стороне не менее интересного

Так выглядит этот рельеф.

рельефа? Увы, любопытство археологов пока что не находит удовлетворения.

На центральной площади деревушки Санта-Люсия Котцумальгуапа находится еще один камень с аналогичными изображениями, выполняющий здесь роль такого памятника. По мнению археологов, высеченные на нем рельефы изображают сцену ритуального облачения игроков перед игрой в мяч — этой любимой народной забавой майя. Относительно такой трактовки я могу высказать вполне убедительные сомнения, продиктованные здравым смыслом. Дело в том, что голову главного героя венчает головной убор, весьма затрудняющий движения, развевающийся канат явно будет мешать при игре, обтягивающий пояс будет сковывать движения игрока, а странные башмаки не позволят быстро двигаться, что опять-таки совершенно необходимо в игре. Кроме того, трудно представить себе игру в мяч, игроки которой вооружены странными острыми предметами. Зато эти предметы в точности повторяют предметы, изображенные на изваяниях богов в г. Тула, столице богов империи тольтеков.

В 1860 г., во время работ при прокладке дорог, здесь прямо из-под земли были извлечены на свет божий эти прекрасные стелы. Слухи об этих открытиях долетели и до австрийского ученого Хабеля, который в 1862 г. отправился в Мексику и провел раскопки в этих местах, а также выполнил первые копии и прориси изображений на стелах, которые вскоре по возвращении в Берлин представил доктору Адольфу Бастиану (1826—1905), директору Королевского этнографического музея. Бастиан в 1876 г. отыскал Санта-Люсия Котцумальгуапа, приобрел у владельца финкас все до сих пор найденные древние камни и, так сказать, сделал предварительный заказ на все будущие находки для Берлинского музея. Именно поэтому мы сегодня можем видеть в Этно-

графическом музее Западного Берлина восемь древних резных стел. Согласно договору о приобретении этих стел, заключенному в 1876 г., музею передавались и права собственности на каменный рельеф, лежащий до сих пор на просеке между маисовыми полями, но никакие другие древности более уже не покинули землю майя. Государства Центральной Америки очень гордятся своей историей и древнейшими культурными памятниками. И если бы правительства этих стран хоть немного заботились о защите этих поистине бесценных сокровищ от пагубного воздействия стихий, ничто не омрачало бы радость от созерцания этих уникальных памятников истории...

На стелах, представленных в залах Берлинского этнографического музея, изображены культовые сценки ритуальной игры в мяч. Так божеству солнца подносят сердце победителя. Но что же это за бог, спускающийся с небес на это торжество? На рельефе представлено странное существо в шлеме, увенчанное пучками расходящихся лучей и как бы нисходящее с неба на землю. Лапидарная запись в каталоге — бог Солнца — ничего не дает. Если говорить на более современном археологическом жаргоне, нас куда более интересует, кто конкретно изображен в облике бога Солнца, какое предание или легенда стоят за изображением на стеле и, наконец, почему богу Солнца требовалась высшая из всех возможных жертв — живое человеческое сердце.

— Вы хотите купить эти камни? — поинтересовался водитель трактора, когда мы вместе с индейским мальчиком вернулись на дорогу.

— Да нет уж, лучше не надо! — отозвался я. Дело в том, что всякий, у кого на таможенной границе страны в багаже будут найдены какие-нибудь древности или исторические ценности, независимо от того, знал он о них или не знал, будет подвергнут штрафу, а сами па-

Боги спускаются с небес! Резные рельефы на стенах, хранящихся в Берлинском этнографическом музее.

мятники будут конфискованы, так что шансы на то, что этот прекрасный солнечный бог с маисового поля возле Санта-Люсия Котцумальгуапа когда-нибудь сможет украсить собой мой сад в Фельдбруннене, что в окрестностях Золотурна, практически равны нулю. Что касается доктора Бастиана, сумевшего вывезти в 1876 г. эти знаменитые стелы, то ему были предоставлены государственные санкции и транспортные средства для решения почти неразрешимой задачи — перевозки многотонных каменных плит. И два инженера, приглашенных для технического обеспечения работ, нашли весьма смелое решение, позволившее переместить многотонные каменные плиты по бездорожью на расстояние более 80 км, к ближайшему морскому порту Сан-Хосе: стелы, имевшие резные рельефные изображения только на одной стороне, было решено распилить на две части, а обратную сторону, на которой никаких изображений не было, стесать, насколько то возможно, для уменьшения веса. После этого плиты, вес которых многократно уменьшился, но оставался, однако, весьма внушительным, уложили на повозки, в которые было запряжено несколько пар быков, и повезли к порту. При погрузке на корабль одна из плит сорвалась и упала прямо в море, где лежит и до сих пор... А в последующие дни мне представилась возможность увидеть немало тех самых древних камней.

Увы, черноволосая красавица дала нам не вполне точный адрес: она заявила, что Финкас Лас Иллюзионес находятся в соседней деревне. Между тем водитель трактора, хорошо знавший все дороги в этих местах, уверенно утверждал, что находятся на противоположной окраине деревни, так что нам лучше проехать туда и прямо на месте выяснить все поточнее.

В тени, на ступенях церкви, возведенной в эпоху колониального владычества Испании, сидели трое индей-

цев, игравших в карты. Когда мы попытались разузнать у них дорогу, один из этой троицы, ухмыляясь во весь рот, отвечал мне, что он принесет нам сколько угодно древних камней. Признаться, перспектива изучения камней небольшого размера не слишком меня обрадовала. Микроскопа у меня с собой не было, а без него весьма сложно решить, действительно ли эти камни являются древними или только кажутся такими, являя собой новейшую подделку. Местные жители научились делать превосходные подделки под старину. Мастера, прекрасно владея ремесленными навыками, вырезают на плитах сценки и мифологические сюжетные композиции, пользуясь при этом подлинными древними образцами, затем кладут их резьбой прямо на раскаленные древесные уголья, обильно мажут сапожной ваксой и оставляют на пару-другую дней прямо под тропическим ливнем. Именно такие предметы, помимо маиса и кофе, разумеется, и служат основными статьями экспорта для всевозможных туристов и путешественников, которые охотно приобретают их, пополняя свои домашние коллекции диковин и сувениров.

Под раскидистым деревом, переливающимся многоцветной листвой и увешанным странными плодами, яркими, как смородина, которые идут на корм скоту, маячила фигура полицейского, сидевшего, прислонившись к стволу. Когда я направился в его сторону, чтобы, так сказать, заручиться официальной поддержкой властей предрежущих, молодой полицейский спешно поднялся на ноги и достал из-за пазухи свисток — видимо, единственно ради того, чтобы продемонстрировать, что в случае чего он готов поддержать нас оглушительной трелью. И, непонятным образом сразу догадавшись, что же именно может служить целью наших поисков в здешних местах, он сделал каменное лицо и обратился к своему коллеге. Тот преспокойно выслушал наши рас-

спросы и, не говоря ни слова, направился к коменданту, кабинет которого находился рядом. Я последовал за ним. Комендант с дружелюбной улыбкой заглянул в мой паспорт и, перелистывая его страницы, скорчил неприязненную гримасу при виде штампов-виз некоторых стран, где мне также довелось побывать. Интересно, на каком основании он мог меня задержать? За скупку антиквариата? Впрочем, его строгая служебная мина сразу же превратилась в любезную улыбку, как только он наткнулся на наш знаменитый швейцарский крест. Он вскочил, вытянулся по струнке и на каком-то невообразимом диалекте приказал вошедшему в кабинет новобранцу проводить нас в Финкас Лас Иллюзионес.

Мы отправились в путь. Через некоторое время полицейский-новобранец неожиданно вытянул руку вперед, так что я едва успел притормозить. Наш бедный «Фольксваген» остановился перед дверью, обитой железом.

— Лас Иллюзионес! — пояснил ретивый новобранец.

Выйдя из машины, мы увидели прямо перед собой настоящий двойник каменного изваяния, которое мне доводилось видеть и сфотографировать лет этак пять тому назад в Эль Бауль — деревушке, расположенной в нескольких километрах от Санта-Люсия Котцумальгуапа. В Эль Бауль, как и здесь, сохранилось изваяние могучего, как медведь, мужчины в воинственном головном уборе, причем весьма любопытно, что шлем этот очень плотно облегает голову, совсем как у ныряльщика. В одном из «окошек» можно различить профиль человека; «трубка» соединяет «шлем ныряльщика» с «резервуаром», или «баллоном», находящимся у него на спине. Разумеется, в этом изображении, как мне уже приходилось читать, принято видеть победителя игры в мяч... Изображение «игрока в мяч» в Эль Бауль, стоящее на заднем дворе, под навесом сахароперерабатывающей

фабрики, смогло противостоять разрушительной деснице времени ничуть не лучше, чем его двойник, скупающий на автостоянке...

Памятник из Эль Бауль занесен в археологический каталог под названием «монумент № 27», но нигде нет никаких упоминаний о том, что в Финкас Лас Иллюзио-нес сохранился его точный двойник. Или, быть может, монумент № 27 с тех пор просто перевезли сюда? (Замечу в скобках: в тот же день я не преминул побывать и в Эль Бауль. Так вот, гордый воин по-прежнему стоит на том же месте, и деревянный навес защищает его разве что от дождя, но никак не от ветра и перепадов температуры.)

Итак, мы приоткрыли тяжеленную дверь. На дворе встревоженно захрюкали свиньи, две тощие собаки нехотя подошли и уставились на нас. Я угостил их горсточкой орехов из нашего походного НЗ. В двери на-

Уникальные культурные сокровища высятся по соседству с автостоянкой.

против показался сутулый пожилой человек, как видно, сторож, куривший самокрутку из листьев коки. А вокруг на внутреннем дворе, открытые, что называется, всем стихиям, красовались экспонаты этого удивительного собрания древностей: огромные, тщательно отделанные головы, взиравшие на нас своими выпученными глазами, стелы, сразу же напомнившие мне аналогичные памятники из Сан-Августина в Южной Америке. Удивительно, но по меньшей мере четыре рельефа явно были делом рук одного мастера или, по крайней мере, одной художественной мастерской. При виде этих древних памятников мне в голову пришла мысль о том, что некогда древнейшие обитатели Южной Америки по каким-то причинам решили перебраться далеко на север, в Мексику. И гватемальские археологи сами не подозревают, обладателями каких сокровищ они являются. Ведь эти следы далеких веков поистине бесценны.

Полицейский-новобранец предложил проводить нас на следующий день и в Финкас Лос Таррос; впрочем, наш местный проводник тоже не захотел отставать от нас. И когда он принялся расспрашивать местных индейцев, работавших на плантации, те, как мне показалось, пытались сбить нас с толку и указать неверный путь. Неожиданно налетел тропический ливень, хлынувший словно из ведра, окатив джунгли очередной порцией влаги, и следом за ним на небе вновь как ни в чем не бывало засияло солнце. Воздух был настолько влажным, что мне показалось, что ноздри у меня буквально полны воды и слиплись от сырости. Москиты тоже, видимо, считали себя участниками нашей экспедиции, и как только в окне появлялась хоть малейшая щель, несколько представителей это грозного вида немедленно проникали внутрь и со всем остервенением набрасывались на беззащитную жертву.

В полдень мы оказались в густой тени каких-то раскидистых деревьев. Где-то поблизости слышались негромкие голоса. Мы сняли с плеч камеры, приготовились и двинулись прямо на звук речи, взбираясь по склону пологого холма, сплошь поросшего буйной тропической растительностью. Наконец показалась просека, а на ней — четверо индейцев-мужчин, три женщины и двое детей, то есть целая семья из девяти человек. Они расположились полукругом вокруг какого-то каменного изваяния, точнее, головы, возвышавшейся над землей на высоту более 1 м, а вокруг на небольших каменных плитах, совсем как на христианских¹ алтарях, горели свечи, и горячий воск прямо перед священным ликом капал на какие-то древние рельефы, служившие подсвечниками. Маленькая компания, погрузившись в молитвенное созерцание, обращалась к своему богу и была преисполнена благоговейного трепета. Поэтому мы старались двигаться бесшумно, чтобы не нарушить молитвенную сосредоточенность людей. И тем не менее они вскоре заметили нас и настороженно покосились на наши камеры, как если бы мы застали их за неким постыдным делом. Тогда мы направились напрямик к ним, словно единственной целью нашего появления здесь было тоже подойти и поклониться их древнему каменному богу.

Лик бога, на который были обращены взоры индейцев, взирал на нас весьма дружелюбно. На его каменном лице застыла приветливая улыбка; по обеим сторонам крепкого, решительного носа улыбались овальные глаза, и даже рот древнего бога, казалось, вот-вот дрогнет и расплывется в улыбке. В самом центре высокого лба было вырезано изображение крошечного личика. «Наконец-то нам попался хоть один улыбающийся бог», —

¹ Точнее — католических, ибо в Восточной Православной церкви свечи принято зажигать не на алтаре, а на особых огромных подсвечниках, выносимых на середину храма. (*Прим. перев.*)

Так хранятся археологические сокровища, открытые всем стихиям.

подумал я. Индейцы тем временем молча наблюдали за нами. Они мгновенно собрали амулеты, разложенные на плитах перед древними изваяниями, и мигом убрали их в кожаную сумку.

— На этом камне изображен бог? — обратился я с вопросом к самому старшему индейцу, которого все семейство понимало почти без слов и который был единственным, кто мог дать ответ на подобный вопрос.

— Да, сеньор, — едва слышным голосом отвечал старик.

— И что же это за бог?

Ответа старика я уж не понял; все его слова составляли бесконечно длинное имя, одну из типично индейских идиом. Затем на приличном испанском старик кратко пояснил: «Это бог счастья и удачи».

— А его изваяние давно находится здесь?

— Оно находилось здесь вечно, — гордо отвечал индеец. — Бог помогал нашим далеким предкам, помогает он нам и сегодня.

Пока старик беседовал со мной, его семейство постаралось поскорее незаметно ускользнуть. Возможно, бедные индейцы опасались, что, вернувшись в деревню, я расскажу местному духовенству о том, как они поклонялись языческим идолам. Правда, затем они немного успокоились, услышав, что я приехал сюда из дальних краев и сегодня же уезжаю. После этих слов индейцы принялись вновь извлекать из сумок свои странные амулеты, зажгли свечи и поставили на камень перед изваянием курильницу, где дымились какие-то благовоения, издававшие сладковатый, пряный аромат. И когда вся группа вновь погрузилась в сосредоточенную молитву, мы тихонько удалились.

Новобранец был вне себя от возмущения. Ему, выросшему в Санта-Люсия Котцумальгуапа, и в голову не могло прийти, что крестьяне, живущие совсем рядом от его родной дерегушки, могут поклоняться какому-то

Наконец-то нам попался хоть один улыбающийся бог: бог счастья и удачи.

там древнему богу счастья и удачи. Мы попытались успокоить нашего рассерженного полицейского, щедро вознаградив его за усердие и непредвиденное беспокойство, что доставило ему изрядное удовольствие. А поздно вечером мы уже вернулись в Гватемала-сити. Признаться, впечатления столь напряженного дня порядком утомили нас.

Notturmo¹

На столике в своем номере гостиницы «Эльдорадо» я обнаружил записку, где говорилось, что меня приглашает местный университет и лично профессор Диего Мо-

¹Notturmo (*итал.*) — ноктюрн, ночное. (*Прим. перев.*)

лина. Портье пояснил, что Молина — один из лучших фотографов Гватемалы; он преподает в университете, знакомя студентов с азами своего искусства.

А через несколько часов состоялась наша встреча с профессором, который оказался высоким, крупным мужчиной лет тридцати с небольшим. В уголке рта у него всегда торчала *хав-а-тампа*, небольшая сигара, по большей части даже не раскуренная. Он не расставался с ней ни при каких обстоятельствах. Затем профессор пригласил нас к себе домой. По пути в свою фотостудию Молина рассказал, что он провел в Тикале добрых полтора года, чтобы как можно подробнее увековечить на пленке все сколько-нибудь интересные памятники и объекты древней столицы майя во все времена года, в любое время дня и при любом освещении. Снимки, которые он показал нам, произвели на меня огромное впечатление. Молина сотрудничал в немецком журнале «Geo» и американском издании «National Geographic». Очень жаль, что большинство его просто поразительных снимков, сделанных в Тикале, пока еще не опубликованы.

Молина поинтересовался, не буду ли я возражать, если он сфотографирует меня, так сказать, в «драматическом контексте». Почему бы и нет? Я согласился, и он усадил меня на вращающееся кресло. Целая батарея прожекторов и рефлекторов направила мне прямо в лицо целые потоки света. Следуя указаниям мэтра, я принял самую что ни на есть неудобную позу. Тем временем на город опустились густые сумерки. Маэстро выключил свет. В наступившей темноте единственным ориентиром для меня служил красноватый огонек *хав-*

Илл. на стр. слева: Ноктюрн. Будучи швейцарцем, я, видно, не слишком фотогеничен и не гожусь для «драматического снимка».

а-тампы во рту маэстро. Он докурил одну сигару, взял другую...

Наконец, Диего Молина согнулся в три погибели на крохотном табурете за своей камерой, пытаясь устроиться поудобнее. Мы оба рассмеялись. Затем Молина придвинул другой табурет и, устроившись на нем, сделал наконец долгожданный снимок. Объектив щелкнул, и в тот же миг в углу студии лопнула лампа, и осколки так и брызнули над моей головой. Я мигом зажмурился, а затем, чуть-чуть приоткрыв глаза, внимательно оглядел остальные светильники, но Молина заверил меня, что такое случается крайне редко и поэтому сегодня нам решительно нечего бояться.

Не успели его умиротворяющие слова хоть немного успокоить мою перепуганную душу, как из трансформатора, где, видимо, пробило кабель, фонтаном брызнули искры, похожие на раскаленные докрасна спагетти. Мы опять погрузились во тьму. Диего Молина, не зря считавшийся истинным мастером импровизации, достал батарейки, осмотрел изоляцию, проверил проводку и, перегнав свою знаменитую тонкую сигару в левый угол губ, правым принялся объяснять мне, что же произошло. Затем он встал, подошел ко мне и предложил взять в руки какой-нибудь аллегорический предмет, ну, например, доисторическую фигурку. В конце сеанса позирования этот древний камень все-таки выпал у меня из пальцев и шлепнулся на пол.

После этого сеанса «фотомодельничания» я вынес твердое убеждение в том, что профессия фотомодели: а) очень напряженная; б) опасная и в) явно мне не подходит. Увы, я так до сих пор и не знаю, удалось ли ему издать свою фотосерию «Тикаль» до выхода в свет моей книги. Во всяком случае, Диего Молина мне это обещал.

Объездной путь в Копан

Собственно говоря, мы даже не собирались заглядывать в Тегусигальпу, столицу Гондураса. Целью нашего пути был Копан, а он расположен куда ближе к Гватемала-сити, чем к Тегусигальпе. И тем не менее нам пришлось добираться туда кружным путем, поскольку отрезок шоссе между Гватемала-сити и Копаном перерезает заросли девственных лесов и ехать по нему без охраны в плохоньком авто достаточно опасно. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как купить билет на один из самолетов гондурасской авиакомпании «Сахса» и вылететь в Тегусигальпу.

По правде сказать, и в этом вынужденном кружном пути нас поджидал целый ряд приятных развлечений. Так, попутно мы заглянули в отель «Гондурас Майя», на первом этаже которого шумит и процветает казино. Мы с Ральфом лихо взялись за дело.

Второй игрок, сидевший за рулеткой напротив нас, вскоре привлек наше внимание. Справа от крупье сидел, обливаясь потом от духоты, толстый негр. Он настолько был поглощен игрой и так нервничал, что не замечал, как пот ручьями стекал с его лба и темени, капая на светлый и когда-то опрятный пиджак. Шеи у этого великана вообще не просматривалось, и весь его вид так и излучал счастье и довольство всегдашнего победителя. Практически после каждого запуска рулетки крупье аккуратно пододвигал к нему стопки жетонов — выигрыш. А напротив этого улыбчивого толстяка-негра сидел сухопарый, давно небритый белый, после каждого сеанса скаливший в усмешке свои желтые прокуренные зубы — вернее, жалкие их остатки. Эта пара работала как отлаженный тандем.

Как только стрелки и шарик рулетки начинали вращаться, эта парочка, словно бывалые воры-карманники,

начинали осматривать каждое из 36 полей от 1 до 36, да плюс к тому zero (0) и двойное zero (00), характерные для американской рулетки, то есть всего 38 цифр. Вполне логично, что дружная команда при каждом вращении рулетки выигрывала и проигрывала. 36-й жетон, победитель, неизменно оставался на столе, а zero и двойное zero неизменно оказывались пустышками. Толстяк-негр и худощавый белый не спускали глаз с игрового поля. И когда выбранный ими номер наконец выпадал, они радостно поднимали руку, сложив два пальца в виде V — знак, скорее всего, изобретенный сэром Уинстоном Черчиллем в годы Второй мировой войны. Итак, V означало Victory (победа).

Крупье, элегантные, как и все представители этой профессии, украшающие своим присутствием игровые

Посадка в Копане.

столы во всем мире, действовали умело и расторопно, краешками глаз зорко наблюдая за всем происходящим. Игроки, не умевшие считать, были для них в прямом смысле слова источником легкой наживы; они преспокойно наблюдали за тем, когда на троне удачи воцарится очередной калиф на час.

В Копане, самом южном из крупнейших городов майя

И вот вместо того чтобы совершать двухдневный путь по дебрям тропических джунглей, мы предпочли довериться авиации, и маленький самолетик, которым управлял пилот-индеец, всего через час доставил нас на посадочную полосу аэродрома в Копане. Климат здесь оказался точно таким же, как и в Тикале, лежащем отсюда в каких-нибудь 270 километрах.

Испанский хронист Диего Гарсия де Паласио так описывал в 1576 г. Копан:

«...Там находятся развалины красивого храма, свидетельствующие о том, что в тех местах некогда находился большой город, от которого теперь мало что осталось, ибо примитивные люди, населяющие окрестности, явно не способны воздвигнуть ничего подобного... Между этими развалинами... высятся весьма примечательные объекты. Как только войдешь туда, сразу же натолкнешься на весьма толстую стену и громадного каменного орла, на груди которого изображен квадрат. Длина стороны этого квадрата составляет не менее четверти испанского локтя, и на нем вырезаны непонятные письменные знаки. Войдя во внутренний двор, видишь перед собой громадное каменное изваяние некоего великана; по словам индейцев, это — страж святилища...»

Увы, от «громадного каменного орла» сегодня ровным счетом ничего не осталось. Специалисты называют Копан, эту крупнейшую археологическую достопримечательность Гондураса, «Александрией Нового Света». Силванус Грисуолд Морли (1883—1948), знаменитый американский исследователь культуры майя, говорил, что Копан — это город, в котором древние астрономы совершали свои наиболее выдающиеся открытия. Он по праву считался центром научных познаний майя.

Руины древнего города, полностью заросшие лесом, впервые были открыты в 1839 г. Спустя примерно 100 лет начались более или менее планомерные раскопки, в ходе которых были обнаружены 38 стел высотой около 4 м и шириной около 1,5 м, на которых сохранились богатые сюжетные резные рельефы.

Литературные отклики на эти замечательные находки столь же многочисленны и богаты, сколь и противоречивы. Так, один из авторов научных работ усматривает на «стеле В» хобот слона, тогда как другой склонен видеть в том же изображении стилизованный клюв попугая ара, широко распространенного в тех краях. Хотя большинство лиц мужчин, высеченных на стелах, обычно являются безбородыми, встречаются стелы с настоящими бородачками. Так, на той же «стеле В» изображены сразу два бородатых лица.

Центральная часть г. Копан с его многочисленными древними дворцами и пирамидами, храмами и террасами расположена несколько выше остальных городских кварталов, и поэтому ее обычно называют акрополем, или верхним городом. В самом центре этого древнего акрополя расположена площадка для игры в мяч, длина которой составляет 26 м, а ширина — 7 м.

Мне очень посчастливилось иметь рядом такого замечательного «экскурсовода», как Тони. Этот крупный, внушительного роста мужчина в разговоре часто упот-

Тони обратил наше внимание на стелу, покрытую особенно богатой резьбой, которую туристы, как правило, не замечают.

реблял такие формулировки, какие подобают истому члену AAS; более того, у него есть даже членский билет этой организации. AAS — это аббревиатура от Ancient Astronaut Society¹, общества, основанного в 1973 г. в Чикаго. AAS — общество, ведущее обширную работу, главная цель которой — сбор всевозможной информации и фактов, подтверждающих справедливость теории о посещении Земли в доисторические времена представителями инопланетного разума.

Именно Тони обратил наше внимание на один любопытный памятник, который туристы обычно обходят стороной. Он остановил нас возле стелы, на которой были видны несомненные следы штукатурных работ. Эта стела весьма напоминала знаменитый Ангкор Ват, древний кхмерский храм в Камбодже. Археологи часто предпочитают закрывать глаза на этот факт. Они обходят молчанием это и множество других параллелей и прямых переключек между храмами Копана и Камбоджи. В самом деле, куда мы можем пойти, внося хаос и неразбериху в столь тщательно рассортированные представления о мире!

Помимо всего прочего, Тони показал нам камень с зубчатыми колесами и круглыми объектами, на которых явно просматриваются ступицы. Показал он нам и алтари, украшенные символами календарных дат. Просто удивительно, как они похожи на мотоцикл!

Но абсолютной сенсацией можно считать лестницу с иероглифами, состоящую из 63 ступеней. Лестница эта вела к давно разрушенному храму. Ступени этой лестницы, ширина которой достигает 10 м, украшены резными рельефами; изображения сидящих персонажей чередуются с иероглифическими композициями.

¹ Общество [изучения] древней астронавтики (англ.). (Прим. перев.)

Лестница с иероглифами.

Всего здесь изображено свыше 2500 иероглифов; это — самая большая из известных на сегодняшний день надписей на языке майя, большая часть которых по-прежнему ждет дешифровки и прочтения... Тони обратил наше внимание на алтарный камень, лежащий у подножия одной ступенчатой пирамиды. На нем изображены 16 жрецов-астрономов, на головах которых красуются тюрбаны. Сидят жрецы тоже совсем по-восточному, обсуждая ритуальный календарь, состоящий из 260 дней.

Копан, в отличие от Тикаля, расположен в длинной — протяженностью более 13 км — долине Мотагуа, прямо на берегу реки Копан. И тем не менее майя и здесь проложили свои знаменитые каналы для воды и устроили обширные резервуары! Открытие широко разветвленной системы каналов стало возможным только благодаря современным методам радарной геодезии.

И хотя тот факт, что майя были неутомимыми строителями каналов, известен достаточно давно, никто из ученых не задавался целью проследить особенности трассы хотя бы одного из каналов. И лишь в 1975 г. группе американских исследователей пришла в голову счастливая мысль установить в археологических заповедниках Центральной Америки радар. Они хотели выяснить, не скрываются ли в непроходимых дебрях тропических лесов этого региона другие древние города майя. И тогда Патрик Калберт и Ричард Э.У. Адамс, археологи из университета штата Аризона, обратились за помощью в НАСА. После этого Национальное управление по авиации и исследованию космоса в 1977 г. предоставило в полное распоряжение исследователей специальный радар «Галилео-II», сконструированный прежде для изучения поверхности планеты Венера.

Радар «Галилео-II» способен направлять волны не только строго вниз; он может посылать радиосигналы и воспринимать их отражения под углом до 75° по гори-

Копан. Площадка для игры в мяч.

зонтали относительно самолета. И вот во время полета продолжительностью более двух с половиной часов, выполненного в октябре 1977 г., ученым удалось произвести радарно-картографическое обследование обширной территории общей площадью более 20 тысяч км². В 1979 и 1980 гг. были выполнены новые полеты, во время которых использовались более совершенные приборы.

И ученым действительно удалось обнаружить то, что они искали: громадные каменные массивы, руины древних сооружений, обширные площадки, покрытые развалинами. Все эти пункты были связаны между собой тонкими извилистыми линиями. В ходе этой разведки была открыта сеть тщательно спланированных каналов, представлявших собой, так сказать, побочный продукт некоего более грандиозного замысла.

У меня тотчас возникли вопросы, на которые я и сегодня не могу найти удовлетворительного ответа. Кто является автором этого замысла? Кто разработал столь масштабные планы? Откуда взялись поистине огромные массы строителей, необходимых для возведения

всех этих дворцов, храмов, пирамид, дорог и каналов? Кто и как подвозил продовольствие и все необходимое для строителей и их семей? И если неведомым «главным архитекторам» удалось с легкостью разрешить все эти вопросы, нам не остается ничего иного, как восхищаться достижениями зодчих каменного века.

Мы возвращались в гостиницу, когда день уже клонился к вечеру, заливая древние памятники золотистым сиянием. От деревьев и зданий протянулись громадные сизые тени, да и фигуры людей в этой причудливой игре света казались настоящими призраками...

Уникальный Хочикалько

В такой огромной стране, как Мексика, площадь которой достигает 2 млн. км², городок Хочикалько представляет собой всего лишь крошечную точку на географической карте, однако значение этого пункта для всей Центральной Америки поистине огромно. Именно такого пункта и не доставало в моем собрании.

Сама поездка из Мехико-сити на юг Мексики, по живописным сосновым лесам, прериям, поросшим кактусами, гибискусами и бугенвиллеями, мимо роскошных орхидей всех видов и сортов, встречающихся по обеим сторонам дороги, взбегающей на горное плато высотой до 2800 м над уровнем моря, похожа скорее на сказочный сон или грезу о дивной красе божьего мира. О небольшой субтропической долине Куэрнавака, по которой нам довелось проехать, местные жители рассказывали, что в этих местах небо соприкасается с землей... В самом деле, климат здесь мягкий, земля плодородная, люди — во многом благодаря всему этому — отличаются дружелюбием и добротой.

Путешественнику здесь приходится быть особо вни-

мательным к дорожным щитам и указателям, приглашающим полюбоваться древними пиктограммами, заглянуть по пути к той или иной достопримечательности, например, осмотреть карстовые пещеры в Какахуамильпа, семь удивительно живописных озер в Земпоала, берега которых покрыты зарослями девственных тропических лесов, и новые пиктограммы древности — знаменитые ступенчатые пирамиды.

На высоте 1500 м путников ждет придорожный щит, указывающий дорогу на Хочикалько, расположенный на разрушенном склоне потухшего вулкана Ахуско. Строители этого древнего города срыли вершину горы и провели основательную перепланировку местности. Мы не знаем, когда это произошло; известно лишь, что уже

Загадочный и, по-видимому, незаконченный монумент майя.

в IX в. н. э. здесь существовал один из самых мощных укрепленных городов Центральной Америки. Другие исследователи утверждают, что несколькими веками раньше на этом месте располагался крупный астрономический центр со своеобразной каменной обсерваторией. Каково же было первоначальное название Хочикалько? Как это можно узнать? Хочикалько в переводе с языка индейцев нахуа означает «место цветников». Это название, как и многие другие столь же светлые имена окрестных урочищ и селений, вполне отвечает природе здешних мест. Достаточно лишь поглядеть вокруг.

Увы, до сих пор раскопана лишь очень небольшая часть этого обширного комплекса. В панораме окрестностей доминирующее положение занимает главная пирамида — Ла Малинче и дворец, а также площадка для игры в мяч (размеры ее 69×9 м), расположенная зодчими несколько ниже горизонта дворца. Все здания и объекты, размещившиеся на обширной территории размером 1300×700 м, ориентированы строго вдоль оси север—юг. Две главные пирамиды, взаимно дополняющие и уравновешивающие друг друга, свидетельствуют о том, что в их сооружении принимали участие астрономы: дело в том, что в дни весеннего и осеннего равноденствия солнце располагается точно над вершинами пирамид.

На почти квадратной в плане площадке высится пирамида Ла Малинче. Эта главная пирамида комплекса имеет строгую ориентацию по четырем сторонам света. На западной ее грани находится лестница шириной 9,6 м, 14 ступеней которой ведут к первому ряду монументов высотой 16,6 м. Наружные стены пирамиды украшены резными рельефами, изображающими восемь переплетающихся змеев. При внимательном рассмотрении нетрудно заметить, что они весьма и весьма напоминают летящих драконов, тела которых как бы при-

Ла Малинче, главная пирамида.

жимаются к сооружению. (Головы этих чудовищ очень похожи на головы драконов, украшающих интерьеры храма Владыки Неба в Запретном городе в Пекине!) На почтительном расстоянии между переплетающимися змеями-драконами изображены фигуры людей; они преклонили колена, склонили головы. Между тем эти люди облачены в богатые одежды, на них множество украшений. Разумеется, на всех этих рельефах в изобилии присутствуют и иероглифы, по большей части остающиеся нерасшифрованными. Рельефы вырезаны на андезитовых плитах и настолько тщательно подогнаны друг к другу, что держатся без всякого раствора. Первоначально, в древности, пирамида была расписана красками всех цветов радуги. Об этом свидетельствуют найденные цветные фрагменты.

Что это? Пернатые змеи? Летающие драконы?

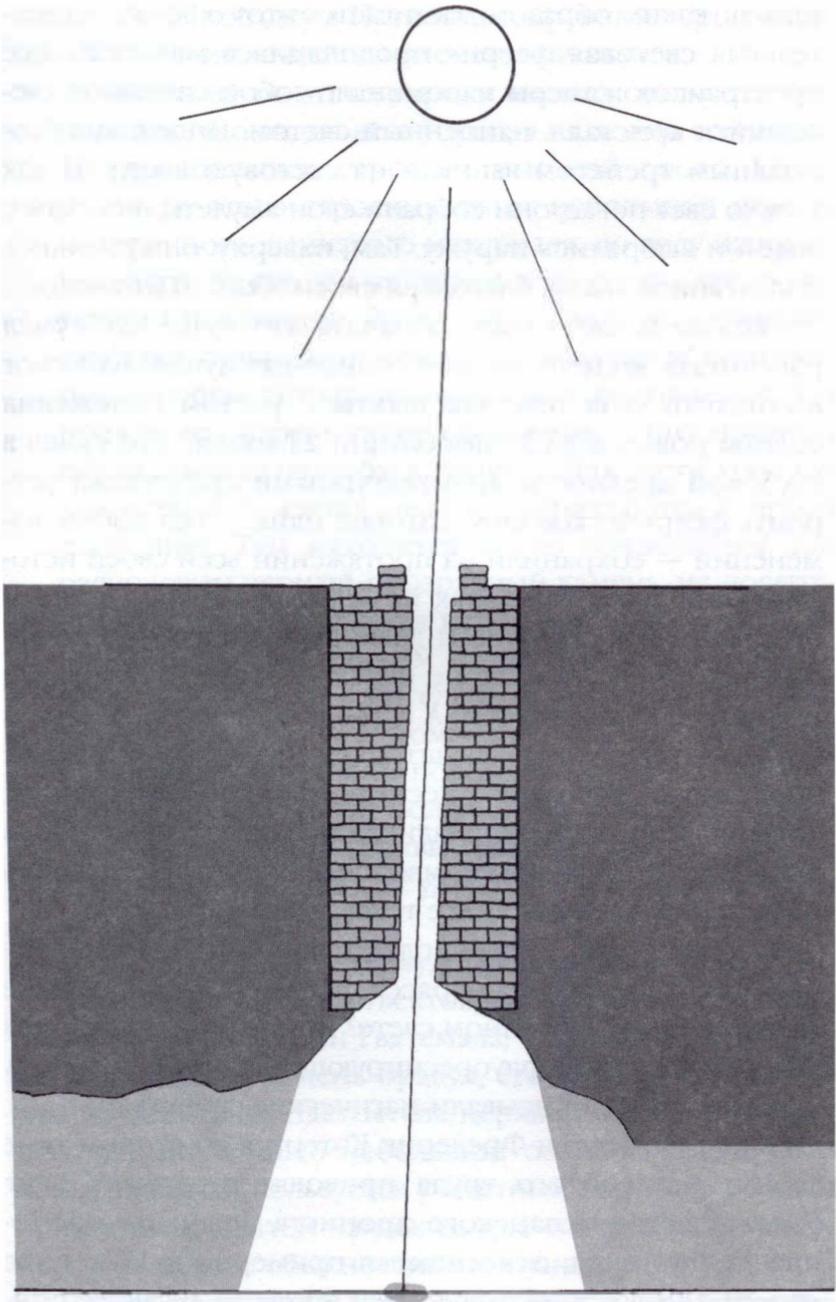

Стенки этой шахты образуют шестиугольник.

Но одна из главных и в своем роде уникальных достопримечательностей Хочикалько находится... под землей. Там в скальной породе пробиты особые ходы-штольни. В своде прямо над подземной камерой сделано отверстие. Эти подземные туннели представляют собой обсерваторию с одним-единственным наблюдательным пунктом. Странная обсерватория, ничего не скажешь.

Штольни уходят под землю на глубину 8,5 м; на этой глубине, прямо под штольней, расположена камера с боковым входом. В потолке этой камеры имеется узкое отверстие, напоминающее ствол шахты. Шахта, плиты которой образуют почти правильный шестиугольник, идет почти вертикально вверх. И когда в полдень 21 июня солнце как бы зависает точно над отверстием шахты, в подземной камере совершается настоящее чудо игры света. И поскольку мне ни разу не посчастливилось присутствовать в Хочикалько в этот знаменательный день, предоставляю слово мексиканскому инженеру Герардо Левету:

«В подземной камере, высеченной в толще скалы, вплоть до полудня царит глубокий полумрак. Ближе к полудню в камеру спускаются индейцы, держа в руках зажженные свечи. В центре, прямо на полу, они раскладывают всевозможные амулеты и сосуды с водой, принесенные с собой, ожидая явления божественного света. Наконец медленно поднимается солнце, и его лучи начинают проникать через шахту в подземную камеру. И вот ровно в 12.30 пополудни чудо начинается. Первые лучи как бы ощупью скользят по стенам; снопы лучей становится все шире и шире, заполняя собой всю шахту и освещая камеру. Внезапно потоки лучей, отражаясь от пола, начинают разлетаться во всех направлениях, протягивая светящиеся стрелы, напоминающие лучи лазера. Ни я, да и никто другой не возьмется объ-

яснить, каким образом достигается этот эффект. Удивительная световая феерия продолжалась минут 20. Все пространство камеры напоминало собой сплошной светящийся кристалл, напоенный светом. Индейцы с безмолвным трепетом взирали на световую шахту. И как только свет погас, они собрали свои амулеты и сосуды с водой и выбрались наружу. Там, наверху, они смеялись и пританцовывали, благодаря своего бога за это чудо».

Что же должно было означать это чудо? Кто сумел рассчитать эксцентриситет солнечных лучей? Кто смог вычислить угол наклона шахты с учетом положения солнца ровно в 12.30 пополудни 21 июня? Кто сумел в глубокой древности архитектурными средствами устроить феерическое шоу, которое майя — без всяких изменений — сохранили на протяжении всей своей истории? Они жили в темных помещениях с крошечными окошками и могли у себя дома любоваться игрой солнечных лучей. Давайте не будем спешить с ответом и немного пофантазируем. А вдруг в подземной камере, к которой ведет глубокая штольня, было скрыто некое божество, обладавшее чудесным зеркалом? Быть может, древние астрономы придали этой шахте шестигранную форму для того, чтобы символически обозначить шесть цветов спектра, то есть все те же цвета радуги?

А может быть, здесь, под землей, обрабатывали некий особый материал, рассмотреть который можно только в поляризованном свете? Или во время раскопок был найден некий флуоресцирующий камень, которому старейшины приписывали магические свойства?

Джон Стивенс и Фредерик Кэтервуд во втором томе своего знаменитого труда приводят странный факт: свидетельство испанского хрониста Франсиско Антонио де Фуэнтеса, относящееся примерно к 1700 г., то есть за 140 лет до Стивенса и Кэтервуда. Фуэнтес опи-

сывает свою поездку в Патинамит, древний город майя, центр владений индейцев племени качикуэль:

«К западу от этого города высится холм, с которого хорошо виден весь город, а на холме том находится небольшое строение высотой около 1,8 м. В центре этого строения стоит небольшой цоколь из странного дымчатого материала, по виду напоминающего стекло, но на самом деле состав этого материала неизвестен. Вокруг этого здания постоянно заседают судьи, выносящие самые разные приговоры, которые тотчас приводятся в исполнение. Но прежде чем изречь такие приговоры, у них принято обращаться за ответом к оракулу. Для этого трое судей встают со своих мест и направляются к некоей расщелине. Там находится место вопрошения, где расположен черный прозрачный камень, на поверхности которого является некое божество и дает ответы. С этим же камнем принято советоваться по всем вопросам относительно объявления войны и заключения мира. Об этом камне услышал и епископ Франсиско Маррокин, повелевший разбить его на мелкие куски. Самый большой из осколков служит алтарной плитой в церкви Тепкан Гватемала. Камень этот доныне сохраняет удивительную красоту. Длина его около 1,35 м».

Когда Стивенс и Кэтервуд, проводившие исследования археологических объектов майя, специально приехали в церковь Тепкан Гватемала, чтобы собственными глазами увидеть камень-оракул, его на алтарной плите уже не оказалось. Настоятель церкви поведал им, что у него хранится лишь небольшой осколок священного камня, который пользуется у местных индейцев особым почитанием, а затем извлек со дна своей огромной сумы кусок самого обыкновенного сланца!

Что же получается? Либо у почтенного хрониста Фу-

энтеса слишком разыгралось воображение, когда он описывал загадочный камень-оракул, либо священник показал гостям не тот камень, возможно, опасаясь лишиться его или попросту потому, что его у него уже давным-давно не было?

Впрочем, «чудо» отражения солнечных лучей в подземной камере, происходящее каждый год 21 июня, скорее наводит на мысль об инсценировочных способностях маститого падре. Однако это — одно из возможных объяснений, никак не проясняющее истинного назначения удивительной подземной обсерватории. Как бы там ни было, у нас нет никаких сомнений в том, что эта камера — настоящий шедевр астрономического зодчества.

Четверо летающих индейцев из Эль Тахина

Меня всегда интересовали так называемые *воллодерес*, или летающие индейцы, и я давно собирался побывать в Эль Тахине. И вот, когда я оказался в Акапулько, мне предоставилась возможность отправиться туда, совместив посещение фольклорного праздника с обычной туристической поездкой. На этот раз все складывалось удачно.

В 16 часов совершил посадку самолет, на котором прилетел Ральф, мой спутник, немецкий журналист, и мы помчались на машине в Веракрус, первый из портов, основанный испанцами еще в 1519 г., а сегодня являющийся одним из крупнейших портовых городов Мексики. После трехчасового пути на машине по дорогам, пролегающим среди роц цитрусовых деревьев и банановых пальм вдоль побережья Карибского моря, мы сочли вполне уместным позаботиться о том, где бы нам переночевать.

На пути нам встретился небольшой городок Текольтла. Здесь каждый год проводится так называемая «Фиеста мексикана». По улицам движется торжественное шествие музыкальных оркестров. На всех площадях и даже перекрестках жители и гости танцуют, предаваясь чарам завораживающего ритма так, как это умеют делать только в Мексике. Толпа веселящихся превращается в совершенно непреодолимую стену. Все сколько-нибудь приличные отели и гостиницы давно переполнены, так что нам пришлось остановиться в какой-то второсортной гостинице. Гостиница эта называлась «Мар и Соль», то есть «море и солнце», существовала довольно давно, и, по всему видно, ее лучшие времена остались позади. Комната оказалась большой, просторной и даже вполне опрятной. Зато в номере практически ничего не работало. Духота была поистине невыносимой. Делать было нечего, и мы поплелись в ресторан, расположенный прямо в саду.

Нам встретился весьма любезный пожилой мужчина. Про себя я подумал: и как только он терпит такую духоту, да еще в галстук? Сразу видно, истинный джентльмен. Мы разговорились, вежливо поинтересовавшись, почему гостиница находится в столь плачевном состоянии? Ведь она, вне всякого сомнения, знавала куда лучшие времена. Услышав наш вопрос, пожилой джентльмен рассмеялся.

— Мне уже 64 года, и я — прирожденный мексиканец. Смею вас уверить: в этой стране никогда ничего не меняется. Видно, это связано с нашим образом жизни, да и климатом тоже. Мексика — дивная, поистине сказочная страна; в наших недрах есть и нефть, и золото, и серебро, и драгоценные камни, и даже урановая руда, и все это — что называется, в изобилии. Да, мы очень богаты. У нас есть и сказочные пляжи, и непроходимые дебри, и высокие горы. Вы найдете здесь все — от веч-

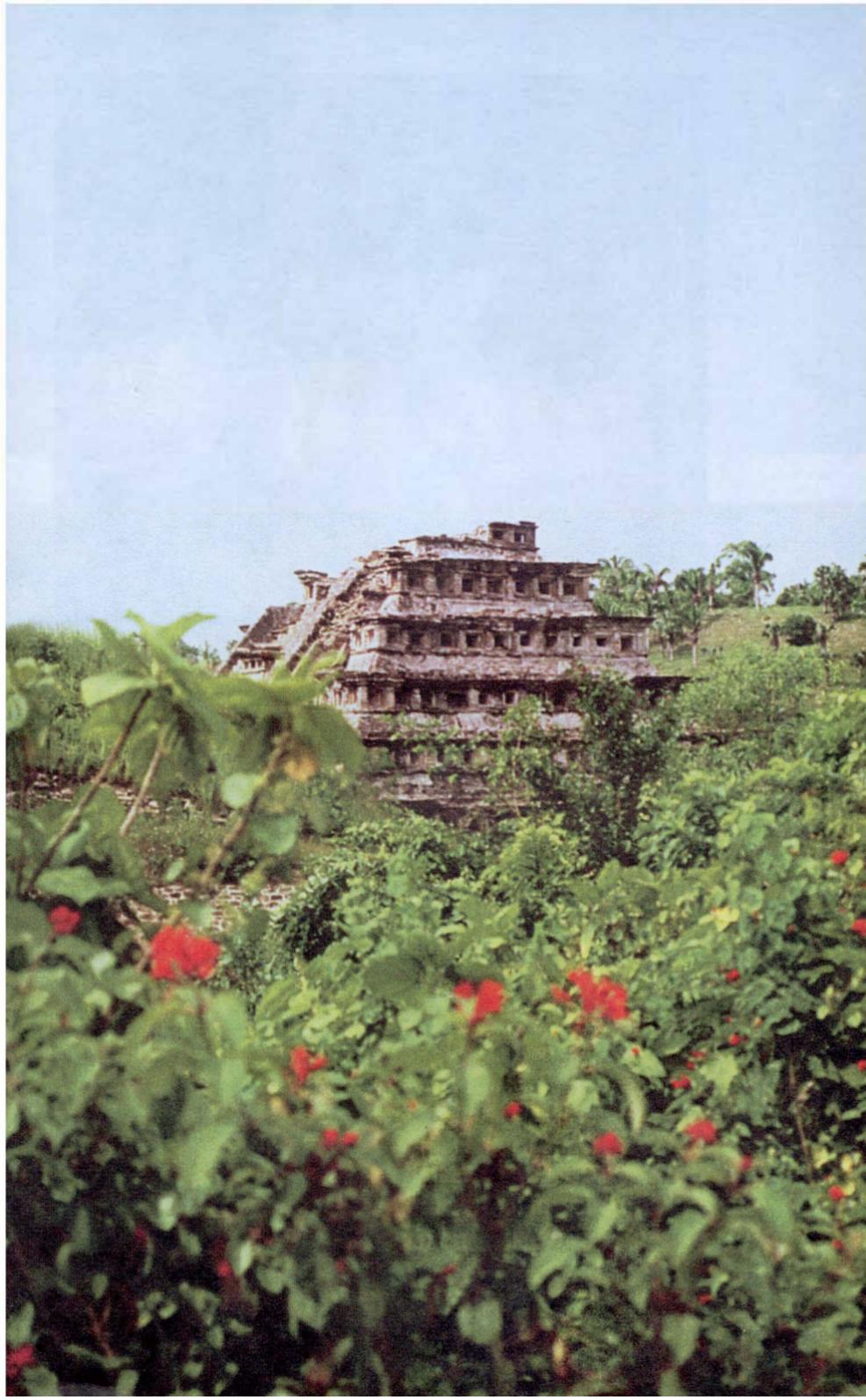
ных снегов до огнедышащей жары. Есть, правда, и один недостаток: нас, мексиканцев, слишком много!..

Господин сверкнул на нас своими острыми глазами и задумчиво налил себе полный бокал текилы — водки из кактуса агава, посолил и опустил в бокал дольку лимона. Мы тоже отведали текилы и вскоре отдали должное этому прекрасному, терпкому и весьма доступному по цене национальному напитку.

— Но почему же здесь почти ничего не работает? Холодильник в нашем номере не работает бог знает с каких пор; в нем уже пауки успели завестись! Лампочка в ванной не горит, так что мы едва шею не свернули. Я заглянул в добрую дюжину киосков и нигде не смог найти обыкновенной зубной пасты!..

Господин изящным жестом поправил галстук и улыбнулся:

— Если позволите, я расскажу вам подлинную историю. Быть может, она поможет вам лучше понять особенности нашего менталитета. Видите ли, поезда на участке Виллахермоса—Кампече каждый день опаздывают; так уж повелось, и это никому не мешает. Мексиканцы, как белые, так и индейцы, проявляют на станциях завидное терпение; они мирно болтают, курят, попивают текилу, посылают по e-mail (электронной почте) весточки своим домашним. И вот однажды произошло настоящее чудо: поезд в Кампече пришел на целых два часа раньше расписания. Все принялись изумленно спрашивать друг у друга: а где же женщины? Где дети? Где, наконец, багаж? А все объяснялось очень просто: это был вчерашний поезд!

Воладорес — летающие индейцы.

Гельмут, журналист и фоторепортер, собрался было запечатлеть Эль Тахин в лучах восходящего солнца. Было уже около пяти утра, и мы сочли, что ложиться спать все равно уже слишком поздно. Когда мы подъезжали к археологической зоне Эль Тахин, первые лучи утреннего солнца заскользили по небу. Гордые возможностью полюбоваться в столь ранний час восходящим солнцем, мы строевым шагом прошли через железную дверь и собрались было идти дальше, но нас остановил дежурный, заявив, что доступ посетителей разрешен лишь с девяти часов утра. Мы попытались было спорить, и я решил прибегнуть к своему обычному красноречию, нередко помогавшему в подобных обстоятельствах. Увы, все было напрасно. Гельмут тем временем решил пощелкать затвором и сделал несколько снимков панора-

Дворец изящных искусств в Мехико-сити.

мы, открывавшейся за спиной упрямого дежурного. Он сфотографировал Эль Тахин в лучах восходящего солнца. А нам оставалось терпеливо ждать девяти часов.

Я не люблю стереотипов, но на этот раз просто не могу удержаться от них. Ученые не знают, кем были древние зодчие, воздвигнувшие Эль Тахин. Существует *en masse*¹ всевозможных гипотез, однако с уверенностью можно утверждать лишь то, что древние жители Эль Тахина имели контакты и с культурой майя, и с культурой Теотиуакана. Свое название это место получило от расположенной поблизости нишевой пирамиды, так называемой *Тахин*. Название *Тахин* заимствовано из языка тотонаков, индейского племени, издревле обосновавшегося на побережье Мексиканского залива. На их языке *Тахин* означает «вспышка», но может переводиться и как «гром» или «дым».

В Тахине расположены две площадки для игр в мяч; одна из них окружена со всех сторон мощными стенами, украшенными эффектными резными рельефами. Но самая большая достопримечательность здесь — это, конечно, семиступенчатая пирамида, имеющая 365 ниш и крутые лестницы. Пирамида эта не имеет себе равных. Считается, что каждая из ниш этой пирамиды посвящена особому дню календарного солнечного года, а каждый из дней года, в свою очередь, посвящен своему особому божеству. Эта пирамида возведена поверх более раннего, загадочного сооружения, выполненного из вулканического камня. Храм, расположенный на вершине пирамиды, украшен изображениями пернатых змеев. В зависимости от положения солнца на небосводе в нишах возникают короткие или длинные тени; в полдень стенки ниш сверкают горчично-желтым цветом, а вечером их окрашивает закатный румянец.

¹ *En masse* (франц.) — множество. (Прим. перев.)

Даже сегодня, когда археологи раскопали не более одной десятой(!) комплекса Эль Тахин, совершенно ясно, что под толщей земли и зарослей джунглей скрыто еще не менее сотни древних сооружений. Тотонаки, обитающие в наши дни на этих землях, верят, что Эль Тахин был воздвигнут их предками. Это далеко не так. На самом деле комплекс Эль Тахин был построен за много веков до прихода в эти места первых тотонаков.

Охранник, которому мы рассказали о цели нашего приезда и который упорно отказывался пропустить нас, подойдя к нижней ступени пирамиды, крикнул: «Los voladores, señores!»¹ — А затем любезно проводил нас к летающим индейцам.

В центре большого круга было воздвигнуто нечто вроде железной мачты высотой около 50 м. Перед ней стояли пятеро индейцев, в красных штанах, украшенных красочными нашивками, белых рубашках и ярких капюшонах. Четверо из них, прижав к губам небольшие флейты, исполняли какую-то монотонную мелодию, а пятый ударами в небольшой барабан задавал нечто вроде ритмического рисунка. То опуская головы, то, наоборот, запрокидывая их в небо, индейцы пританцовывали в экстазе; все их движения отличались особой ритмичностью, подчиненной некому такту... Наконец инструменты умолкли, а исполнители образовали нечто вроде круга и низко, до земли, поклонились.

Затем, резко выпрямившись, индейцы один за другим принялись быстро взбираться на мачту, на самый ее верх, к небольшому клотику. Поднявшись наверх, они уверенными движениями привязали крепкий канат к своей правой ноге. Наконец пятый индеец тоже поднялся наверх. У него при себе была флейта, и он принялся наигрывать на ней ту же мелодию, покачиваясь

¹ Воладорес, сеньоры! (исп.) (Прим. перев.)

на шатком клотике в такт таинственному танцу и даже совершая некие движения, насколько то позволяла его крошечная «танцплощадка». Затем флейта издала совершенно иной звук; по всей вероятности, это был сигнал к началу, ибо, услышав его, четверо других индейцев тотчас бросились с клотика на вершине мачты вниз. Это было поистине свободное падение. Клотик, к которому были привязаны канаты, начал плавно поворачиваться вокруг оси мачты. Индейцы, раскинув руки и висая вниз головой, как бы парили в воздухе, и каждый из них «облетел» вокруг мачты 13 раз. Число это было выбрано не случайно. Дело в том, что четверо индейцев облетели вокруг мачты по 13 раз каждый, что в сумме дает 52 оборота, а 52 — это символическое число, лежащее в основе календаря майя! Каждые 52 года майя с трепетом ожидали возвращения богов, каждые 52 года с ужасом вглядывались во все концы небосвода, пытаясь заметить их приближение. Таким образом, четверо отважных индейцев своими полетами как бы символически воспроизводили это мифическое событие.

Станный народ эти майя. Кто они были? Кем были их предки? Каким богам они поклонялись? К ним с полным правом можно отнести слова, сказанные более века назад: «Беспорных истин вообще не существует, а если бы таковые и были, они были бы невероятно скучны». Так писал Теодор Фонтэн (1819—1898).

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАЧАЛО, СТАВШЕЕ КОНЦОМ

Истина подобна небу, а мнения — облакам.

Жозеф Жубер (1754—1824)

Премьера *тлачтли* на Западе состоялась жарким солнечным днем осени 1528 г. при дворе испанских королей в Гранаде.

Предприимчивый, удачливый и победоносный конкистадор Эрнандо Кортес помимо всех прочих бесценных сокровищ привез своему королю Карлу V (1519—1556) из Мексики, что называется, ради забавы и развлечения, команду ацтеков — мастеров игры в мяч, так называемой *тлачтли*, которым предстояло продемонстрировать свое невероятное спортивное мастерство перед просвещенными очами придворного общества. Играть заморским мастерам пришлось на внутреннем дворе площадью 40 × 15 м, окруженном стеной. С внешней стороны за языческой забавой наблюдали их королевские величества и цвет аристократического общества. Зрелища при дворе сменяли одно другое почти ежедневно, и благородные кабальеро и дамы, которым все эти потехи успели порядком прискучить, восседали на креслах, щебеча о каких-нибудь пустяках и почти не обращая внимания на происходящее. Но вскоре все разговоры умолкли. При виде того, что происходило внизу, на площадке, буквально дух захватывало. Ничего подобного в Старом Свете еще не видели.

Прекрасно тренированные индейцы играли в тяжелый, добрых пять фунтов весом, упругий мяч, сделанный из какого-то странного материала, который они называли гумми. В игре действовали строгие правила: тяжелый мяч запрещено было перебрасывать руками и ступнями ног; не могло быть и речи о том, чтобы позволить ему упасть на землю или хоть миг пролежать без движения. Искусные игроки перебрасывали мяч молниеносными движениями локтей, колен и голеней. Индейцы, совершая головокружительные прыжки, перехватывали мяч у самой земли, поддевали его бедрами, плечами и локтями. Команда, игрокам которой не удавалось перебросить мяч любым разрешенным способом на половину площадки соперника, получала штрафные очки. Но вершиной усилий и вожденной целью игроков было направить тяжелый упругий мяч так, чтобы он пролетел через каменное кольцо, прикрепленное к стенке в центре площадки на значительной высоте над землей. Да, это была поистине игра не на жизнь, а на смерть! Игроки то и дело разбивали друг другу в кровь носы, трескали кости, и от поля исходил настолько резкий и неприятный запах, что наиболее деликатные дамы, щадя свои нервы, держали наготове носовые платочки. «Многих игроков уносили с площадки замертво, — вспоминал впоследствии один из испанцев, присутствовавших при этом жутком зрелище, — ...иные получали тяжелейшие увечья колен или лодыжек».

Игра *тлачтли*, с которой ацтеки в тот день впервые познакомили европейцев, имела тысячелетние традиции. Дело в том, что ацтеки не изобрели ее, а просто-напросто заимствовали у своих предшественников — майя. У майя перемещения тяжелого мяча по площадке символизировали движения планет, ибо майя верили, что Вселенная тоже представляет собой громадную площадку для игры в мяч, на которой играют боги, а

мячами им служат планеты. Более того, по свидетельству епископа Диего де Ланда, прилежного хрониста своего времени, первоначально игроками в мяч выступали сами боги, а затем, когда они окончательно покинули Землю, традицию их ритуальной игры подхватили жрецы майя, которые и познакомили с ней простых смертных.

Согласно древнейшим представлениям майя, боги играли планетами! При таких взглядах неудивительно, что земная версия этой божественной игры велась, что называется, не на жизнь, а на смерть. Капитана проигравшей команды приносили в жертву богу игры — *Ксолотлю*; ему рассекали грудь и вырезали еще живое, трепещущее сердце. Остальных участников побежденной команды в лучшем случае обращали в рабство, но нередко были и случаи, когда их всех тоже приносили в жертву богам. Победителей же ожидали пышное чествование и особые почести; их щедро одаривали, преподносили богатые одежды и украшения. Так как в старинных источниках упоминалось о том, что зрители осыпали героев-победителей какао-бобами, совершенно очевидно, что эти дары тропической Америки активно возделывались и высоко ценились. Принимая во внимание все эти соображения, неудивительно, что правила игры *тлачтли* отличались такой кровавой жестокостью, ибо она считалась земным отражением небесной игры богов в планеты, ареной которой была Вселенная.

Что же за народ были эти майя, которые воздвигли грандиозные города, пирамиды и сложные астрономические обсерватории, но, несмотря на все эти культурные успехи, готовы были в какой-то игре принести в жертву человека? Кем были их боги, игравшие планетами в своеобразный пинг-понг, который послужил прообразом этого жестокого зрелища — *тлачтли*?

Открытие поневоле

Генуэзский капитан Кристобаль Колон, снискавший всемирную славу под именем Христофор Колумб (1451—1506), в одном из своих плаваний оказался буквально на волосок от того, чтобы стать первым европейцем, вступившим в контакт с майя. Во время своего четвертого плавания к берегам Нового Света летом 1502 г. он отправился от побережья Гондураса. Вскоре ему совершенно неожиданно встретился торговый корабль индейцев. И хотя команда этого неведомого судна встретила темнобородых, облаченных в красочные одежды испанцев с явным дружелюбием, Колумб не решился спустить шлюпку и лично пообщаться с незнакомцами. Он решил следовать дальше намеченным курсом на восток, в хорошо знакомые ему воды Карибского моря. На этот раз цивилизация майя так и осталась неведомой для европейцев.

Девять лет спустя, в 1511 г., такой контакт все же состоялся. Капитан Педро де Вальдивия по высочайшему повелению отплыл из Панама в Санто-Доминго, чтобы сообщить тамошнему губернатору тайное донесение об интригах в Панаме и передать королю подношение в сумме 20 тысяч золотых дукатов.

Вальдивия плыл на каравелле, старинном парусном судне, хорошо зарекомендовавшем себя во время первых плаваний к берегам Нового Света. У каравеллы был удлиненный корпус, низкие борта, высокая кормовая надстройка. Но у берегов острова Ямайка каравелла потерпела крушение, наскочив на коралловый риф. В числе 20 моряков, которым удалось спастись на крошечной, как ореховая скорлупка, шлюпке, оказался и капитан Вальдивия. Утлую, переполненную терпящими бедствие лодчонку без паруса и руля, на которой не было ни продовольствия, ни воды, ветры и течения прибили к

восточному берегу полуострова Юкатан. В пути восемь моряков умерло, и их трупы были выброшены за борт на съедение акулам. Поэтому в лодке, выброшенной на берег, оказалось двенадцать скелетов. О том, как это произошло, пишет тот же епископ Диего де Ланда:

«Эти бедняги попал в руки злых качиков (старейшин), которые принесли капитана Вальдивия и четверых его товарищей в жертву своим божкам, а мясо их было съедено за какой-то варварской трапезой. Агвилар и Гуэрреро (священник и матрос), а также еще пять или шесть несчастных были оставлены в живых для откорма. Однако им удалось бежать; они попали во владения вождя другого племени, враждовавшего с первым. Он оказался не столь кровожадным и обратил их в рабов и обращался с ними вполне дружелюбно. Однако вскоре они стали жертвами некоей болезни, так что в живых остались только Геронимо де Агвилар и Гонзало Гуэрреро. Агвилар был добрый христианин; он имел при себе молитвенник и не забывал соблюдать праздники...»

Джеронимо де Агвилар, священник, и Гонзало Гуэрреро, простой матрос, жили среди майя на восточном побережье полуострова Юкатан, неподалеку от города Тулум, где находилось немало пышных дворцов и оборонительных сооружений. Они выучили язык майя, вскоре стали пользоваться их доверием и даже стали советниками местного правителя.

Священник и матрос провели среди майя целых восемь лет, когда весной 1519 г. уже знакомый нам Эрнандо Кортес (1485—1547), покоритель Мексики, поставил свою флотилию из десяти кораблей на якорь в бухте у берегов острова Коцумель. Не успел Кортес высадиться на берег, индейцы, встретившие его с явным дружелюбием, сообщили грозному конкистадору, что неподалеку в плену находятся двое бородатых испанцев. Встре-

воженный Кортес собрался тотчас отправить вооруженный отряд для освобождения своих земляков, но затем предпочел послушаться совета капитана одного из кораблей, утверждавшего, что утесы и рифы в здешних водах слишком опасны, и поэтому им лучше держаться подальше от берегов.

Тогда Кортес написал несколько писем на испанском языке к правителю здешних земель, прося его отпустить пленных испанцев и передать их его людям. Однако этот жест Кортеса ни в коей мере не был проявлением христианской любви и гуманности: капитан отлично понимал, насколько незаменимыми помощниками в намеченной им захватнической кампании могут оказаться двое его соплеменников, владеющих языком майя и, кроме того, успевших познакомиться с нравами и обычаями местных жителей, совершенно чуждыми испанскому менталитету.

Передать письма было поручено знатному индейцу, который высадился на берег, имея при себе такие «бесценные сокровища», как стеклянный бисер, чтобы выкупить злосчастных испанцев.

Почтенный прелат Джеронимо де Агвилар откликнулся на этот призыв; он выполнял при Эрнандо Кортесе роль переводчика и информатора по многим важнейшим вопросам.

Что касается матроса Гонзало Гуэрреро, то индейцы давно освободили его из рабства. Он поселился в соседнем с Тулумом городе Четумаль; пользовался уважением местного вождя или князя и даже женился на его дочери — индейской княжне.

Гонзало решительно отклонил предложение Кортеса, ибо уже давно глядел на мир глазами майя и не знал, какая судьба может ожидать его новых друзей, когда его соотечественники-испанцы начнут устанавливать здесь

свой порядок под знаком креста. Гонзало отвечал Кортесу:

«Я женат, у меня трое детей; меня сделали одним из военачальников. На лице у меня — татуировка, губы мои проколоты, а в ушах я ношу серьги. Что скажут испанцы, когда увидят меня в таком виде...»

Гонзало Гуэрреро стал злейшим врагом испанцев. Он призывал майя оказать им вооруженное сопротивление, пытался объяснить доверчивым индейцам, как обманчива внешне благообразная наружность белых интервентов. Долгих 17 лет боролся Гуэрреро против своих бывших соотечественников; он стал первым партизаном — первым гуэррильеро в Центральной Америке. И лишь в 1536 г. испанцам удалось наконец убить белого бородатого мужчину, сражавшегося с неистовой яростью на стороне майя. Мужчина был обнаженным, его тело покрывала татуировка, в ушах блестели серьги, на шее — ожерелье. Это был Гонзало Гуэрреро.

Крест — предлог, цель — золото

За два года до прибытия Эрнандо Кортеса, в феврале 1517 г., адмирал Франсиско Эрнандес де Кордоба на трех судах с командой из 110 матросов отплыл из Сантьяго де Куба в надежде захватить где-нибудь дешевых рабов. После трехнедельного плавания испанцам встретился город Экаб. Они были поражены великолепием храмов и пирамид, но тем не менее красота творений майя не помешала им — вполне в духе варваров-завоевателей — стереть город с лица земли, а самих майя беспощадно расстрелять из своих пушек и аркебуз. Такие действия стали составной частью испанской стратегии «открытия» Центральной Америки.

После этой кровавой победы, или, лучше сказать,

бойни, в Экабе адмирал Кордоба отдал своим капитанам приказ взять курс на запад, в залив Кампече. На берегу собрались огромные толпы доверчивых майя; они приветствовали чужеземцев с удивительной сердечностью и теплотой и угощали их всем, что только позволяли их скудные возможности.

Короткая высадка была обставлена с необычайной пышностью, ибо шпионы адмирала донесли ему, что к югу отсюда расположен огромный и богатый город Чампотон. Чампотон был важным административным центром ица-майя, знатного княжеского рода, испытывавшего влияние тольтеков, которые, как и ацтеки, пришли в Мексику еще в доколумбовскую эпоху откуда-то с севера.

Но дело приняло неожиданный оборот. Либо правитель Чампотона был более осторожен, чем его коллега-мэр из Экаба, либо по природе ему была присуща особая подозрительность... либо его просто предупредили. Как бы там ни было, он вывел в гавань навстречу испанцам не менее 10 тысяч воинов. Вот что писал о подробностях этой бойни тот же епископ Диего де Ланда:

«Чтобы не показаться трусом, Франсиско Эрнандес де Кордоба построил своих людей боевым строем и приказал корабельным орудиям стрелять. Но хотя грохот, дым и пламя, изрыгаемые пушками, явились для индейцев полнейшей неожиданностью, туземные воины издали оглушительный боевой клич. Испанцы бросились вперед и оттеснили индейцев, нанеся многим ужасные раны и убив многих. Однако вождь сумел остановить бегущих, сплотить их, и индейцам в конце концов удалось отбросить испанцев. 20 из них были убиты, более 50 ранены, двое взяты в плен. Впоследствии их принесли в жертву. Франсиско Эрнандес де Кордоба получил 33 раны, был разбит и вынужден был вернуться на Кубу...»

Через несколько дней адмирал Кордоба скончался от ран в своей резиденции на Кубе. На смертном одре он показал своему другу, знаменитому Диего де Веласкесу, бывшему тогда губернатором Кубы, небольшую фигурку из чистого золота и некие священные предметы, захваченные им во время одного из своих прежних плаваний. Тем самым он как бы дал почувствовать будущему покорителю Мексики запах золота...

Весной 1518 г. Веласкес отправил своего племянника, Хуана де Грихальва, с тяжеловооруженным экспедиционным корпусом, чтобы покорить земли, где потерпел поражение его предшественник, адмирал де Кордоба, и превратить их во владения испанской короны.

Держа курс на юг, Грихальва 5 мая 1518 г., ровно год спустя после высадки де Кордоба, достиг берегов острова Коцумель. Католические падре, которые всегда присутствовали при подобных акциях, предложили торжественно крестить всех встречающихся им индейцев во имя господина нашего Иисуса Христа. Ради этой благой цели они решили первыми высадиться на берег. А сами алчные испанцы принялись расспрашивать местных жителей, как им найти богатые города, полные золота и драгоценностей. Им не терпелось прибрать к рукам горы золота. Во время плавания вдоль восточного побережья Юкатана Грихальва и его спутники увидели вдали город с белыми храмами и башнями, показавшийся им столь же обширным и хорошо укрепленным, как и их родная Севилья. Это и был Тулум, город, расположенный на высоких скалах, взметнувшихся над берегом Карибского моря, являвшийся, помимо всего прочего, одним из центров культуры майя, неподалеку от кото-

рого уже знакомые нам падре Агвилар и матрос Гуэрре-ро провели целых восемь лет в плену у индейцев.

Собственно говоря, Тулум был одним из немногих хорошо укрепленных городов майя, обнесенных с трех сторон мощной стеной. Обычно города майя были совершенно беззащитны, не имея ни укреплений, ни оборонительных валов. Тулум же был городом, построенным по особому плану: центральные улицы пересекали его кварталы параллельно друг другу по оси север—юг. Храмы и прочие культовые сооружения — по большей части многоэтажные — возвышались, как бело-желтые маяки, над зеленовато-лазурной гладью Карибского моря. Главным его святилищем был храм крылатого бога, снизошедшего на землю, которого современные археологи пренебрежительно окрестили *ах музен каб* — «пчелиный бог». Искусные резные изображения «пчелиного бога» сохранились на многих зданиях города, и всюду это существо, слетевшее с небес к людям, изображается в образе прилежного собирателя меда с человеческим лицом. Вся его поза отличается собранностью, а руки напряжены и согнуты в локтях, словно он держит в руках некий незримый штурвал. На ногах, напоминающих длинные пернатые ходули, надеты огромные башмаки. Кроме того, на мнимом «собирателе меда» явно угадываются скафандр и гермошлем, отчего его образ выглядит еще более загадочным.

Тулум, перед которым Грихальва капитулировал без боя, представлял собой прекрасно укрепленную крепость и во времена владычества майя носил название Тцама, «город утренней зари». От Тулума были проло-

Фото на стр. справа: Эти развалины принято называть «храмом снизошедшего на землю бога». Бог должен быть благодарен людям за такой мемориальный монумент в свою честь.

«Пчелиный бог».

жены многокилометровые дороги к другим центрам культуры майя, таким, как Коба, Якстуна и Чичен-Ица.

Адмирал Грихальва изрядно перепугался при виде города-крепости, имевшего более чем тысячелетнюю историю. Его возраст можно установить достаточно точно, поскольку и на многочисленных стелах, и в «храме фресок» сохранились иероглифы майя с указанием дат, указывающие, что возникновение Тулума восходит к глубокой древности. Хуану де Грихальва не оставалось ничего другого, как полюбоваться прекрасным городом, не делая никаких попыток овладеть им.

Отсюда Грихальва отплыл в южном направлении, будучи твердо убежден в том, что, если Юкатан представляет собой огромный остров, он сможет обогнуть его с другой стороны. Он приказал своему флоту построиться в заливе и, поскольку это произошло в день Вознесения господня, решил дать этому заливу гордое название «Асунсьон», что означает «Вознесение». Это название сохранилось и поныне.

Что же касается названия «Юкатан», то оно явилось плодом ошибки или недоразумения. Испанские охотники за рабами обычно с помощью жестов, мимики и условных знаков пытались выяснить у туземных индейских рыбаков, как звучат названия тех местностей и гаваней, в которых они бросали якорь. И на вопрос о том, как называется этот полуостров, индейцы майя, вполне возможно, отвечали: «*Си-утан!*» — что в переводе означает: «Мы не понимаем. Что вы говорите?» А испанцы, видимо, приняли это вежливое извинение за название самой страны. Так в географических атласах Центральной Америки появилось это странное название «Юкатан». Впрочем, оно звучит куда проще, чем название, которое этому полуострову дали сами майя: *улуми куз йетель кех* — «Страна оленей и индеек». Нет уж, пускай лучше будет «Юкатан»...

Наконец, Грихальва со своим флотом обогнул северную оконечность Юкатана и высадился на берег в Чампотоне — в том же месте, где за год до него совершил неудачную высадку его земляк Кордоба. Правитель города сразу же выставил против испанцев свое войско, намереваясь изгнать де Грихальва и его людей. Однако он не знал, что на этот раз агрессоры имеют при себе куда более мощное оружие. Несмотря на тяжелые потери, испанцы все-таки овладели городом. Однако Грихальва предпочел не задерживаться здесь. Неукротимое желание превратить весь громадный «остров» во владение испанской короны влекло его дальше и дальше на север; он был твердо уверен в том, что рано или поздно ему удастся отыскать на побережье пролив, ведущий к югу. Однако все его старания оказались напрасными.

Наконец, на широте современного города Веракрус, у спокойных берегов Мексиканского залива, Грихальва решил повернуть назад. Он приказал своим солдатам совершить высадку возле Понточана. Местные жители, индейцы чонталь-мая, встретили испанцев настолько приветливо и доброжелательно, что даже такие задиристые вояки, как Грихальва, не нашли ни малейшего повода для стычки.

И тем не менее именно с Понточана началась кровавая хроника разрушения и гибели империи маяя и ацтеков.

Апокалипсис

В далекой империи ацтеков, располагавшейся на землях современной Мексики, Монтесума II (р. около 1466), верховный жрец и правитель ацтеков, уже давно знал о появлении чужеземных кораблей с бледнолицыми мужчинами на борту, которые прибыли откуда-то

«от восхода солнца». Монтесума вместе со своими жрецами признал в чужаках посланников бога Кецалькоатля. Дело в том, что согласно одному древнему преданию, которое было одинаково знакомо и майя, и ацтекам, бог ветра, боги Луны и Венеры, а также бог всевозможных знаний в незапамятной древности покинули эти края и отправились «на восток», «к утренней звезде», обещав рано или поздно вновь возвратиться сюда. После их возвращения должны наступить блаженные времена. Монтесума, преисполненный радости по случаю долгожданного возвращения богов, послал испанскому адмиралу Грихальва бесценные дары: жемчуг, драгоценные камни, дорогие ткани и, самое главное, — золото! Грихальва при виде этих даров испытал не только радость, но и изумление. Дело в том, что он до сих пор ничего не слышал о существовании столь богатого и щедрого правителя, как Монтесума II. Более того, никто из испанцев даже не подозревал о существовании далекой империи ацтеков. Индейцы чонталь-майя рассказывали о некоей дальней стране, в которой высятся целые груды золота. Майя сочными красками живописали несметные сокровища ацтеков, как бы вскользь намекая, что пришельцы из дальних краев могут там легко обогатиться. Майя решили воспользоваться шансом и поживиться за счет ацтеков. Дело в том, что они давно завидовали своим богатым соседям.

И их интрига возымела успех. Грихальва приказал спешно поднять паруса, чтобы принести своему дядюшке, Диего де Веласкесу, всемогущему губернатору Кубы, долгожданную весть: золото найдено! Там же, на Кубе, находился и знаменитый Эрнандо Кортес (1485—1547).

Потомственный дворянин, сын пехотного офицера, Кортес вырос в городке Меделла, расположенном в испанской провинции Эстремадура. Он изучал право в университете г. Саламанка. Впрочем, знание права не

помешало ему творить в Мексике жуткие беззакония. К нему с полным правом можно отнести один из излюбленных принципов иезуитской богословской морали XVII в.: цель оправдывает средства. Помня о королевском декрете, наделявшем захватчиков невиданными полномочиями, Кортес не брезговал никакими, даже самыми варварскими средствами для достижения своей цели.

Кортесу, за плечами которого уже были полные приключений плавания в Новом Свете, было всего 26 лет, когда он вместе с Диего де Веласкесом принял участие в жестоком завоевании острова Куба. Благодаря своей отчаянной храбрости — или всему тому, что под ней понималось, — Кортес пользовался у испанцев всеобщим уважением.

Однако неукротимое честолюбие и эгоистические интересы вскоре стали причиной его разрыва с Веласкесом. На какое-то время Кортес даже оказался в заключении, но в конце концов ему удалось даже жениться на дочери всесильного губернатора. И, вынужденно держась как бы в тени своего тестя, Кортес выжидал, когда ему предоставится шанс нанести решающий удар. Будучи чиновником высокого ранга и скотовладельцем — достаточно сказать, что он первым завез на Кубу европейских коров, — владельцем обширного имения и золотых приисков, Кортес был весьма состоятельным и даже богатым человеком, но он хотел гораздо большего — удачи, громкой славы.

И такой шанс Кортесу наконец представился, когда адмирал Грихальва, обогнув Юкатан, вернулся на Кубу с известием о том, что ему удалось разузнать от индейцев о несметных сокровищах Монтесумы, правителя ацтеков. После этого Грихальва, племянник губернатора Веласкеса, и его зять Кортес вступили в непримиримую схватку за благосклонность губернатора. Оба мечтали

о славе и золоте. Оба горели желанием отыскать несметные сокровища ацтеков. Оба в качестве предлога для предполагаемой грабительской акции хотели воспользоваться проповедью христианства туземным «дикарям».

К концу концов верх одержал Кортес. Он был готов без колебания распродать все свое имущество и пойти на риск, пустив вырученные деньги на финансирование намеченного предприятия, сулившего несметные богатства и громкую славу. К тому же многочисленные друзья Кортеса тоже решили внести лепту в общее дело, сделавшись участниками и акционерами будущей компании. Перед таким огромным стартовым капиталом Грихальва был вынужден отступить.

Губернатор Веласкес назначил своего зятя верховным главнокомандующим нового флота.

И вот 10 февраля 1519 г. от берегов Кубы вышла в море флотилия в составе 11 кораблей. На борту этих кораблей находилось 110 матросов, 508 солдат, 32 арбалетчика и 13 канониров (пушкарей). На палубах находилось 10 тяжелых и 4 легкие пушки. В трюмах приглушенно ржали 16 коней. Ничего не скажешь, настоящая армада!

В тот февральский день Кортес и не подозревал о том, что ему предстояло столкнуться с огромными народами — майя и ацтеками, численность которых составляла несколько миллионов человек. Не знал он и того, что его имя навсегда войдет в историю человечества как имя безжалостного разрушителя грандиозной культуры, равной которой в мире не было. Впрочем, его несколько не беспокоило, какой приговор вынесет его деяниям история.

Порох

Кортес с налета овладел островом Коцумель, на который Кордоба и Грихальва попросту не обратили внимания, и объявил индейцам, принявшим крещение, что отныне они являются подданными испанской короны.

Затем он двинулся дальше, по маршруту своих предшественников, вдоль побережья, держа курс на запад. Он все еще придерживался ошибочного мнения о том, будто Юкатан — это остров. Наконец отряд Кортеса высадился на берег возле Понточана, чтобы пополнить запасы провианта. Но там, где отряд Грихальва радушно приветствовали местные жители, Кортеса ожидал совсем иной прием. Он увидел на берегу более 40 тысяч воинов майя.

Прибегнув к помощи пушек и арбалетов, топча изумленных индейцев конями, Кортес нанес майя жестокое поражение, устроив настоящую бойню. Простодушным, наивным индейцам эти человекообразные чудовища, облаченные в сверкающие доспехи, восседающие на конях в ярких красочных попонах, казались такими демоническими существами, причем конь и всадник составляли в их сознании некое нераздельное целое.

Майя не знали пороха. Огнедыщащие пушки, обрушившие на их ряды целый град мелких камней, самым негативным образом повлияли на боевой дух индейских воинов. Они с суеверным ужасом взирали на ядра, пронесившиеся в воздухе. Быть может, это тоже нечто вроде новой разновидности *тлачтли*, божественной игры в мяч, и им не остается ничего другого, как сдаться на милость богов, которые явно вознамерились принести их всех в жертву?

Эрнандо Кортес прекрасно сознавал, какому счастливому стечению обстоятельств его войска обязаны

своей невероятной победой. В письме от 10 июля 1519 г., адресованном Карлу V и его супруге, он писал:

«Ваши Королевские Величества, разумеется, понимают, что в этом бою мы одержали победу благодаря воле божией, а не нашим скромным силам, ибо четыремстам бойцам — а именно столько нас было — трудно противостоять сорока тысячам...»

И хотя Кортес отлично понимал, что в дальнейшем его отряду будут противостоять многие тысячи храбрых, хорошо организованных воинов, он все же не пожелал оказаться от своего предприятия, казавшегося безумной авантюрой: вывести 500 бойцов против нескольких миллионов индейцев! На его черно-золотом знамени алел красный кардинальский крест, под которым красовалась надпись: «IN HOC SIGNO VINCES!»¹ («Этим знаменем ты одержишь победу!») Эти слова представляют собой знаменитый девиз римского императора Константина I Великого (286—337), провозгласившего христианство официальной государственной религией². С этим же призывом «Этим знаменем мы

¹ *In hoc signo vinces* (лат.) — в более традиционном для русского читателя переводе — «сим знаменем победиши». По преданию, перед решающим сражением в борьбе за власть с главным соперником, Максенцием, Константину было видение в небесах огромного креста, и он слышал глас, говорящий: «Сим знаменем победиши». После этого Константин спешно приказал водрузить кресты на свои императорские штандарты и действительно одержал победу. (Прим. перев.)

² Точнее сказать, Миланский эдикт 313 г., изданный Константином совместно со своим соправителем — Лицинием, уравнивал христиан в правах с приверженцами других религий. Сам же Константин, провозглашенный Церковью святым равноапостольным царем и организовавший в 325 г. в Никее Первый Вселенский собор (на котором был принят христианский символ веры (лат. *Credo*, слав. «Верую»), принял крещение буквально на смертном одре, причем обряд крещения императора совершил епископ-арианин (арианство — ересь, которую св. Константин поддерживал в последние годы своего правления). (Прим. перев.)

одержим победу!» Кортес, как умелый демагог, обратился к своим солдатам, а затем, нимало не смущаясь всевозможными «за» и «против», которые необходимо было обсудить перед началом столь рискованного похода, воскликнул: «Золото — на земле, вечная награда — на небесах!»

Авантюрист, захватчик и миссионер в одном лице, Кортес приказал выступать в поход, невзирая на ужасный климат, тропическую лихорадку и прочие губительные болезни, свирепствовавшие в джунглях.

В гавани Веракрус («Истинный Крест») Кортес основал первый испанский город на новых землях — Мехико, который на протяжении всей эпохи активной колонизации оставался главной отправной точкой «серебряных галеонов». Его отряд, в котором он устроил настоящие децимации¹ для укрепления дисциплины, понимал, что пути назад просто нет и всякого, кто обратится в бегство, ждет неминуемая смерть. На глазах своих потрясенных воинов он приказал поджечь корабли². Стоит ли после этого удивляться, что его испанцы стали проявлять настоящие чудеса храбрости, не отставая в бою ни перед какими жестокостями. И, проявив поистине нечеловеческую волю к победе, Кортес со своим отрядом нанесли сокрушительное поражение майя и ацтекам, покрыв себя славой непобедимых воинов. И независимо от того, удалось ли коварному Кортесу разыграть индейскую карту, воспользовавшись враждой между индейскими племенами, или нет, это ничуть не умаляет важность его победы.

¹ Децимации (от *лат. decimatio*) — публичная казнь по жребию каждого десятого. (*Прим. перев.*)

² Мера, показывающая знакомство с античной классикой, ибо точно так же, согласно «Илиаде» Гомера, поступили ахейцы (греки), предавшие огню свои корабли во время осады Трои, чтобы ни у кого не возникло соблазна бежать. (*Прим. перев.*)

Как бог Кецалькоатль приступил к уничтожению столицы ацтеков

Благодаря интригам и коварным хитростям Кортесу удалось выведать у туземцев, что тлакскальтеки — индейцы, жившие в нагорных районах Мексики, — стремятся сохранять независимость от владычества ацтеков и ради того, чтобы свергнуть ацтеков, готовы даже заключить военный союз с испанцами. И когда Кортес подошел к столице империи ацтеков — городу Теночтитлан, — горя желанием захватить его, в рядах его экспедиционного корпуса насчитывалось более 6000 тлакскальтеков.

Несмотря на это, верховный правитель ацтеков, печально известный Монтесума, не прекращал усилий, стремясь умиловить испанцев. Его посланники привозили в лагерь врагов все новые и новые дары, по приказу Монтесумы умоляя захватчиков не вступать в священную столицу. Однако все эти дары и упрасивания возымели обратное действие, чем то, на которое рассчитывал Монтесума: 15 ноября 1519 г. Кортес со своими головорезами вступил в Теночтитлан.

Перед ним раскинулся богатый город, расположенный на берегах лагуны, сверкающей серебром в лучах утреннего солнца. Вдали виднелись таинственные храмы, дворцы — средоточия всевозможных сокровищ и роскоши, площади, окруженные стенами и красивыми колоннами, дома — их было более 70 000, а над всем этим великолепием вздымались в небо величественные пирамиды.

Кортес, облаченный в торжественное одеяние адмирала, возглавил шествие своего отряда. Своих союзников, тлакскальтеков, он решил оставить в лагере. Кортеса плотным кольцом окружали арбалетчики в доспехах,

восседавшие верхом на конях. Реяли стяги, сверкали на солнце мечи... Да, это был настоящий победитель, ехавший по авениде, которая вела в Теночтитлан.

Чтобы лично приветствовать иноземцев, Монтесума приказал рабам нести себя на пышном паланкине, украшенном золотом и драгоценными камнями. Повелителя вынесли навстречу врагам и опустили паланкин на огромный красочный шерстяной ковер, разостланный прямо по земле. Кортес лихо соскочил с коня и направился прямо к повелителю ацтеков, который все это время буквально не спускал с него глаз. В своем знаменитом романе «Боги, гробницы, ученые», посвященном археологии, К.В. Керам так описывает эту роковую встречу:

«В первый раз за всю долгую историю открытий случилось так, что представитель христианского Запада мог не просто реконструировать богатую чуждую культуру по отдельным ее фрагментам, а встретиться с ней лицом к лицу. Кортес перед Монтесумой... Да ведь это все равно, как если бы Бругш-бей в долине Дейр-эль-Бахри вдруг встретился лицом к лицу с Рамзесом Великим, или Колдуэй в «висячих садах» Вавилона внезапно столкнулся бы с Навуходоносором, прогуливающимся перед вечерней трапезой, и они приятно поболтали бы друг с другом, совсем как Кортес с Монтесумой...»

В распоряжении Монтесумы было 200 000 воинов. Стоило ему только приказать, и кучка испанцев, несмотря на все пушки и арбалеты, была бы мигом растерзана в клочья. Так почему же Монтесума так и не отдал приказ к бою? Почему он проявил столь роковую нерешительность?

Объяснение этому непостижимому факту следует искать в религиозных представлениях и верованиях ацтеков. Подобно тому, как иудеи тысячелетиями ждут

прихода своего Машиаха (Мессии), как мусульмане ожидают пришествия эль Махди, как инки вглядывались в небеса, ожидая возвращения своего бога Виракоча, как островитяне Полинезии ждут появления бога Лоно, так и ацтеки веками ждали возвращения из дальних краев своего мифического бога Кецалькоатля. Поэтому они и приняли Кортеса за давно ожидаемого ими бога, сочтя испанца за воплощение своих древних чаяний.

Но кем же был этот легендарный Кецалькоатль? Что побудило ацтеков с таким нетерпением ожидать его возвращения?

Согласно мексиканской книге «Кодекс Чимальпопка», что означает «Книга преданий», Кецалькоатль в древности целых 52 года жил среди индейцев. Во время своего земного служения он был правителем и верховным владыкой народа, обладая аурой учителя законов, носителя культурных ценностей и милосердного вестника богов.

Имя Кецалькоатль в переводе означает «зеленый пернатый змей». Его главным украшением и атрибутом считались зеленые перья; в воспоминание об этом он изображался в облике летящего змея. Символом Кецалькоатля служила планета Венера.

Согласно тому же преданию, Кецалькоатль отличался крупным, могучим телосложением, а характерной особенностью его лица был огромный широкий лоб, из-под которого сверкали большие, широко расставленные глаза. Он носил бороду, странный головной убор, напоминающий шутовской колпак, ожерелье из больших морских раковин, цепочки на ногах и сандалии из того же загадочного материала — гумми. Любопытная деталь: Кецалькоатль обладал громогласным голосом, который якобы был слышен за 15 км!

Внезапное исчезновение этого могущественного правителя объяснялось двумя разными версиями. Либо

Явление бога Кецалькоатля, который, по преданию, должен вернуться на спине «летающего змея».

Реконструкция. Фреска Диего Риверы.

он предал себя сожжению, чтобы воскреснуть в образе утренней звезды (Венеры), либо где-то далеко, «на восходе солнца» — то есть на востоке — живым вознестся на небеса, обещав своим людям, что когда-нибудь в далеком будущем он возвратится назад.

Итак, встреча Кортеса с Монтесумой явилась этакой неудачной и явно запоздалой шуткой истории.

Ацтеки и майя жили по законам точных календарных циклов. Все постройки возводились в строгом соответствии с календарным ритмом, ибо считалось, что это придает им особую прочность. И надо же было такому случиться, что Кортес явился именно в тот календарный период, когда ожидалось возвращение Кецалькоатля. Жрецы давно предсказывали это событие... Ко-

роче, календарь со всей определенностью подтверждал истинность легенды! И Монтесума, верховный жрец и правитель ацтеков, мог, имел право и был обязан признать в бородатом бледнолицем авантюристе Кортесе долгожданного возвратившегося Кецалькоатля!

Именно поэтому он встретил гостя с поистине царскими церемониальными почестями и предложил ему расположиться в своем собственном дворце. Целых три дня коварный Кортес наслаждался радушием и гостеприимством хозяина, а затем распорядился возвести здесь... часовню. Монтесума с готовностью созвал лучших ацтекских зодчих, повелев им воздвигнуть христианскую часовню. А затем он обратился к жрецам и представителям знати с речью, попытавшись объяснить им свои действия:

«И вам, и мне хорошо известно, что наши предки были родом не из этой страны, в которой мы сегодня живем, а прибыли сюда из далеких краев под водительством великого вождя».

Эти вежливые фразы со всей очевидностью показывают, что Монтесума видел в Кортесе посланника «великого вождя из далеких краев». Именно поэтому под сенью величественных ацтекских храмов было позволено возвести скромную христианскую часовню. Возведение этой часовни имело символическое значение, став как бы инициацией и началом грандиозных событий.

Скорбная ночь гордых испанцев

Испанцы чувствовали себя на землях ацтеков полновластными завоевателями — каковыми они, впрочем, и были — и пристально наблюдали за работами по строительству часовни. Так, в одной из стен они с удив-

лением заметили свежезакрашенное место, за которым находилась потайная дверь. Взломав ее, они проникли внутрь и оказались в просторном зале, наполненном золотыми изваяниями, сосудами из золота и серебра, всевозможными ювелирными изделиями, драгоценностями и украшениями, а также удивительными тонкими тканями, выполненными из нитей и перьев. Кортес пригласил сведущего человека и приказал ему оценить найденные сокровища. Результат оценки оказался просто ошеломляющим: около 162 тысяч золотых песо, что в пересчете на современные деньги составляет около 6,3 млн. долларов США.

Кортес строго запретил извлекать сокровища из тайника и приказал вновь замуровать стену. Дело в том, что время для вывоза обнаруженных ценностей было явно неблагоприятным, ибо в городе было неспокойно. Знать и высшие жрецы противились испанцам, отказываясь выполнять их приказы. Кортес понимал, что долго злоупотреблять гостеприимством хозяев он не сможет.

Помимо этой непосредственной угрозы возникла и другая: с Кубы сюда был спешно направлен карательный отряд. Зять Кортеса, всемогущий губернатор Веласкес, получил известие о том, что Кортес распорядился сжечь за собой корабли. И вскоре в бухте Веракрус бросили якорь 18 кораблей, с которых на берег высадились более 900 воинов, в том числе — 80 тяжеловооруженных всадников. Этот отряд был куда более внушительным, чем кучка людей, находившаяся под командой Кортеса. Однако у последнего были союзники — стойкие и бесстрашные индейские воины.

Треть своего отряда Кортес повел сам, а прочих оставил под командой своего капитана в Теночтитлане, поручив им охранять Монтесуму. Затем, имея под своей командой около 70 испанцев и более 200 индейцев,

Кортес походным маршем поспешил обратно в Веракрус, где ему противостояли превосходящие силы соплеменников — более 900 воинов.

Благодаря внезапной ночной атаке Кортесу удалось рассеять карательный отряд, уничтожить его командиров и перебить многих из числа незадачливых карателей. Захваченные в бою кони, оружие и доспехи пригодились его собственным людям. Кортес мог торжествовать: победа осталась за ним.

После этого спешно вернулся в Теночтитлан. И узнал, что во время пышных празднеств в честь бога Теокали испанцы по заранее условленному знаку напали на безоружных ацтекских вождей и жрецов. Началась резня, в ходе которой более 700 ацтеков было убито. Эта бессмысленная и кровавая бойня послужила сигналом к массовому восстанию индейцев против захватчиков. Индейцы, проявлявшие доселе странное терпение, свергли Монтесуму, провозгласили новым правителем его брата и начали штурм дворца, в котором закрылись вероломные испанцы.

Кортес со своим отрядом подоспел как раз вовремя. Он мог бы уничтожить мятежников, осаждавших его отряд, но дело в том, что волнением был охвачен весь Теночтитлан. И тогда Кортес приказал поджечь храмы и здания. И пока испанцы безжалостно истребляли ацтеков, злосчастный Монтесума — о горькая ирония судьбы! — попытался выступить в роли посредника. Это была его последняя ошибка: 30 июня 1520 г. возмущенный народ побил камнями и растерзал его.

И вот теперь Кортес отдал приказ начать вывоз сокровищ. Испанские мародеры, сгибаясь под тяжестью золота, серебра и драгоценных камней, брели по обезлюдевшим улицам Теночтитлана. Ацтеки, отступившие перед ночным боем, выставили дозорных лишь в нескольких ключевых пунктах города. И вот один из до-

зорных заметил мародеров. Его крик прорезал ночную тишь. Ему тотчас отозвались другие дозорные. Мгновенно вспыхнули смоляные факелы. И вскоре весь город по тревоге был поднят на ноги.

О, это была поистине *noche triste* — скорбная ночь для испанцев. Многие из них тотчас лишились головы. Над их трупами поблескивали груды золота и серебра. Испанцы попятились и начали тонуть в болоте. Индейские воины беспощадно добивали их. Коней и всадников, которым удалось вырваться из-под града стрел, встречали камни пращников. Кинжалы с наконечниками из обсидиана — вулканического стекла, дающего на сколе очень острую кромку, — мягко входили в трепещущие тела мародеров. В эту ночь численность испанских грабителей сократилась наполовину. Сам Кортес был тяжело ранен, а многие бесценные сокровища, завладеть которыми так жадно стремились испанцы, погрузились на дно, в лазурные воды лагуны. Да, это была *noche triste*.

Прошла неделя.

Кортесу удалось собрать остатки своего отряда. Пушек и мушкетов у них почти не было, всадников осталось буквально считанные единицы. Им предстояло новое испытание: Кортес с кучкой уцелевших бойцов решил направиться в долину Отумба.

Ацтеки мигом перегруппировали войско и перестроились. И перед потрясенными испанцами в грозном молчании возникло войско, насчитывавшее как минимум 200 тысяч воинов.

Кортес, которому уже нечего было терять, кроме собственной жизни, приглядевшись, заметил за спинами суровых воинов предводителя этой громадной армии, облаченного в одеяние из развевающихся перьев. Над местом, где он стоял, развевался яркий стяг.

Испанский адмирал, качнувшись в седле, крикнул

своим всадникам: «Во имя Святого Духа!», направил ядро своего отряда прямо через ряды индейцев, которые безмолвно расступились и вновь сомкнулись за спинами испанцев. Кортесу удалось пробиться к военачальнику ацтеков и тяжело ранить его своим мечом.

И огромная 200-тысячная армия тотчас сделалась неуправляемой.

Стройные боевые ряды смешались.

Воины с воплями бросились врассыпную.

А вскоре, словно призрачные тени облаков, они буквально растаяли в долах и лесах, ища спасения в горных пещерах и непроходимых джунглях.

Это было начало конца великой империи ацтеков.

Прошло несколько месяцев.

Кортес вернулся с новым, более мощным отрядом воинов.

В Теночтитлане царствовал новый правитель — Куаутемок. Он стойко оборонял свою столицу, но в конце концов был вынужден капитулировать под огнем испанских пушек.

Теперь Кортес мог беспрепятственно приступить к вывозу несметных сокровищ. Куаутемок уже не мог помешать разграблению древних святилищ: он был повешен. Но сокровища исчезли. Не найдены они и до сего дня.

Гордый Теночтитлан в 1521 г. был захвачен и разграблен испанцами. Храмы и пирамиды, жилые здания, изваяния богов, стелы и библиотеки были осквернены, разгромлены и преданы огню. На руинах древней столицы возник новый город — Мехико.

В последующие несколько веков вся Центральная Америка оказалась во власти испанских венценосных мародеров. В кровопролитных сражениях испанцы стерли с лица земли народы и племена, являвшиеся потом-

ками майя. Непокорные индейцы подвергались жестоким преследованиям или попросту уничтожались.

Епископ Диего де Ланда, не отличавшийся особой набожностью, был буквально потрясен жестокостями своих соотечественников. Он пишет, что собственными глазами видел, как испанцы вешали матерей вместе с детьми вниз головой, воинам майя отрубали носы, руки и ноги, а женщинам отрезали груди. Все эти зверства творились ради того, чтобы превратить индейцев в рабов, обратить их в христианство и разграбить богатства, накопленные трудом многих и многих поколений.

Туземные жители, численность которых резко сократилась в результате голода, болезней и эпидемий, завезенных новыми хозяевами, были вынуждены покориться грубому насилию и произволу. Испанцам не приходилось более прикладывать огромные усилия, чтобы покорять все новые и новые земли и ровнять с землей древние города Америки. После того как перед лицом новой религии, осененной знаменем креста, древние боги туземцев пали, исполнив свое предназначение, уцелевшие ацтеки и майя разбрелись по всем концам Нового Света. Дворцы прежних владык были преданы забвению. Буйная растительность влажных тропических лесов быстро покрыла собой пирамиды и изваяния павших богов. В руинах древних храмов шипели змеи и бродили похожие на тень ягуары. Бесследно погибли бесценные рукописи и книги; их погубили не только опустошительные пожары, устроенные испанскими варварами, но и куда более мирные враги — сырость, муравьи, жучки. Многовековая ночь забвения опустилась на последние следы великой эпохи, уникальной культуры, по-прежнему скрывающейся в непроходимых джунглях свои древние тайны...

Эпилог

Кортесу не довелось воспользоваться плодами своей громкой победы. После захвата империи ацтеков король Карл IV назначил его штатгальтером — наместником Нуэва Эспания, то есть Новой Испании, однако враги Кортеса при дворе вменяли ему в вину жестокости и преступные действия, повлекшие за собой нарушение испанских законов.

В 1528 г. Кортес прибыл в Гранаду, чтобы лично оправдаться перед королем. И король, несмотря на все эти доносы, осыпал своего верного слугу милостями и наградами, однако при этом лишил его титула наместника Мексики.

Два года спустя Кортес вновь отправился в Новый Свет. На этот раз он решил сосредоточить свои усилия на покорении полуострова Калифорния. В 1540 г. он вернулся в Испанию и принял участие в военной кампании короля Карла V в Алжире, сопровождая своего нового сюзерена. Однако, несмотря на милостивое расположение к нему нового короля, Кортесу не удалось защититься на придворном суде от обвинений в преступлениях и нарушениях законов, выдвинутых против него.

В этой связи вспоминается один любопытный факт, так и оставшийся нерешенным.

Три года спустя после взятия Теночтитлана, 5 мая 1524 г., в одном из сражений на нагорьях Гватемалы капитан Педро де Альварадо внезапно заметил, что один из полководцев киче-мая... поднялся в воздух:

«Полководец Текум взлетел в воздух. Он был покрыт перьями, совсем как орел, и притом перья эти росли из его тела сами собой, а не были сделаны человеческими руками. У него были огромные крылья, которые также росли из его тела, а на голове у него

было три короны: одна из золота, другая из жемчуга, а третья — из алмазов и изумрудов».

Капитан Альварадо видел его совершенно ясно; это был отнюдь не призрак и не мираж, ибо летающий полководец одним ударом своего обсидианового кинжала отсек голову его коню. Более того, этот летающий воин, как пишет Альварадо, попытался было поразить и его самого, но промахнулся. И этой долей секунды и воспользовался Альварадо, сумевший схватить и задушить грозного небесного воина.

Возникает естественный вопрос: быть может, облаченный в зеленые перья бог Кецалькоатль передал некоторым избранным жрецам свое искусство летать по воздуху? Дело в том, что место, где доблестный капитан Альварадо сошелся в поединке с летающим воином, носило название Кецальтенанго. Это же название носит сегодня один из городов Гватемалы, а в Гватемала-сити воздвигнут величественный памятник крылатому воину.

Но тайна так и остается неразгаданной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИКИЕ, МУДРЫЕ, ДИВНЫЕ КНИГИ

Недостаточно просто знать; нужно уметь применять эти знания.

Иоганн Вольфганг фон Гете
(1749—1832)

К тому времени, когда на рубеже старой и новой эры римский прокуратор Понтий Пилат предал Иисуса Христа на распятие, во влажных тропических джунглях Центральной Америки уже возникли величественные и богатые города с пышными площадями, с дорогами, протянувшимися на несколько километров, на которых высились храмы и дворцы, с просторными площадками для спортивных состязаний, с подземными криптами (погребальными комплексами), с огромными резервуарами для воды, связанными между собой разветвленной сетью каналов, со ступенчатыми пирамидами, вздымающимися в небо, и огромными обсерваториями. В ту эпоху прямо в дебрях тропических лесов были возведены такие города, как Тикаль и Пьедрас Неграс в Гватемале, Копан в Гондурасе и Паленка в Мексике. Индейцы, трубочлюбивые, как муравьи, и покорные, как рабы, склоняясь под кнутами надсмотрщиков, жрецов и древних властителей, работали не покладая рук, возводя под руководством искусных архитекторов величественные здания. Лучшие художники украшали фасады зданий и их внутренние палаты росписями и резьбой. Древние мастера готовили краски из растертых в порошок ми-

нералов, глинозема, пережженных костей, крови, высушенного дерева, также растертого в порошок. В такие смеси добавляли листья и цветы и расписывали ими просторные залы и фасады многих чертогов. Найденные археологами краски, возраст которых превышает две тысячи лет, практически не потускнели от времени.

А затем, когда строительство всех этих роскошных зданий и храмов было завершено, произошло нечто неожиданное. Майя по непонятной причине вдруг начали покидать один город за другим и перебрались на новые земли, лежащие на расстоянии нескольких сотен километров, где принялись основывать новые города. Это произошло примерно за тысячу лет до того, как Эрнандо Кортес захватил Теночтитлан.

Видимо, причиной этого были некие загадочные события или процессы, над разгадкой которых давно и безуспешно бьются лучшие умы исторической науки.

Что же могло случиться?

Быть может, простые индейцы подняли мятеж против своих правителей и жрецов?

А может быть, в те отдаленные времена произошла некая революция? Но в пользу такой гипотезы невозможно привести никаких фактов: древние здания после исхода жителей оказались совершенно нетронутыми. А как учит мировая история, победители, одержавшие верх в гражданской войне, поступают как раз наоборот: они захватывают города и переселяют в них своих подданных.

Быть может, жители покинули обжитые места из-за голода? Эта гипотеза тоже не соответствует действительности. Дело в том, что разветвленная система оросительных каналов практически гарантировала древним майя стабильный урожай маиса, а ведь именно маис в те времена был основным продуктом питания. В распряжении жителей покинутых городов имелись обшир-

ные и прекрасно возделанные пахотные земли; майя были известны высокоэффективные методы агротехники, позволявшие методом выжигания лесов расчищать под пашню все новые и новые пространства на месте тропических зарослей. Кроме того, даже если такой голод действительно случился, что крайне маловероятно, его в столь плодородном краю пережили бы многие и многие туземцы, и численность населения вскоре была бы восстановлена.

Быть может, причиной столь непонятного исхода жителей явилось резкое, катастрофическое изменение климата? Эта версия настолько маловероятна, что о ней не стоит и говорить всерьез, ибо майя, бросив свои города, перебрались не за тридевять земель, а всего на каких-нибудь 300 км. Крупномасштабное изменение климата — а именно на такой катастрофе настаивают сторонники этой гипотезы, — сделавшее невозможной жизнь на прежнем месте, неизбежно погубило бы все живое и на новом месте, расположенном совсем недалеко от покинутой прародины. То же самое можно сказать и о гипотезе якобы внезапно возникшей эпидемии, некой галопирующей малярии, то есть болотной лихорадки, переносчиком которой мог явиться пресловутый малярийный комар. Эти препротивные создания, с которыми я имел несчастье познакомиться на собственном опыте, могли преследовать индейцев буквально по пятам во время их пути на новые земли.

За отсутствием сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этого феномена среди специалистов возобладало мнение о том, что майя были изгнаны и отеснены с обжитых мест некими агрессивными пришельцами. Когда я слышу всю эту логичную чепуху, у меня невольно возникает вопрос: а почему бы не предположить, что майя некогда изгнали со своей древней родины... нас с вами? Они ведь были защищены достаточно

неплохо и, в конце концов, смогли дать тем же оружием достойный отпор испанцам, нагрянувшим на эти земли спустя более 1000 лет. Получается, что майя и их земли достигли вершины расцвета своей цивилизации, не умея толком защищать себя от врагов? Но тогда выходит, что враги, покорившие бедных майя, взвалили на них бремя непосильных даней и податей, а между тем их селения и города остались практически нетронутыми.

Увы, мы об этом практически ничего не знаем. Ясно одно: некоторые важнейшие церемониальные центры были покинуты своими жителями буквально за одну ночь. В Тикале, например, осталась незавершенной одна из платформ храма. А в г. Уаксактун высится явно недостроенная стена. Более того, в г. Дос Пилар сохранилась огромная иероглифическая фреска, для завершения которой древним штукатурам оставалось нанести на нее буквально несколько лопаток извести...

Об этих и многих других загадочных фактах мой знаменитый соотечественник Рафаэль Жерар, посвятивший несколько десятилетий изучению культуры майя, пишет:

«Столь резкое и практически одновременное прекращение строительных работ, происшедшее в тот самый момент, когда цивилизация майя достигла своего полного расцвета, свидетельствует, что ее развитие было прервано насильственным путем».

Что ж, вполне возможно, но тогда получается, что майя покинули свои города и селения задолго до появления потенциального агрессора, ибо на руинах их бесчисленных построек до сих пор не обнаружено никаких следов разрушений или пожаров. Они оставляли за собой настоящие города-призраки! Нет ответа и на вполне логичный вопрос о том, почему же гипотетиче-

ские победители не преследовали изнанников-мая и не помешали им основать на новом месте новые города. Гипотеза о вторжении захватчиков вызывает и множество других вопросов: ну, например, почему предполагаемые оккупанты не воспользовались плодами своей внезапной победы, почему не обосновались в столь комфортабельных по тогдашним меркам городах?

В более ранних источниках по истории цивилизации мая неоднократно упоминаются «древняя» и «новая» империи мая. Это различие представляется весьма надуманным, ибо результаты раскопок и исследований со всей ясностью показывают, что никак нельзя утверждать, что «древняя» империя прекратила свое существование в один миг, по повелению некоего воображаемого властелина. За падением древней империи последовало быстрое возрождение: в период между 600 и 900 г. н. э. на месте старых городов началось активное строительство новых. Распад «древней» империи протекал медленно и постепенно, на протяжении добрых 3000 лет, и часто параллельно со сносом старых построек сразу же начиналось возведение новых. Впрочем, Кортес и его приспешники даже не подозревали об этом. Они захватывали богатые города мая — Чичен-Ица, Майяпан или Чампотон, — которые представляли собой сравнительно новые центры. Древние же центры цивилизации мая были давным-давно покинуты обитателями, и их развалины сплошь поросли джунглями. И все те знания в области культуры, цивилизации и науки, которые мая получили в наследство от своих таинственных предшественников, пали жертвой варварской христианизации, осуществлявшейся испанцами.

Как были уничтожены козни и порождения дьявола

Вскоре в Новом Свете появился неутомимый гонитель и уничтожитель культурных ценностей, созданных майя за всю свою многовековую историю. Тот самый, что предложил ключ к разгадке тайны этого исчезнувшего мира. Поистине мрачная ирония судьбы.

Звали этого человека фра Диего де Ланда. Он родился в 1524 г. в г. Сифуэнтес, расположенном в испанской провинции Толедо, и был сыном знатных родителей. О, это была поистине великая и славная эпоха экспансии католической церкви, и на всю Испанию прозвучал возвышенный призыв, обращенный к знатым и древним родам: посвятить как минимум одного сына или дочь на служение интересам церкви. В 16 лет Диего принял постриг и вступил в монастырь ордена францисканцев, расположенный в г. Сан-Хуан де лос Рейес. Решив всецело посвятить себя служению Христу, фра Диего вознамерился предаться суровой аскезе и заняться миссионерской проповедью в дальних краях, посредством которой орден рассчитывал возвестить свет Евангелия язычникам.

Диего едва исполнилось 25 лет, когда в их ордене собралась группа монахов, на плечи которых была возложена труднейшая миссия — обратить к свету христианской веры более 300 тысяч индейцев-язычников на полуострове Юкатан, расположенном между Мексиканским заливом и Карибским морем.

Будучи умным и образованным юношей, горевшим желанием всецело послужить Христу, Диего за какие-нибудь несколько месяцев выучил язык майя и настолько свободно владел им, что по прибытии на Юкатан

смог выступать перед индейцами с проповедью на их родном языке.

Нет ничего удивительного в том, что молодой человек легко сделал блестящую карьеру. Вскоре он стал уже гвардианом — настоятелем вновь основанного монастыря в Изамале и принялся усердно открывать его подворья. Неутомимый испанец всегда ходил в одном и том же коричневом рубище, отпустил пышную бороду. Он решил заняться перевоспитанием молодых индейцев на новый, христианский лад, и они, преисполнившись рвения искоренять древние суеверия, вскоре превзошли своего учителя.

Разумеется, Диего де Ланда побывал — благо для этого надо было проделать путь протяженностью всего лишь день езды — и на развалинах древнего города майя Тхо, внутри которого испанцы еще в 1542 г. заложили свою крепость Мерида, превратившуюся в опорный пункт для дальнейшего захвата Юкатана.

Францисканские монахи были поражены при виде величественных построек Тхо, но, увы, видели в них не более чем удобные каменоломни для возведения своего, христианского форта — Мерида. Так, например, древние храмы майя они переосвятили и превратили их в свои христианские кафедральные соборы, а в пирамидах разместились административные конторы испанцев. И хотя для строительства своих зданий испанцы использовали многие и многие мириады камней древнейших построек, де Ланда выразил сомнение в том, «возможно ли вообще исчерпать столь огромный запас».

Вскоре преподобный отец был назначен главой провинциальной администрации ордена, которому было поручено наблюдение за успехами миссионерской деятельности, а затем и епископом Мерида. Во время одной из своих пастырско-ревизорских поездок де Ланда

выразил возмущение упорством майя, которые продолжали совершать ритуалы своих прежних культов и явно не желали отречься от древних богов. Грозный епископ приказал незамедлительно изъять у майя все их книги и «идольские истуканы».

И вот, в печально памятный день 12 июля 1562 г., на площади перед церковью Сан-Мигель в Мани, последней столице майя, была сложена огромная груда древних культовых предметов: 5000 «идольских истуканов», 13 алтарей, 197 культовых сосудов и 27 предметов научно-практического и религиозного назначения. По приказу неумолимого епископа все эти бесценные памятники прошлого были преданы огню. Языки пламени взметнулись в небо, пожирая уникальные документы великой культуры... В этой связи можно вспомнить, что само название Мани в переводе означает «Все миновало».

Падре Диего де Ланда раздраженно вспоминал:

«Мы нашли огромное количество книг с рисунками, но поскольку все они содержали лишь козни и порождения дьявола, мы предали огню все, что майя долго скрывали, чем повергли их в глубокую скорбь».

Скорбь эта не утихла и до сих пор; ее разделяют очень многие и в первую очередь — ученые, исследующие культуру майя. Это варварское аутодафе в Мани послужило своего рода сигналом. Испанские миссионеры с какой-то неистовой поспешностью принялись уничтожать рукописи майя всюду, где им только удавалось найти их. К разряду «порождений дьявола», как окрестил их епископ де Ланда, были отнесены любые следы и памятники культуры майя, так или иначе напоминавшие об их древних богах. И тем не менее наука парадоксальным образом одним из ключей к разгадке мира майя обязана именно неумолимому епископу де Ланда.

Глава провинциальной администрации, епископ де Ланда — настоящий «ястреб» среди миссионеров — про-

водил свои грозные акции, невзирая на критику другой партии при испанском дворе, так называемых «голубей». Об их происках ему доносили его собственные шпионы. Запутавшись в придворных интригах, он начал всерьез задумываться о возможности найти оправдание своим действиям. Он попытался найти друзей, которые помогли бы ему проникнуть в тайны и загадки древнего мира майя. И вскоре он действительно нашел таких информаторов, принадлежавших к членам знатных индейских родов, в частности — в таких центрах, как Коком, Ксиу и Ица. Для того чтобы собрать документальные доказательства огромной «опасности» майя, замечает он в своих мемуарах, написанных по-латыни, он попросил своих новых друзей как можно подробнее рассказать ему об их древних богах и мифах, изложить суть их поистине фантастической системы счета и познакомиться с их алфавитом, а также календарем. В 1566 г. он написал своего рода апологию в защиту собственных действий — «Отчет о делах, касающихся Юкатана». Это сочинение было и остается одним из важнейших источников для исследователей культуры майя. Между тем обнаружено оно было чисто случайно.

Спустя почти триста лет после написания этого своеобразного документа, а именно в 1863 г., аббат Шарль-Этьен Брассор (1814—1874), человек, обладавший духовным саном, но не принадлежавший к какому-то конкретному монастырю, работая в Королевской библиотеке в Мадриде, случайно нашел рукопись де Ланда. Рукопись, напоминающая небольшую брошюрку, скромно пребывала в тени, затерявшись между огромными фолиантами в кожаных переплетах с золотым тиснением. Брассор, на протяжении ряда лет служивший миссионером в Гватемале и священником в посольстве Франции в Мехико-сити, был буквально поражен. На небольших, исписанных старинными черными чернилами

страницах рукописи, рядом с убористыми латинскими буквами перед ним предстали образцы иероглифов майя и схематические прорисы художественных памятников майя. Брассор отыскал своего рода нить Ариадны, которая должна была вывести его из лабиринта древностей майя.

Наследие майя

Епископ де Ланда в своем «Отчете» писал:

«Самым важным и ценным, что вожди туземных племен берегли с особым тщанием, были их книги, содержавшие научные знания».

Земляк епископа, некий Хосе де Акоста, вспоминал:

«На Юкатане существовали как переплетенные книги, так и свитки, в которых ученые индейцы записывали свои знания о планетах и явлениях природы, а также свои древние предания».

Трем таким книгам, так называемым *кодексам*, удалось пережить беспощадные гонения, которым епископ де Ланда подверг прошлое майя.

Так называемый Мадридский кодекс, обнаруженный аббатом Брассором в библиотеке одного профессора дипломатической школы столицы Испании.

Парижский кодекс, найденный в 1860 г. в корзине для бумаг в Парижской национальной библиотеке. Сегодня этот кодекс считается едва ли не самым ценным ее сокровищем.

Дрезденский кодекс, названный так благодаря тому, что он хранится в библиотеке земли Саксония, привезенный Иоганном Христианом Гётце, библиотекарем Королевской библиотеки в Дрездене, в 1793 г. из своего путешествия по Италии. Гётце в связи с этой находкой писал:

«Наша Королевская библиотека имеет преимущество по сравнению с многими другими книгохранилищами благодаря тому, что она обладает этим редчайшим сокровищем. Эта книга была найдена несколько лет назад в Вене одним частным лицом, которое не разбиралось в подобных вещах и потому с готовностью рассталось с ней. Книга эта, вне всякого сомнения, перешла к нему по наследству от некоего испанца, который либо сам вывез рукопись из Америки, либо это сделали его предки».

Как дешево ценят подобные сокровища люди, которые в них не разбираются! А сегодня на торгах на аукционе Сотби знаменитый Дрезденский кодекс был оценен в сумму, выражающуюся семизначным числом в долларах.

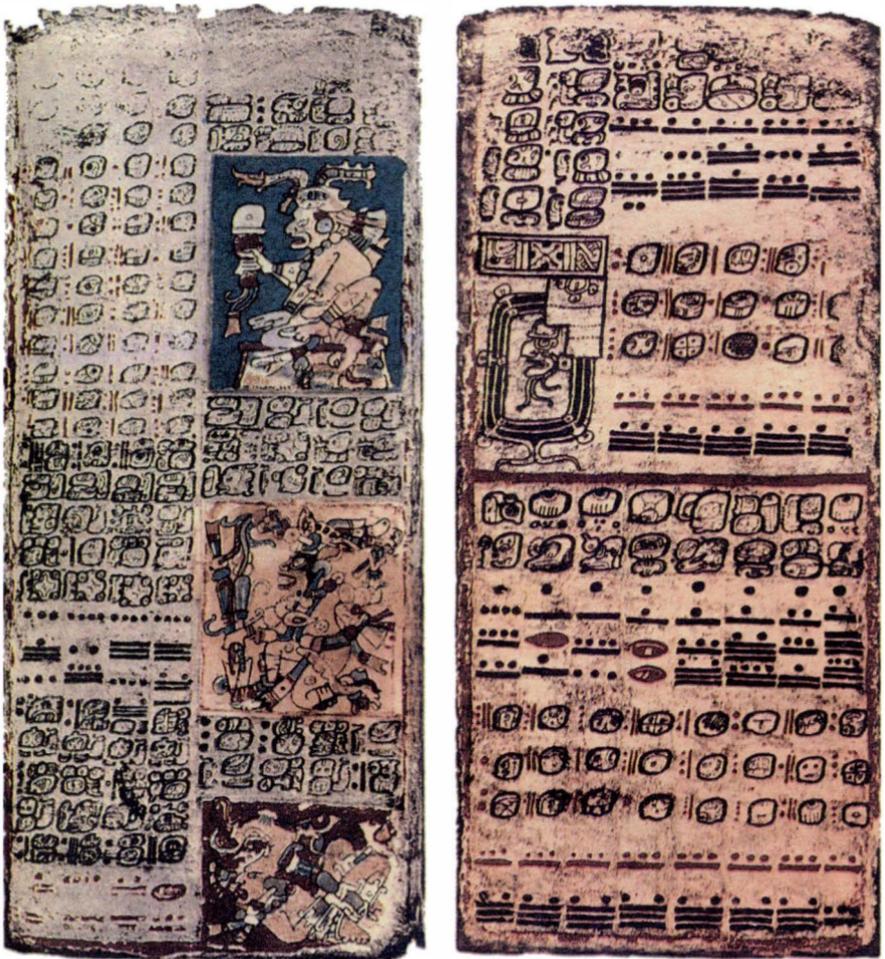
Эти три кодекса, если соединить их друг с другом, в совокупности образуют собой нечто вроде гармоник Лепорелло. Парижский кодекс — фрагмент, в котором многие страницы отсутствуют или попросту не читаются; длина которого в развернутом виде составляет 1,45 м. Длина Мадридского кодекса, состоящего из двух частей, в которых 42 и 70 страниц, составляет 6,82 м. И, наконец, Дрезденский кодекс — наиболее загадочный и интересный из дошедших до нас текстов майя, в развернутом виде имеет длину 3,56 м.

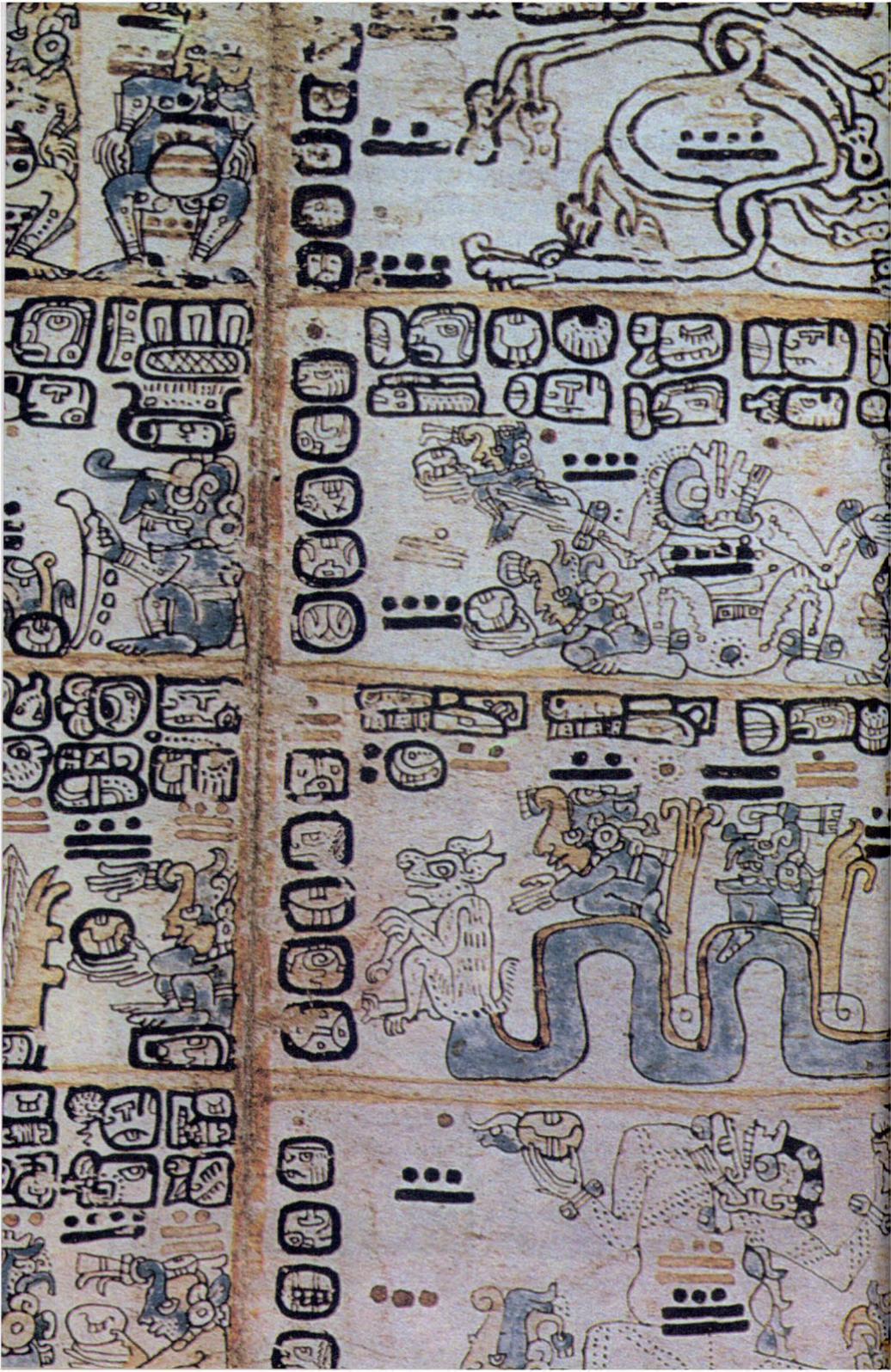
Страницы кодексов состоят из тонких слоев коры дикорастущей смоковницы; на них писали тонкими перьями, остро заточенными палочками или стержнями. Исследования с помощью микроскопа позволили определить особенности технологии производства «папирусов» майя. Мягкие и ломкие внутренние слои коры пропитывались соком гумми (резинового дерева), что придавало им гибкость и эластичность. Затем на них накладывали древесные волокна, придававшие им дополнительную прочность, и, наконец, их покрывали сло-

ем «олифы» из известкового молока. Высохший слой извести выполнял роль защитного покрытия, на котором краски, нанесенные древними художниками, сверкают как новые. Процесс изготовления подобных «книг» включал в себя последующее склеивание отдельных лис-

Илл. на след. развороте: Мадридский кодекс.

Дрезденский кодекс.

тов при помощи тонких прокладок, сделанных из некоего материала, состав которого выяснить не удастся. И лишь после этого книгу складывали, как гармонику.

Возраст создания этих кодексов остается неустановленным. Что касается Дрезденского кодекса, то ученые предполагают, что первоначально он мог быть создан в Паленке, поскольку некоторые иероглифы, встречающиеся на его страницах, совершенно идентичны знакам, начертанным на стенах храма в Паленке. Возраст этого города, который сам по себе является поистине бесценным сокровищем цивилизации майя, по оценкам ученых, составляет более 2000 лет. При всех самых смелых предположениях можно утверждать, что в лице Дрезденского кодекса мы имеем экземпляр, дошедший до нас через посредство бесконечных копий с копий, — экземпляр, основное содержательное ядро которого было создано по меньшей мере 2000 лет тому назад.

Всего во всех трех кодексах насчитывается 6730 основных знаков и 7500 аффиксов (вспомогательных слогов). Казалось бы, есть все основания утверждать, что эти 6730 знаков предоставляют дешифровщикам обширное поле деятельности. Увы, это не более чем заблуждение! И хотя относительно Парижского кодекса принято считать, что главным его содержанием являются пророчества, однако до сих пор неизвестно, что это за пророчества и о чем они говорят. Мадридский кодекс, по-видимому, содержит гороскопы и рекомендации для жрецов по их истолкованию, если, разумеется, в этом кодексе и впрямь речь идет о гороскопах. Не исключено, что жрецы майя считали пророчества о будущем серьезной и весьма важной наукой.

Зато Дрезденский кодекс содержит обширные астрономические таблицы, посвященные всевозможным небесным явлениям прошлого и будущего; в нем, помимо всего прочего, представлены расчеты орбит Луны и

планет. В этом мнения ученых сходятся. Почему? Да потому что епископ Диего де Ланда в своем знаменитом «Отчете» оставил нам совсем крошечный ключ к тайне математических и астрономических знаний древних майя.

Загадочные священные знаки

На сегодняшний день ученым, по их мнению, удалось расшифровать около 800 иероглифов майя — этих священных рисунков-символов, носящих весьма выразительный характер. По мнению видного специалиста доктора Джорджа Э. Стюарта, это составляет от 5 до 30% от общего числа сохранившихся знаков. Около 5% от их числа можно с полной уверенностью считать числами. Значение остальных остается неясным, хотя сотни неутомимых ученых, вооруженных новейшими компьютерами, не покладая рук трудятся над расшифровкой этих письмен. Такие громогласные утверждения, как «Письмена майя будут расшифрованы» или «Тайна иероглифов майя разгадана», звучат слишком эффектно, чтобы соответствовать действительности. Они звучат весьма сенсационно, однако далеко не отвечают современному состоянию научных исследований.

Один из крупнейших специалистов по изучению письменности майя, профессор Томас Бартель, касаясь вопроса о трудности установления истинного смысла иероглифов, утверждает, что письменность майя принадлежала к «откровенно смешанному типу письма», поскольку одни и те же знаки могли обозначать совершенно разные вещи. Кроме того, существуют целые блоки иероглифических знаков, которые встречаются и в текстах, содержащих математические расчеты, и в рамках своего рода каламбурных формул, «допускаю-

Образцы иероглифов майя.

щих самые разные возможности прочтения и выражающих разные уровни смысла». Существуют и письменные элементы разной величины, «которые применялись для обозначения различных математических величин, показывая соотношения между ними».

Тот факт, что изучение подобных знаков представляет собой громадную трудность, имеет еще одно специфическое объяснение. Дело в том, что священные книги, по-видимому, представляли собой своего рода секретный код для жрецов и посвященных. Таинственные знаки не позволяли простым смертным проникнуть в мистические дебри сакральных письмен. Прибывьте к этому диалектизмы и варианты, отражающие многообразие корней и словоформ, бытовавших в разных местностях и городах...

Дошедшие до нас письмена перемежаются множеством вспомогательных знаков, которые, надо полагать, организуют и дополняют текст. Сказанное о трех знаменитых кодексах — Мадридском, Парижском и Дрезденском — в равной мере относится и к более чем 1000 иероглифических текстов, обнаруженных в 110 горо-

дах и культовых центрах майя. Все храмы буквально испещрены письменами и рисунками-пиктограммами. Все старания дать этим письменам достоверное толкование пока что остаются бесплодными, поскольку иероглифы и пиктограммы майя не являются чистыми идеограммами, каждая из которых обозначала бы одно слово или понятие, например, изображение солнца — солнце, изображение человека — человек, пиктограмма огня — пламя. Письмена майя не поддаются столь простой и однозначной дешифровке. Дело в том, что майя мыслили иными категориями и выражали свои мысли символами, с огромным трудом поддающимися дешифровке. Так, например, изображение мертвого оленя имело значение «засуха», а пиктограмма пламени — «мысль, идея». Несколько необычное мышление, не правда ли?

Обилие в письменности майя ассоциативных знаков и пиктограмм, применявшихся для обозначения самых простых понятий, поистине поразительно. Как правило, иероглифическая фраза или «блок» начиналась с так называемого вводного иероглифа, своего рода инициала, который можно сравнить с аналогичными начальными буквами в средневековых книгах Европы. Можно лишь гадать, следовало ли читать такие фразы слева направо или наоборот. В письменности майя применялись сразу несколько вариантов. Они записывали фразу и слева направо, и сверху вниз, и часто колонны иероглифических письмен образуют как бы пары, читающиеся одновременно. А «инициал» как бы сигнализировал: начинайте читать отсюда! Вводные иероглифы играли примерно такую же роль, однако наряду с этим выполняли некую функцию, не имеющую ничего общего с простым украшением текста. Часто они были чисто геометрическими графемами, имевшими на удивление много абстрактных значений, иногда — изображениями птиц или животных, а нередко — пиктограммами

человеческой головы или некоего мифического чудовища.

По всей видимости, до тех пор, пока не будет изобретена пресловутая машина времени, позволяющая совершать путешествия в далекое прошлое, в ту эпоху, когда майя создавали свои письма, эти загадочные знаки так и останутся для нас непостижимыми шарадами.

«Мастер проявляет себя в ограничениях», — сказал Гете. Нам остается ограничиваться теми немногими знаками, смысл которых, видимо, действительно ясен, но и эти крупницы дают нам фантастически много.

Майя знали о явлениях, происходящих на небе, которые они не могли видеть

Одиннадцать страниц Дрезденского кодекса содержат подробнейшие астрономические описания орбиты Венеры. Благодаря сопоставлению этих расчетов и дат ученые установили, что астрономы майя вычислили продолжительность венерианского года, которая составляет 583,92 дня. Они решили округлить эту цифру до 584 дней, однако через каждые двадцать лет им приходилось вносить в это число уточнения, отмечая знаки после запятой. Древние индейские астрономы оперировали такими огромными циклами, как цикл продолжительностью 18 980 дней, что соответствует 52 годам по 365 дней в каждом. Разделив эту сумму на 73, они получали венерианский цикл, охватывавший несколько тысячелетий в рамках своеобразной цифровой композиции, которая, если изобразить ее графически, будет представлять собой... пентаграмму, знаменитую пятилучевую звезду магов и оккультистов.

Две страницы в том же кодексе посвящены орбите Марса, четыре — орбите Юпитера, причем астрономы

мая «предвидели» существование у него спутников. Восемь страниц посвящены орбитам и фазам Луны, Юпитера, Сатурна и Венеры. Не обойдены молчанием на карте звездного неба мая ни Полярная звезда, ни созвездия Ориона, Близнецов и Плеяд, и, более того, указаны даже известные им кометы.

Астрономические таблицы описывают не только орбиты планет нашей Солнечной системы! В рамках сложных расчетов указаны и так называемые «парады планет», и их противостояния, и даже их положения относительно орбиты Земли. Так, приведены периоды меркурианского, венерианского, земного и марсианского годов, состоящие из 135 200 дней. Древних астрономов не пугали даже поистине грандиозные цифры — порядка 400 млн. земных лет!

Астрономические познания мая, нашедшие отражение в Дрезденском кодексе, представляют собой загадочный курьез. Многие страницы излагают данные о противостояниях планет, а семь страниц посвящены так называемым таблицам затмений, где указаны все затмения, которые не только произошли в далеком прошлом, но и произойдут в будущем... В 1937 г. знаменитый немецкий ученый Герберт Нолль-Хузум в своей статье, опубликованной в журнале «Zeitschrift für Ethnologie», писал:

«Таблица затмений имеет настолько гениальную композицию, что позволяет предсказывать на много веков вперед все возможные затмения, наблюдаемые в том регионе, а также, что особенно поразительно, невидимые, определяемые лишь теоретически, затмения, даты которых указаны с точностью до одного дня».

Многие исследователи культуры мая относятся к подобным утверждениям с нескрываемым недоверием. Как мог примитивный древний народ, даже во время за-

урядной игры в мяч приносивший человеческие жертвы, обладать столь удивительными астрономическими познаниями, далеко опередившими свое время? Откуда, от кого эти «дикие» дети тропических лесов получили свои фантастические знания? Кто научил их вычислять орбиты далеких планет, да еще с такой поразительной точностью? Кто надоумил их и помог понять, что небесные тела движутся по строго определенным законам, в строгой гармонии друг с другом? Откуда они узнали, как именно расположена Венера относительно Юпитера, когда Марс находится в точке X? Между тем майя действительно знали все это. Откуда?

«Здесь, как и всегда бывает, все обстоит иначе, чем считается», — писал Вильгельм Буш.

Майя жили в некоем географическо-метеорологическом континууме (пространстве), в котором условия для постоянных наблюдений за небесными телами никак не назовешь идеальными. Над болотистыми джунглями и влажными тропическими лесами поднимались густые туманы, над густыми зарослями расстилалась мгла. Во влажных тропических лесах небо как минимум на протяжении шести месяцев затянуто сплошной мглой, абсолютно исключающей всякую возможность наблюдений небесной сферы. Астрологи всех времен и народов — как и их древние коллеги-майя — всегда стремились выявить некую скрытую упорядоченность мироздания, позволяющую предсказывать исчезновения и появление определенных небесных тел. Но главная предпосылка для таких наблюдений — чистое небо. С этим *en gros et en détail*¹ были согласны астрономы майя, сумевшие рассчитать орбиты не только Солнца и Луны,

¹ *En gros et en détail* (франц.) — в целом и в частности. (Прим. перев.)

но и — как показывает Дрезденский кодекс — планет Солнечной системы.

Для наблюдателя, находящегося на Земле, циклические перемещения планет по небу невозможно определить без точного календаря звездного неба. Поскольку Земля сама вращается по вытянутой эллиптической орбите вокруг Солнца и другие планеты также не остаются неподвижными, всякие серьезные наблюдения неизбежно связаны с фактором запаздывания во времени. Что касается Венеры, то она наблюдается в пределах одного конкретно взятого созвездия каждые восемь лет, Юпитер — каждые двенадцать лет. Между тем в Дрезденском кодексе указаны фазы и позиции планет, повторяющиеся лишь один раз в 6000 лет! Какими же поистине дьявольскими приборами пользовались майя, проводя на протяжении тысячелетий столь точные расчеты?

Терпение и усердие — путь к обретению астрономических знаний

Даже в свободомыслящей классической Греции, буквально изобиловавшей блестящими математиками и гениальными философами, считалось кощунством думать, что Земля вращается вокруг Солнца. Знаменитый философ Анаксагор (около 500—428 до н. э.) был обвинен в безбожии и изгнан из своего родного города за то, что утверждал, будто Солнце представляет собой раскаленную каменную глыбу. Птолемей Александрийский (около 100—160 н. э.), воспользовавшийся в своих наблюдениях небесных тел результатами многовековых исследований древнеегипетских и вавилонских астрономов, в центре своей космогонической системы поместил Землю. Первым, кто дерзнул возразить ему, был

Николай Коперник (р. 1473). Коперник выдвинул постулат о том, что в центре крестообразно пересекающихся орбит находится Солнце. Главный труд Коперника, «De revolutionibus orbium coelestium» («Об обращении небесных тел»), вышел в свет в 1543 г. — году смерти великого польского астронома. Коперник посвятил свой труд папе Павлу III, что не помешало последнему включить книгу в список запрещенных церковью книг¹. Следуя примеру Коперника, знаменитый итальянский проповедник Джордано Бруно (р. 1548) дерзнул опубликовать своего рода прокламацию с изложением собственной картины мира. За этим последовало семилетнее тюремное заключение мыслителя, после чего суд инквизиции приговорил философа и астронома к сожжению. Видный ученый Тихо Браге (1546—1601), для которого датский король Фридрих III возвел на острове Вен специальную обсерваторию, стал крупнейшим астрономом, работавшим до изобретения телескопа. Вместе со своими сотрудниками Браге невооруженным глазом, без помощи оптических приборов, проводил наблюдения Марса, которые легли в основу трудов его ученика и последователя Иоганна Кеплера, занимавшегося изучением орбит планет. Браге противопоставил коперниканской системе мироздания свою собственную космогонию, согласно которой Солнце и Луна обращаются вокруг Земли, неподвижно пребывающей в центре Вселенной. И лишь Иоганн Кеплер (1571—1630) реально продолжил и развил систему Коперника, сформулировав на ее основе законы движения планет, по праву но-

¹ Так называемый *Index librum prohibitorum* (лат.), в котором перечислялись официально запрещенные римско-католической церковью книги всевозможных ересиархов, лжеучителей, апокрифические тексты и просто труды ученых, высказывавших гипотезы, неприемлемые с точки зрения католической иерархии. (Прим. перев.)

сящие его имя (Кеплеровы законы небесной механики). Затем настал черед придворного математика Галилео Галилея (1564—1642), которому удалось сконструировать и построить первый настоящий телескоп, которым он широко пользовался в процессе своих астрономических наблюдений. Благодаря телескопу Галилей обнаружил, что рельеф Луны имеет гористый характер, открыл скопление звездных галактик — так называемый Млечный Путь, открыл существование фаз Венеры и спутников Юпитера, а также наличие пятен на Солнце. У себя во Флоренции Галилей развил настолько широкую пропаганду космогонической системы Коперника, что церковь, по догматам которой в центре Вселенной может находиться только Земля, возбудила против него в 1633 г. судебный процесс. Галилей был осужден, и его вынудили принести публичную клятву в том, что он не будет распространять свои взгляды ни устно, ни письменно.

Да, факты — вещь странная. Великие астрономы порой делали поразительные открытия, а вот выводы на основе них оказывались далеко не свободными от ошибок и заблуждений.

У маяя все было иначе

При взгляде на великую цивилизацию маяя возникает впечатление, что ее творцы с самого начала обладали точнейшими астрономическими познаниями. Можно подумать, что их знаменитые таблицы с датами и расчетами орбит планет в один прекрасный день упали к ним в руки прямо с неба!

Право, просто не укладывается в голове, что маяя смогли вычислить продолжительность обращения Земли вокруг Солнца, то есть наш земной год, с точностью

до четырех знаков после запятой: 365,2421 дня! Эти цифры даже более точны, чем наш грегорианский календарь, согласно которому продолжительность земного года составляет 365,2424 дня. Точнейшие компьютерные расчеты практически подтвердили правоту майя: 365,2422 дня.

Астрономы майя оперировали поистине гигантскими циклами — 374 440 лет, причем их расчетам присуща поразительная точность. Так, например, орбиту обращения Венеры они вычислили с такой точностью, что отклонения их данных от современных расчетов составляют менее получаса за целое столетие, а целый день набегает за... 6000 лет!

В этой связи видный британский астроном профессор Майкл Роуэн-Робинсон писал:

«Столь высокой точности западным астрономам удалось достичь лишь в самое последнее время».

А американский археолог Силванус Грисуолд Морли (1883—1948), который посвятил много лет изучению памятников Юкатана, открыл древний город майя Уаксактун и был руководителем археологических раскопок в Чичен-Ица, замечает:

«Древние майя могли определять любую дату в рамках своей хронологии с такой точностью, что могли доказать, что полное повторение всех астрономических явлений, которые могут произойти лишь спустя 374 440 лет, — настоящий духовный подвиг для любой хронологической системы как древнего, так и новейшего происхождения».

Время возникновения цивилизации майя окутано глубокой тайной. Чисто теоретическими данными невозможно объяснить такие, например, факты, как то, что отклонение расчетов орбиты Венеры, выполненных майя, отличается от абсолютно точных данных на 1 день за 6000 лет. Подобные расчеты не могли появ-

виться, образно говоря, из рукава; они непременно явились итогом многолетних и даже многовековых наблюдений. Но сколько же поколений ученых, проводивших абсолютно безошибочные наблюдения, могло потребоваться для того, чтобы в итоге получить практически безукоризненный результат, то есть выяснить, что орбита Венеры требует внесения поправки около получаса за каждые 100 лет?

По мнению одних астрономов, для этого достаточно нескольких лет. Да, возможно, но только если такие наблюдения проводить, образно говоря, в обсерваториях — башнях из слоновой кости, оснащенных всеми новейшими чудесами техники и электроники, да и то если такие обсерватории будут расположены на значительной высоте, где всегда царит ясная погода и не мешают никакие атмосферные факторы. Да, именно в горах, а никак не в туманных джунглях! А ведь у майя — я уже устал повторять это, но что поделаешь, приходится! — не было никаких приборов и подзорных труб. Единственное, что было в их силах, — подняться на вершину своих ступенчатых пирамид и до боли в глазах вглядываться в звездное небо. Оттуда, с пирамид, якобы легче было производить угловые счисления и расчеты орбит планет. Когда я слышу подобные «гипотезы», мне вспоминаются господа, привыкшие умножать 11×17 на карманном калькуляторе! К тому же им были известны металлы: в конце концов, не зря же в центрах майя находят золотые фигурки...

Стоп-стоп, мои уважаемые коллеги из противоположного лагеря. Не забывайте, что огромные ступенчатые пирамиды были возведены много веков *после того*, как майя создали свой удивительный календарь и произвели все основные астрономические расчеты, ибо все эти пирамиды ориентированы в пространстве явно с учетом этих самых календарных и астрономических

данных. А золото было открыто в гораздо более позднюю эпоху! Итак, получается, что грандиозные пирамиды, храмы и целые города были возведены неким примитивным народом, жившим в эпоху каменного века!

Сколько же поколений жрецов и астрономов майя должны были, сменяя друг друга, просидеть на вершинах своих пирамид, чтобы в итоге с такой точностью определить орбиту обращения Венеры?

Джон Эрик Сидни Томпсон (ум. 1898), всемирно известный специалист по изучению цивилизации майя, который всю свою жизнь посвятил исследованию календаря и хронологической системы майя и руководил археологическими раскопками на землях древних майя, придерживался мнения о том, что расчеты траекторий и орбит планет, сохранившиеся в текстах майя, основаны на опыте многовековых наблюдений:

«За восемь лет наблюдается всего пять нижних соединений Венеры; таким образом, какой-нибудь жрец-астроном за тридцать лет своей жизни — дело в том, что майя, как правило, не отличались долговечностью — при самых благоприятных условиях мог наблюдать не более двадцати гелиакальных фаз восхождения. При этом необходимо помнить, что майя могли наблюдать гелиакальные восхождения спустя четыре дня после нижнего соединения, и чтобы рассмотреть Венеру в такой момент, необходимо исключительно острое зрение, ибо она в такой фазе располагается в непосредственной близости от Солнца. А если наблюдатель не сможет разглядеть планету на четвертый день, его наблюдения будут запаздывать еще на один день. Он будет вынужден рассчитывать отклонение планеты по периоду в 584 дня между гелиакальными восхождениями и пользоваться этими данными.

При столь неблагоприятных обстоятельствах ему

может потребоваться труд многих поколений наблюдателей, чтобы скорректировать свои расчеты и привести их в соответствие с поразительной точностью расчетов майя, согласно которым отклонение составляет один день в 6000 лет!»

А профессор Роберт Хенселинг и вовсе поверг своих коллег в шок в 1949 г. своей статьей об астрономии древних майя. Хенселинг констатировал:

1. «Астрономическо-хронологические знания майя могли быть получены ими за сравнительно короткое время, тогда как при трезвом взгляде на существо проблемы наблюдения периодических фаз Солнца, Луны, планет и созвездий должны были производиться на протяжении длительных периодов времени с использованием точных методов измерений малых углов и малых промежутков времени».
2. «Следует признать абсолютно невозможным, что майя были известны приборы и методики наблюдений, позволяющие производить угловые измерения небесных тел со столь высокой точностью».
3. «Нет никаких сомнений в том, что астрономам майя уже много тысяч лет назад были хорошо известны многие созвездия звездного неба».
4. «Все это было бы совершенно невозможно, если бы в далеком прошлом, ну, скажем, за несколько тысячелетий до начала христианской эры, не велись специальные наблюдения, осуществлявшиеся кем-то в некоем неведомом месте, и результаты таких исследований впоследствии не были переданы следующим поколениям».
5. «Такие достижения и способность передачи информации заставляют предположить, что *им еще в незапамятном прошлом предшествовал длительный процесс развития*».

В завершение своей статьи Хенселинг утверждает, что астрономия майя совершенно однозначно восходит к некой «*первоначальной нулевой дате*», которую можно отнести к IX тысячелетию до н. э., точнее, к началу июня 8498 г. до н. э.

С момента публикации статьи Хенселинга прошло более 40 лет, и исследователи культуры майя с тех пор продвинулись в своих расчетах далеко вперед, существенно уточнив *нулевую дату*. Сегодня большинство из них единодушно сходятся во мнении, что мифической *нулевой датой* следует считать 11 августа 3114 г. до н. э.

Что же произошло в тот далекий день?

А если это знаменательное нечто действительно произошло, почему оно случилось именно 11 августа 3114 г. до н. э.?

Для того чтобы попытаться приподнять покров тайны над этим драматическим событием, случившимся более пяти тысяч лет тому назад, нам придется более внимательно познакомиться с древним календарем майя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕУЖЕЛИ ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОИЗОШЛО 11 АВГУСТА 3314 Г. ДО Н. Э.?

Истина как таковая не торжествует никогда: просто ее противники вымирают.

Макс Планк (1858—1947)

На Ариадниной нити, ведущей к выходу из лабиринта загадочных познаний древних майя, завязано множество узелков и узлов — названия местностей и городов, имена туземных богов и европейских хронистов. Но чтобы выразить самое поразительное и невероятное, что только связано с культурой майя, приходится обращаться к помощи цифр. Несколько лет назад, когда я еще только начинал активно интересоваться этой темой, она представлялась для меня не менее сложной, чем вам, мои читатели. Поэтому я обращаюсь к вам с просьбой читать последующие главы несколько медленнее, чем обычно, и торжественно обещаю, что Ариаднина нить непременно выведет вас к свету нового знания.

Поначалу все выглядит достаточно простым, ибо система счисления майя и впрямь очень проста. Цифру один они обозначали одной точкой, цифру два — двумя, три — тремя и так далее. Для числа пять применя-

лась горизонтальная черта, для цифры шесть — черта с точкой над ней, для цифр с семи и до девяти — две, три и четыре точки над чертой. Десять обозначали двумя чертами, расположенными одна над другой. Числа от одиннадцати до четырнадцати записывали одной, двумя, тремя и четырьмя точками над двумя чертами, пятнадцать — тремя горизонтальными чертами друг над другом, числа от шестнадцати до девятнадцати — одной, двумя, тремя и четырьмя точками над тремя чертами. Число ноль обозначалось стилизованным изображением улитки. Если говорить конкретно, то эти знаки, несколько напоминающие азбуку Морзе, выглядели так:

•	••	•••	••••	—	—•	—••	—•••	—••••	==
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
==	==•	==••	==•••	===	===•	===••	===•••	===••••	🐌
11	12	13	14	15	16	17	18	19	0

Но если бы и в дальнейшем все обстояло так просто, мне незачем было бы предупреждать и заранее пугать вас. Нетрудно понять, что мы были бы весьма и весьма рады, если бы наследие, оставленное нам майя, не заключало в себе всевозможных сложностей, особенно в том, что касается высшей математики. Наряду с простыми, как азбука Морзе, знаками они напридумывали себе еще многие сотни иероглифов, изображающих числа в виде голов всевозможных богов, каждая из которых наделена определенным числовым значением. В этих запутанных сферах высшей математики майя способны разобраться лишь специалисты, да и то после долгих, многолетних трудов. А мы, слава Кукулькану, попытаемся обойтись и без таких головоломок!

Мы в нашей десятичной системе счета пользуемся

десятью цифрами, соответствующими десяти пальцам рук. Майя же оперировали двадцатиричной, так называемой вигезимальной системой (от лат. *vigesimus* — кратный двадцати). И здесь перед нами возникает первая трудность: написав позади единицы (1) ноль (0), получим 10, написав после единицы два нуля — 100, и так далее, в порядке нарастания десятичных разрядов.

А вот в системе майя 0 после 1 отнюдь не дает 10. Майя в такой записи прочли бы единицу (1) плюс ноль (0), то есть у них получилось бы: один плюс ничто.

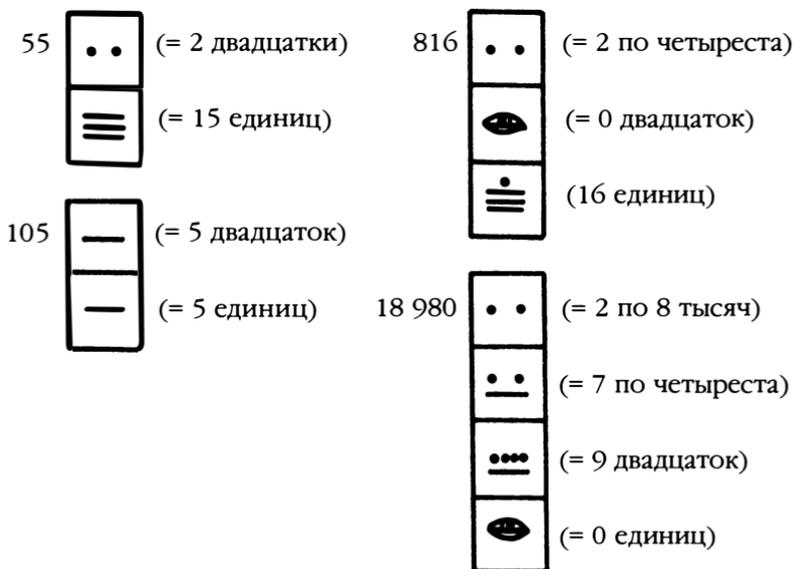
Наши числа читаются слева направо, и каждый последующий знак выражает величину на порядок (то есть в десять раз) меньшую, чем предыдущий. Возьмем для примера число 4327. Вот что у нас получается: четыре тысячи, три сотни, два десятка и семь единиц. У майя все было совершенно иначе. Они записывали цифры вертикальными столбиками, читавшимися снизу вверх, причем каждый последующий (верхний) разряд был больше предыдущего (нижнего) в двадцать раз. Выглядело это примерно так:

64000000
 3200000
 160000
 8000
 400
 20
 1

Слишком сложно? Ничуть, поскольку ученым известны числа порядка 1 280 000 000!

К примеру, число 19 у майя записывалось знаком , а как же быть с числом 20? В самом низу столбика майя рисовали знак «0», а в следующем ряду, стоящем над ним, то есть в разряде двадцаток, ставили единицу. Число 40 записывалось так: в самом низу столбика красовался тот же символ «0», а в следующем разряде того же

столбика стояли бы две точки, означающие «две двадцатки». Попробуем пояснить это на следующих примерах.

В сущности, такая запись чисел куда проще, чем любые другие способы, изобретенные в Древнем мире. Кстати, майя использовали число 0, которое было не известно ни в Древней Греции, ни в Древнем Риме. Римляне, к примеру, записывали числа буквами, и число 1848 в их записи выглядело так: MDCCCXLVIII. Столь длинные числа были крайне неудобны; они не позволяли производить сложение и вычитание, не говоря уж об умножении и делении. Дело в том, что в них отсутствовал важнейший элемент для таких операций — ноль, значение которого как в десятичной, так и в вигезимальной (двадцатиричной) системах поистине огромно. Впервые европейцы заимствовали ноль около 700 г. н. э. у арабов, которые, в свою очередь, обязаны этим важнейшим математическим символом индусам, а те, согласно древнему преданию, научились искусству счета у самих «богов».

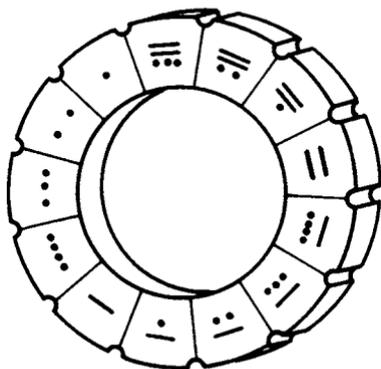
Колеса Времени

Насколько логична и по-своему понятна система счета, созданная майя, настолько же сложен для понимания их календарь. По всей вероятности, древние индейцы питали к нему нечто вроде истинной страсти, ибо они были буквально «одержимы идеей о возможности измерить время».

Календарь определял жизнь древних майя вплоть до самых мельчайших ее деталей. Он устанавливал даты важнейших религиозных праздников, задавал координаты грандиозных построек майя, предопределял ключевые аспекты их будущего бытия. Календарь вносил высшую упорядоченность в циклически повторяющиеся события и явления жизни, устанавливая связь земного бытия с космосом.

Самой малой календарной единицей у майя был месяц, состоявший из 13 дней.

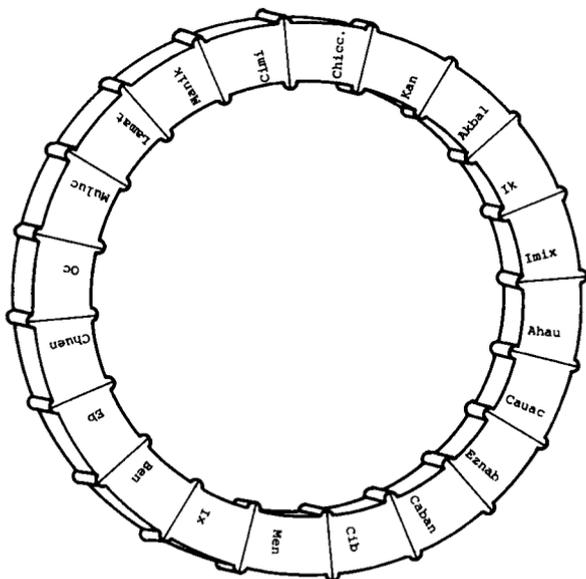
Мы попытались подойти к разгадке тайны календаря с помощью визуально-оптических средств. Давайте представим себе месяц майя в качестве эдакого колеса с 13 зубцами, на которых выгравированы порядковые номера от 1 до 13.

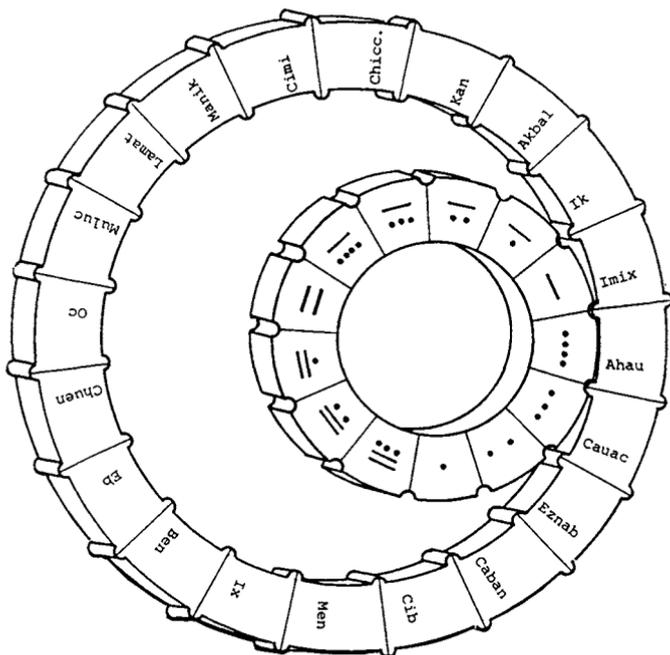
В году майя насчитывалось 20 таких месяцев по 13 дней каждый, и каждый месяц носил имя какого-либо бога.

1. Имикс	11. Чуэн
2. Ик	12. Эб
3. Акбаль	13. Бен
4. Кан	14. Икс
5. Чикчан	15. Мен
6. Сими	16. Сиб
7. Маник	17. Кабан
8. Ламат	18. Эзнаб
9. Мулук	19. Сауак
10. Ок	20. Ахау

А теперь давайте нарисуем большое колесо, состоящее из 20 месяцев, каждому из которых соответствует один зубец, и напишем на этих зубцах названия месяцев.

Если совместить оба этих колеса, расположив малое внутри большого, у нас получится следующее число: $13 \times 20 = 260$, то есть год из 260 дней. При этом ни один из дней в пределах всех 260 дней не будет полностью тождественен другому. Почему?

Исходной точкой вращения малого колеса является номер 1, исходной точкой большого — название месяца Имикс. Это сочетание давало майя первую календарную дату — 1 Имикса. Следующий день будет уже 2 Ика, третий — 3 Акбаля и т. д.

Когда малое колесо завершит первый оборот в точке 13 Бена, ему предстоит совершить еще 12 полных оборотов, начинающихся опять-таки в точке 1 Имикса. Но

и большому колесу предстоит совершить еще 19 полных оборотов, перебрав по пути названия всех своих месяцев; на нем за 13 Бена последует 1 Икса, 2 Мена, 3 Сива...

В сумме эти 13 оборотов дают 260 дней цикла, который древние майя называли *цолжин*. *Цолжин* — это священный год, год богов, включающий в себя все без исключения религиозные ритуалы. Прежде ученым не удавалось дать убедительное объяснение тому, как этот 260-дневный цикл регулировал жизнь древних майя.

Поскольку *цолжин* позволял определять исключительно религиозные даты в рамках календарного года и потому не имел никакого практического значения для земледелия, майя создали второй календарь, так называемый *хааб*, имевший более практическое применение.

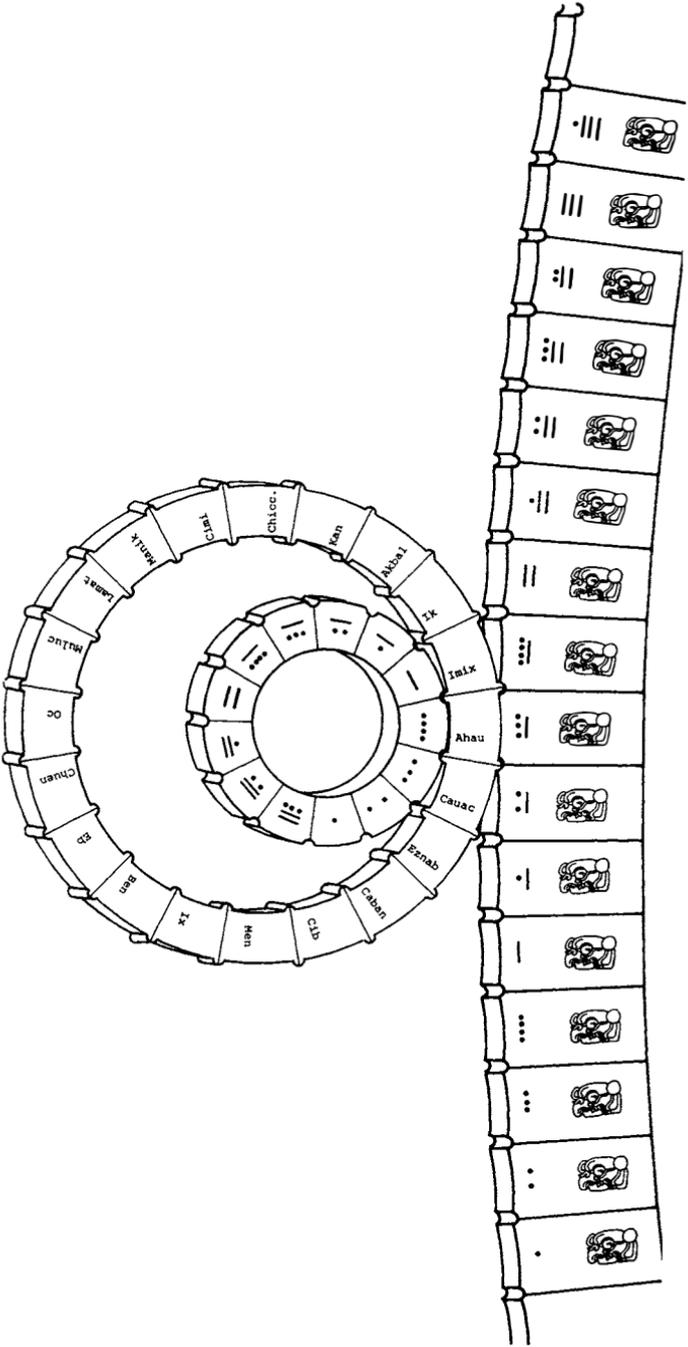
В календаре *хааб* насчитывалось 18 месяцев по 20 дней плюс еще один, особый период из пяти дней. Итого — $360 + 5 = 365$ дней. Как и в системе *цолжин*, в календаре *хааб* названиями месяцев тоже служили имена богов, звучавших для нашего уха довольно забавно: Имикс, Ик, Кан, Ок, Эб, Бен...

А теперь нам придется дополнить два первых зубчатых календарных колеса третьим — колесом *хааб*, состоящим из 365 зубцов. Это колесо, словно огромная зубчатая шестерня, связано с колесом системы *цолжин*.

Большое колесо Времени тоже вращается, и получается, что день, определяемый одними и теми же знаками, может повториться лишь через 18 980 дней. Почему?

На нашей «зубчатой передаче» показана дата: 4 Ахау (название одного из месяцев в календарной системе *цолжин*) 8 Сумху (название месяца в календаре *хааб*).

Следующий день в рамках общего макроцикла будет записываться знаками 5 Имикса 9 Сумху. Затем наступит 6 Ика 10 Сумху и т. д. Для того чтобы все три колеса

вернулись к исходному положению, необходимо 18 980 подвижек зубцов. Разделив эти 18 980 дней на 365, получим 52 года — число, лежащее в основе календаря майя! Пойдем дальше. В сакральном году *цолкин* насчитывалось 260 дней. Разделив 18 980 на 260, получим 73. Это означает, что календарный цикл майя состоял из 52 земных лет по 365 дней в каждом или из 73 священных («божественных») лет по 260 дней каждый. У исследователей майя принято называть этот период календарным кругом, своего рода системой вех, определявшей все стороны и аспекты жизни древних майя.

День, в который явились боги?

На самом деле календарь, которым пользовались майя, был куда более сложным, чем эта попытка дать ему упрощенное объяснение. Дело в том, что астрономам майя было известно время обращения Земли вокруг Солнца, и они смогли даже определить его с удивительной точностью — 365,242129 суток. Так, они знали, что земной год продолжается чуть больше 365 суток, и поэтому их календарь через каждые два года давал небольшое отклонение, требующее внесения поправок.

Это отклонение в нашем григорианском календаре корректируется путем прибавления каждые четыре года еще одного, 366-го дня. Такое прибавление производится в так называемый високосный год, когда в феврале вместо привычных 28 дней их становится 29. И те, кому не повезло родиться в этот день, 29 февраля, вынуждены отмечать свой день рождения всего лишь один раз в четыре года.

Майя же считали неуместным вносить уточнения в свой календарь столь простым способом! В соответствии со своими сложнейшими математическими расче-

тами, они каждые 52 года прибавляли сразу целых 13 дней, то есть 1 месяц священного календаря, а затем от общего макроцикла протяженностью 3172 года постепенно отнимали 25 дней... Столь сложные расчеты имели смысл, ибо календарь майя был и остается самым точным из действующих календарей в мире. Указанное в нем время обращения Земли вокруг Солнца имеет лишь минимальные отклонения от абсолютных астрономических данных. Сравните сами:

Юлианский календарь (до 1582 г. н. э.) ¹	365,250000 дня
Грегорианский календарь (с 1582 г. н. э.)	365,242500 дня
Календарь майя	365,242129 дня
Абсолютные астрономические расчеты	365,242198 дня

Однако календарь имеет смысл лишь тогда, когда он связан с определенной исходной датой. Так, нулевой датой нашего календаря, календаря, которым пользуется весь западный мир, является год Рождества господина Иисуса Христа². Мусульмане ведут свое летоисчисление

¹ Юлианский календарь, обретя статус сакрального календаря, до сих пор используется в некоторых поместных православных церквях: Русской, Сербской, Грузинской. Правда, в Русской православной церкви в старину, до правления Симеона Гордого (XIV в.), новолетие начиналось, как и в Древнем Риме, с 1 марта, а затем оно было перенесено на 1 сентября ст. стиля, день празднования памяти патронального святого великого князя — св. Симеона Столпника. Так продолжалось до Петра I, который, по примеру Запада, перенес в 1699 г. начало новолетия на 1 января. (*Прим. перев.*)

² Справедливости ради надо заметить, что год Рождества Христа был определен в VI в., однако хронист, производивший расчеты, допустил небольшую погрешность (по разным оценкам — 4—6 лет). К тому же в Европе тогда еще был неизвестен 0, что важно учитывать при определении дат как до н. э., так и н. э. Это расхождение заметил — и был поражен им — знаменитый астроном Иоганн Кеплер, который, производя расчеты так называемого «парада планет», который считается реальным астрономическим прототипом явления Вифлеемской звезды, возвестившей о рождении Христа, подсчитал, что это событие могло произойти только в 4 г. до н. э. (*Прим. перев.*)

со дня переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, имевшего место в 622 г. н. э.¹ Древние персы вели отсчет своей хронологии «от сотворения мира»². Но какова же нулевая дата, та самая точка отсчета, на которую ориентирован поистине феноменальный календарь майя?

Этот принципиальный вопрос лишал покоя и сна несколько поколений исследователей. Некоторые исходили из того, что летосчисление майя начиналось с роковых вводных иероглифов *4 Ахау 8 Сумху*, поскольку эти знаки, повторяющиеся, как мы уже знаем, через каждые 52 года, неизменно стояли в начале любого календарного цикла. Да, это правда, но каким же образом можно датировать первое *4 Ахау 8 Сумху*?

До 1972 г. было высказано не менее 16 гипотез о возможной нулевой дате календаря майя. Были составлены подробные компьютерные программы, но даже мощный компьютер оказался не в состоянии ответить на вопрос о том, какой же именно дате нашего летоисчисления соответствует та или иная дата календаря майя. Ученые до сих пор ведут жаркие дебаты, обсуждая шансы разных кандидатов на роль нулевой даты календаря майя.

Профессор Роберт Хенселинг предложил отнести нулевую точку отсчета на начало июня 8498 г. до н. э., его коллега Арност Диттрих посредством сложных алгебраических параллелей выдвинул сразу несколько

¹ Так называемая «хиджра». Правда, в исламской традиции используется лунный календарь, который значительно короче солнечного, и потому годы хиджры заметно опережают солнечные. (*Прим. перев.*)

² И не только они. Отсчет времени «от сотворения мира» известен и в иудейской традиции, где он применяется и сегодня, и в православной, и особенно в старообрядческой религиозной практике. Согласно двум последним, мир был сотворен за 5508 лет до Рождества Христова.

«нулевых дат», причем все они очень близки к 3000 г. до н. э. Всемирно известный специалист, исследователь цивилизации майя, профессор Герберт Д. Спинден вступил в жаркую полемику со своим менее знаменитым коллегой Джоном Э.С. Томпсоном. Спинден утверждал, что нулевой датой следует считать 14 октября 3373 г. до н. э., а его оппонент, Томпсон, был убежден, что ее следует отнести на 260 лет позже, на 11 августа 3114 г. до н. э. Большинство ученых предпочло согласиться с датой, предложенной Томпсоном, однако видный знаток по истории доколумбовой Америки А.Л. Фоллемаре выступил против нее, утверждая, что нулевой датой следует считать 16 сентября 3606 г. до н. э. Таким образом, разброс между самой ранней и самой поздней из теоретически возможных нулевых дат, то есть 8000 и 3000 гг. до н. э., достаточно велик; он превышает 5000 лет. Однако все эти гипотезы сходятся в одном, а именно: ни одна из них не может претендовать на окончательную точность. Но тогда к какому же моменту сами майя, наследники цивилизации незапамятной древности, относили фиксированное начало своего календаря? Видимо, для их древнейших предков в тот самый День X произошло событие огромной важности.

В глубокой древности просто не могло появиться календаря, создатели которого отнесли бы дату его начала к некоему фиктивному моменту. Между тем именно таким календарем ученые — а ученые, как известно, все знают — считают календарь майя. Дело в том, что между данными археологических раскопок в центрах майя и начальной датой календаря зияет огромная пропасть. Почему нулевую дату календаря майя от исторически и археологически достоверной эпохи их расцвета отделяют многие тысячелетия? Кто установил эту пресловутую нулевую дату? О чем она свидетельствует? Не была ли она тем самым днем, в который явились боги?

Игра в миллионы и миллиарды

А теперь давайте вернемся к нашим тройным «шестерням Времени»: колесу с 20 зубцами, колесу *цолкин* и колесу календаря *хааб*, в совокупности образующим *Calendar-round* (*Календарный круг*) продолжительностью 18 980 дней, или 52 земных года.

Давайте для пущей наглядности и удобства расчетов введем еще один, четвертый круг, начальный зубец которого будет совпадать с нулевой датой 4 Ахау 8 Сумху. Специалисты назвали это четвертое зубчатое *колесо Long Count* (*Долгий отсчет [Времени]*), и название это, надо признать, весьма удачное, ибо в результате совместного вращения колес Времени возникают циклы, охватывающие миллионы и даже миллиарды лет. Приведем сопоставление различных циклов майя.

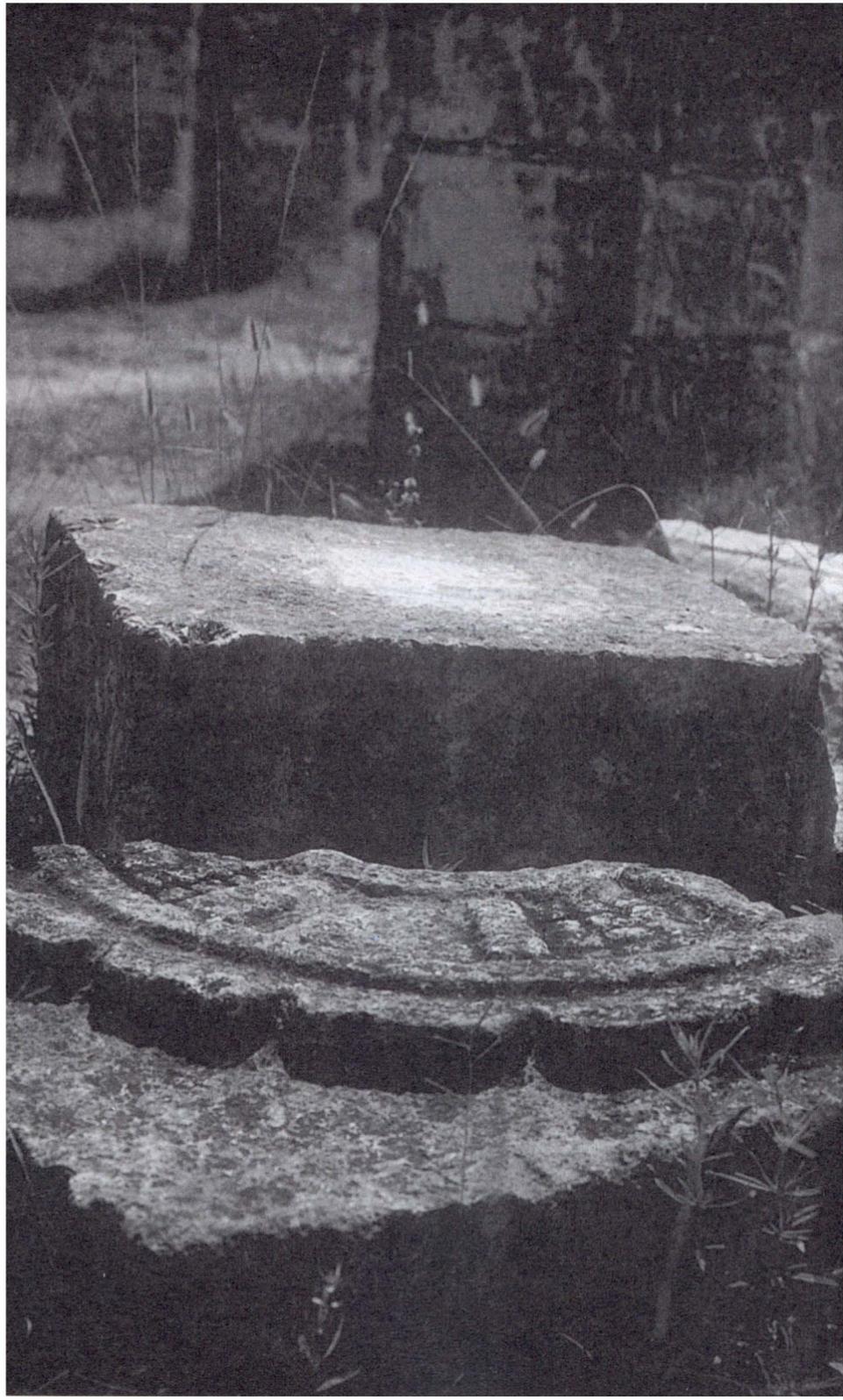
Чичен-Ица. Храм 1000 колонн.

1 кин	=	1 день
1 униаль	=	20 дней
1 тун	=	360 дней
1 катун	=	7 200 дней (= 20 циклов тун)
1 бактун	=	144 000 дней (= 20 циклов катун)
1 пиктун	=	2 880 000 дней (= 20 циклов бактун)
1 салаптун	=	57 600 000 дней (= 20 циклов пиктун)

Грандиозные периоды времени, не так ли? Да, конечно, но майя свободно оперировали куда более крупными числами. Так, например, 1 кинчильтун соответствовал 3 200 000 циклов тун, а 1 алаутун — даже 64 000 000 циклов тун, а это, в свою очередь, составляло 23 040 000 000 дней или 64 109 589 лет — число для сознания древнего человека поистине невообразимое. Однако майя впол-

Эти зубчатые колеса обнаружены у стен Храма 1000 колонн в Чичен-Ица. По-видимому, они выполняли роль календаря древних майя.

не управлялись и с такими числами-гигантами. Так, в отдельных надписях упоминаются события, происшедшие... 400 000 000 лет назад! Американский археолог Силванус Грисуолд Морли (1883—1948), проводивший в свое время широкие исследования на Юкатане и даже открывший древний город майя Уаксактун, выражал свое восхищение столь поразительными познаниями в математике:

«Древние майя могли определять любую дату в рамках своей хронологии с такой точностью, что

могли доказать, что полное повторение всех астрономических факторов может произойти лишь спустя 374 440 лет, — настоящий духовный подвиг для любой хронологической системы как древнего, так и новейшего происхождения».

Но как же можно в столь громадном календарном цикле выделить какой-либо один день? Однако колеса Времени позволяли сделать это, ибо каждый из дней в рамках макроцикла продолжительностью 374 440 лет обозначался совершенно особыми циклическими иероглифическими знаками, а ведь это как-никак 136 656 000 дней! Мой земляк Рафаэль Жерар, по праву считающийся одним из крупнейших исследователей и специалистов по культуре майя, посвятивший всю свою жизнь изучению этого древнего индейского народа, писал:

«В области математики, хронологии и астрономии майя далеко превосходили не только другие народы Американского континента, но и все прочие цивилизации Старого Света, вместе взятые».

В этой связи уместно вспомнить высказывание мудрых вождей индейцев хопи («белые медведи») из штата Аризона, США: *время для майя представляло некую Вечную ценность*. Они были способны определять практически любые даты в глубоком и темном колодце минувшего с такой же поразительной точностью, с какой каменные «шестерни» их календарей позволяли предвидеть и время в обозримом будущем. Эти отнесенные в далекое будущее даты позволяли майя вычислить время возвращения их бога Кукулькана, а ацтекам — возвращение легендарного Кецалькоатля.

Пропать между незапамятной древностью, когда на свете не было еще и самих майя, и научно документированной эпохой их исторического бытия, составляет, согласно все тому же древнему календарю, многие миллионы лет. Ученым пока не удастся ответить на вопрос

о том, почему майя мыслили свое бытие в рамках столь громадных временных категорий. Ведь для их повседневной жизни, например, для определения сроков сельскохозяйственных работ, подобный Вечный календарь был просто излишен. Круговой поток времени, не имеющий ни начала, ни конца, мог иметь практическое значение лишь в том случае, если эти циклы отражали некие важнейшие события, которые могли повторяться из тысячелетия в тысячелетие, и потому их было целесообразно увековечить в виде календаря. Смеею предположить, что эти удивительные календарные циклы заключают в себе некий важный смысл.

Интермеццо

Однажды на мой письменный стол легло письмо, датированное 15 марта 1981 г. Оно было буквально напичкано всевозможными цифрами и датами, что как нельзя лучше отвечало моим тогдашним интересам: я как раз работал над книгой о системе счета майя. На конверте было указано имя отправителя: доктор С. Кисслинг из Аахена. «Это может быть весьма интересным!» — такую приписку сделала на конверте моя секретарша. Вскрыв конверт, я с удивлением узнал, что некий незнакомый мне доктор Кисслинг сообщает, что он несколько лет назад жил в Перу среди туземных индейцев и «занимался серьезными научными исследованиями так называемого календаря майя». Далее следовали подробные выкладки из циклических систем *цолкин* и *хааб*, с которыми мои уважаемые читатели уже знакомы.

До того промозглого и холодного мартовского дня 1981 г. я, признаться, не имел сколько-нибудь серьезного представления о календаре майя. Мое внимание невольно привлекли заключительные строки письма: «Ис-

следование календаря, не способное установить, какой математический смысл заключает в себе одновременная комбинация двух календарей, мягко говоря, нельзя назвать научным».

Доктор Кисслинг не мог предвидеть, какие мысли способно вызвать во мне его любезное письмо. На протяжении последних двух с лишним десятков лет у меня, если можно так выразиться, развилось хорошее чутье на всевозможные нетривиальные версии и гипотезы, которые представители «академической» науки вряд ли сочтут заслуживающими внимания. Я решил отправиться в плавание по необъятному морю литературы, посвященной майя, и, обложившись горами книг, принялся проверять и перепроверять всевозможные цифровые выкладки. Все шло своим чередом. Вскоре я отправил в Аахен письмо с двумя вопросами, звучавшими так: «Кто вы? Почему не хотите опубликовать интереснейший материал сами?» Ответ не заставил себя ждать:

«Благодарю Вас за письмо от 24 марта 1981 г. Мне, как опытному исследователю, чутье подсказывает, что сам я не справлюсь с этим материалом, что для такой работы нужен более широкий взгляд на вещи. К тому же я порядком устал, то и дело сталкиваясь с заносчивостью и пренебрежительным отношением так называемых ученых мужей... Поэтому я посылаю Вам фотокопии некоторых расчетов, отражающих существо моей концепции, обладающей весьма широкими перспективами в области изучения доисторических культур, существовавших на Земле. Предоставляю этот концептуальный конспект в ваше полное распоряжение. Ваш стиль и манера излагать материал куда доступнее для широких кругов, чем моя. Предлагаемые материалы имеют под собой твердое научное основание и многократно мною

проверены... Поверьте, прилагаемый материал в концептуальном отношении просто не имеет цены.

Относительно автора этого поразительного письма мне удалось выяснять, что доктор Кисслинг изучал химию и металлургию и еще в годы работы в Дрездене по изучению знаменитого Дрезденского кодекса писал: «Я убедился, что мир майя еще более увлекателен и захватывающе интересен, чем изучение моей любимой химии!» После Второй мировой войны Кисслинг переехал в Гватемалу. Там вместе с американским археологом Д. Баджем он получил возможность «заниматься изучением культуры майя, что называется, прямо на месте». И теперь в Центральную Америку Кисслинга влекла не только его профессиональная деятельность, но и увлечение этой древней культурой.

И вот, со всей поспешностью и нетерпением взявшись за порученное мне дело — изложить сложную информацию протым и доступным языком, — я убедился, что это весьма и весьма щекотливая задача.

Гениальное открытие доктора Кисслинга

Итак, системы *цолкин* и *хааб* в совокупности составляют большой *Календарный круг* продолжительностью 18 980 дней, или 52 земных года. Колесо-система *цолкин* с ее 260 днями-зубцами значительно меньше циклического календаря *хааб*, состоящего из 365 зубцов-дней. Колесо *хааб* за 52 года совершает 52 полных оборота, тогда как меньшее по размерам колесо *цолкин* успевает за это время совершить 73 полных оборота, чтобы вернуться к исходной точке. И тем не менее оба этих колеса за 52 года проделывают один и тот же путь:

$$52 \times 365 = 18\,980 \text{ дней}$$

$$73 \times 260 = 18\,980 \text{ дней}$$

Цолжин представлял собой чисто ритуальный календарь, настоящий календарь богов, лишенный какого бы то ни было практического значения. Его 73 божественных года соответствовали 52 земным годам.

В рамках этого земного цикла, состоявшего из 52 лет, согласно иероглифам майя, «боги», то бишь планеты, соответствовавшие им, совершали десять полных оборотов на небосводе, и каждые 52 года начинался новый цикл, а майя с трепетом и содроганием ожидали возвращения этих «ужасных созданий». Поскольку за 52 года (=18 980 дней) каждый из богов являлся на небе по десять раз, вполне естественно рассчитать, что в каждые 5,2 земного года (1898 дней) происходило явление как минимум одного «бога». Доктор Кисслинг задал себе следующий вопрос: а что же, собственно, появляется на небесах каждые 5,2 года (или 1898 дней)? Комета? Неведомый космический корабль? Планета-богиня Венера? Любопытный ученый провел сравнительные расчеты орбит планет нашей Солнечной системы и пришел к поразительному выводу:

Периоды обращения планет вокруг Солнца

	В ЗЕМНЫХ ДНЯХ	В ЗЕМНЫХ ГОДАХ
Меркурий	88	0,24
Венера	225	0,62
Земля	365	1,00
Марс	687	1,88
Планета X	1898	5,20
Юпитер	4329	11,86

При внимательном взгляде на этот краткий атлас планет сразу же бросается в глаза, что в нем отсутствует

одна планета, занимавшая место между Марсом и Юпитером. Самое поразительное, что именно там — это хорошо видно в сильный телескоп — находится громадное скопление мелких планет и их фрагментов, так называемый пояс астероидов, которые в своей совокупности тоже вращаются по орбите вокруг Солнца. Предполагается, что все эти астероиды представляют собой осколки некой древней планеты, продолжительность оборота которой вокруг Солнца составляла 1898 земных дней, или 5,2 земных года!

Учитывая эту поразительную информацию, получается, что прямая математическая взаимосвязь между цолкин — календарем богов *цолкин* и системой *хааб* — календарем простых смертных отнюдь не случайна, она отражает точную протяженность орбиты планеты X. Более того, данная информация свидетельствует не только об этом: каждые 18 980 дней (=52 земных года) планета X занимала идеальное положение относительно Земли. И в этот заранее известный и многократно просчитанный день земляне-майя с трепетом ожидали возвращения богов. Именно поэтому календарный цикл, основанный на числе 52 года, всегда вызывал у майя настоящий ужас. Именно поэтому они каждые 52 года с затаенным трепетом вглядывались в звездное небо, ожидая именно в этот год возвращения грозного бога Кукулькана (Кецалькоатля ацтеков). Взаимное совпадение дат цикла *цолкин* и земной системы *хааб* в рамках макроцикла 18 980 дней вызывало у них суеверный ужас. В такие дни совершалось своего рода бракосочетание неземного с земным. Другими словами, здесь речь шла о десятикратном увеличении земной энергетики, хотя, как я уже говорил, майя, оперировавшим двадцатичной системой счета, это понятие было совершенно незнакомо. Естественно, майя запи-

сывали это магическое число не как мы с вами, то есть 18 980. Они выстраивали свои знаки столбиком. Однако *это число* приводило к такому же результату, ибо напоминало о десятикратном появлении богов на небесах.

Весьма вам признателен, доктор Кисслинг!

Премудрые числовые шарады майя

На протяжении многих десятилетий археологов занимает вопрос о том, что же, собственно, должно означать пресловутое магическое число цикла цолкин — 260 дней. Каким образом «дикие» индейцы смогли получить свой божественный календарь, в котором так странно мало дней — всего 260? О чем, собственно, говорит это загадочное число? «По всей вероятности, оно символизировало некую взаимосвязь между небом и человеком», — утверждает профессор Вильгельми в своем капитальном труде «Мир и окружающая среда майя». Впрочем, кое-что об этих сакральных числах мы все-таки знаем: 260 дней цикла *цолкин* соответствовали 20 месяцам по 13 дней в каждом. Как мы помним, число 20 лежало в основе системы счета майя. Пойдем дальше. 20 на языке майя звучало как *уиник*. Самое поразительное, что это же слово означало и «человек»! Неведомые божественные учителя, которым древние майя обязаны своими невероятными познаниями в математике, предусмотрели даже такую деталь: двадцатиричная система (*уиник*) должна лежать в основе всей системы счета человека (*уиник*), у которого на руках и ногах — ровно 20 пальцев.

Календарь богов имеет самую непосредственную связь с орбитами таких планет, как Венера и Марс. Синодиальное обращение Марса составляет 780 земных дней (то есть ровно три цикла по 260 дней!). Астроно-

мы майя задавались вопросом о том, сколько же полных оборотов должна совершить Венера, чтобы вновь появиться в ипостаси утренней звезды. Оказывается, минимальное число таких оборотов составляет 4. Всемирно известный исследователь цивилизации майя сэр Джон Эрик Томпсон в этой связи провел такие расчеты:

«Разделив 584 на 4, получим 146, а умножение 146 на 260 дает 37 960. Боги Венеры и 260-дневные циклы достигали одинаковой точки на небосводе в своем путешествии во времени спустя ровно 37 960 дней. Это число пропорционально 65 оборотам Венеры и 146 полным циклам по 260 дней».

Число 37 960 на колесе времен майя почиталось особо священным. Дело в том, что спустя ровно 37 960 дней «боги» — то бишь планеты — после долгого и трудного пути в пространстве и времени достигали «чертога покоя». Пойдем дальше. Число 37 960 является кратным 1898 (а это, как мы знаем, продолжительность обращения планеты X вокруг Солнца); разделив 37 960 на 1898, получим 20! Да это же базовое число системы счета майя! Ради чего же майя предпочитали оперировать двумя практически параллельными календарями? Ведь для их земных нужд было вполне достаточно и земного — кстати сказать, на удивление точного — календаря *хааб*, состоящего из 365 солнечных дней. И когда в незапамятной древности они, майя, получили от своих древнейших предшественников или посредством многовековых астрономических наблюдений создали календарь, показывающий, что через каждые 52 года боги могут вернуться на землю, этот второй календарь — календарь богов (знаменитый *цолкин*) со своими 260 днями был для них практически бесполезен. Или?..

Я попытаюсь дать объяснение этому феномену, при-

бегнув к помощи теории, раскрывающей ту удивительную информацию, которую заключают в себе числа.

Давайте предположим, что экипаж космического корабля землян приземлился на одной из далеких планет, орбита которой имеет совсем иной период обращения вокруг Солнца, чем наша голубая планета. Год на этой неведомой планете куда короче, чем на их родине, Земле, а поскольку гипотетическая планета X вращается вокруг своей оси несколько медленнее, чем Земля, продолжительность дня на ней также существенно отличается от земного дня.

На запястьях наших космонавтов-землян красуются самые точные хронометры, а на своих микрокомпьютерах они без всяких проблем могут рассчитать орбиту чужой планеты. И вот с момента приземления на этой планете хронометры космонавтов-землян начинают параллельный отсчет времени двух планет: далекой Земли и планеты посещения. Время новой планеты позволяет им узнать, сколько часов осталось до наступления темноты, какова продолжительность ночи. А поскольку земляне остаются там достаточно долго, они смогут определить, когда на планете посещения наступает весна, когда там принято проводить сев и т. д.

И все же и в просторах Вселенной, и на этой далекой планете космонавты прежде всего остаются детьми Земли. Дело в том, что процессы обмена в их организмах подчиняются ритмам циклов Земли; дни рождения они отмечают по земному календарю. А когда астронавт хочет выяснить, каков же его возраст по законам нового времени, он обращается к своему земному компьютеру и сопоставляет все данные с земным годом. И если вечером накануне Рождества они хотят собраться в дружеском кругу и спеть нечто вроде «Христос рождается», дату 25 декабря они, естественно, определяют только по земному календарю, а бутылки шампанского

открывают в новогоднюю ночь по местному календарю планеты X.

Наш бедный экипаж вынужден постоянно сталкиваться с поистине фатальной дилеммой: им приходится жить по двум календарям, буквально раздваиваясь между ними. Чистейшее безумие! Жить по старому, земному календарю на новой планете нельзя, ибо он на ней совершенно бесполезен. Поэтому они вынуждены постепенно переходить на календарь своей новой родины.

Допустим, эта неведомая планета X совершает полный оборот вокруг Солнца за 1898 дней. Кстати, а что же такое день? Это — время полного обращения планеты вокруг своей оси в период между двумя полднями. Допустим, день на планете X соответствует 7,3 земного дня. Почему именно 7,3, а не 5,6 или 11,8 земных дня? Да потому, что число 73 было для майя священным! Если читатель помнит, полный календарный круг состоит именно из 73 божественных лет, а десятая часть этого цикла — 7,3 — имела важное практическое значение для повседневной практической жизни богов. Продолжительность обращения планеты X вокруг собственной оси, равная 7,3 земного дня, свидетельствует о том, что планета богов вращалась вокруг своей оси гораздо медленнее, чем Земля. Дикая утопия? Нет и еще раз нет: дело в том, что Меркурий, например, совершает полный оборот вокруг своей оси за 88 земных дней, Венера — за 243 дня, а Марс — за 24 часа 37 минут. Что касается времени обращения вокруг своей оси Юпитера и других планет-гигантов нашей Солнечной системы, то оно ученым пока что неизвестно.

Итак, день на нашей планете продолжается 7,3 земного дня. Полный оборот вокруг Солнца она совершает за 1898 земных дней. Но какова же будет продолжительность года у такой планеты X?

1898 : 7,3 = 260 дней

Итак, перед нами тот же *цолкин*... «Случай — это не более чем псевдоним бога, не пожелавшего подписаться полным именем», — заметил Анатоль Франс (1844—1924).

Что касается комбинации столь точных систем, как цолкин и хааб, то здесь не может быть и речи о случайном совпадении. Математика со всей определенностью подтверждает то, что было отлично известно людям, жившим в глубокой древности: некие боги действительно поручили предкам майя хранить знания о планетах и Вселенной. Взаимосоотношение между двумя этими календарными циклами достаточно просто: 73 божественных года соответствуют 52 земным.

Инопланетные учителя, видимо, побывавшие на Земле в глубокой древности, помимо точнейших сведений об орбитах планет Солнечной системы, передали предкам майя подробный перечень всех прежних и будущих солнечных и лунных затмений. Информация об этом содержится в Дрезденском кодексе.

Получается, что пришельцы посредством столь щедрого дара наделили его хранителей, то есть верховных жрецов, поистине громадным могуществом? Быть может, они передали эти знания не верховным жрецам самих майя, а их неведомым предкам? Или они просто прихоти ради внушили простому, примитивному народу ужас перед неотвратимым грядущим природным катаклизмом? Бесчисленные «зачем» и «почему», которые ставит перед нами календарь майя, по-прежнему остаются без ответа, однако ученым ясно одно: необъятное множество позднейших поколений индейцев с суеверным трепетом передавали из рода в род эти таинственные календари, все предсказания которых сбывались с пугающей, неотвратимой точностью...

Пришельцы с далекой звезды были тонкими знатоками человеческой психологии и не ошиблись. Вот уже более века ученые буквально во всех концах света бьются над разгадкой этой тайны, пытаясь во что бы то ни стало разрешить ее. Многим из них опытные дантисты уже не раз вставляли искусственные челюсти вместо зубов, которые бедолаги, широко открыв рот от изумления, обломали в попытке разгрызть гранит науки. Ну, например, что реально имеется в виду под поистине невероятными циклами *салабтун* (5 760 000 дней) или *хинчилтун* (1 152 000 000 дней)? Что же касается такого монстра, как *алаутун* с 23 040 000 000 дней, то его просто невозможно себе представить. По земным меркам времени такой календарь является совершенно немыслимым. Любая правящая династия, сколь бы древней она ни была, проявляя интерес к времени своего правления, просто руки опустила бы перед недостижимым величием цикла *алаутун*, состоящего из 64 109 589 лет. Он был бы для нее попросту неинтересен, ибо ее владыкам вполне достаточно шкалы времени, охватывающей несколько веков, максимум — тысячелетий. Счет времени по годам и дням был для придворных астрономов совершенно излишен. Что же, остается предположить, что они занимались ими забавы ради или из чистой любви к математике?

Разумеется, нет, ибо мифология майя, как мы уже знаем, посредством ритма календарных циклов описывала деяния богов. Так, например, после 104 земных лет, что составляет ровно 37 960 дней, боги после долгих скитаний в пространстве попадали наконец в «чертог покоя».

Но ради чего они проделывали столь долгий путь? Откуда они появлялись? Быть может, с той же самой загадочной планеты X, которая, как полагают ученые, взорвалась, и на ее месте образовался знаменитый пояс ас-

тероидов? А может быть, пресловутый «чертог покоя» служил для них чем-то вроде стоянки, где они припарковывали бесчисленные крошечные планеты — астероиды?

Космическая пустота, переполненная неведомыми телами

В новогоднюю ночь 1800—1801 гг. Джузеппе Пьяцци (1746—1826), итальянский астроном и монах ордена театинцев, занимавший пост директора обсерватории в Палермо и Неаполе, приступил к регулярным наблюдениям звездного неба с помощью своего телескопа. Преподобный отец трудился над составлением нового звездного каталога. Вскоре его внимание привлек небольшой объект, который он никогда прежде не видел. Так Пьяцци открыл первую небольшую планету — так называемый планетоид Церера. Знаменитому Карлу Фридриху Гауссу (1771—1855), одному из крупнейших математиков и астрономов всех времен и народов, удалось рассчитать орбиты вскоре исчезнувшего планетоида Церера. В период с 1802 по 1807 г. были точно зарегистрированы такие планетоиды, как Паллада, Юнона и Веста. В 1845 г. В.П. Хенке, немецкому астроному-любителю, удалось обнаружить пятый планетоид, точнее, скопление планетоидов. На этот раз их число оказалось настолько громадным, что ученые решили давать номера центральным зонам повышенной концентрации планетоидов. Общее их число в наши дни оценивается примерно в 40 000 объектов.

Та памятная новогодняя ночь 1800—1801 гг. принесла астрономам еще одно знаменательное открытие. Оказалось, что во Вселенной между орбитами Марса и Юпитера зияет просвет протяженностью около 480 000 000

километров. Эта зона пространства казалась абсолютно пустой, в ней не было обнаружено никаких объектов. Однако после того как уже в нашем, XX веке, здесь было открыто более 400 крошечных объектов, для характеристики этой зоны был предложен новый термин — *пояс астероидов*. На самом деле это название не вполне точно; более правильным было бы охарактеризовать эту странную зону как пояс планетоидов. Астероид представляет собой осколок вещества погасшей звезды, и его название происходит от древнегреческого *астор*, что означает «звезда». Планетоид же — это крошечная планета. Итак, давайте не будем больше путать эти понятия: пояс астероидов — это грандиозное скопище планетоидов! На сегодняшний день науке известно более 2000 планетоидов со всеми их орбитами; более того, известен даже диаметр некоторых из них! Так, например, диаметр планетоида Церера составляет около 770 км, диаметр Паллады — 452, Весты — 393 км, Психеи — 323 км... Существуют и громадные глыбы — более 1 км в поперечнике, и совсем крошечные осколки — диаметром не более футбольного мяча.

Мнения ученых о причинах возникновения пресловутого пояса астероидов весьма и весьма противоречивы. Поначалу бытовало утверждение, что в данном случае речь идет о скоплении многих тысяч осколков метеоритов, межпланетного мусора и т. п. Затем возникла идея о том, что это — брызги солнечного вещества, которые в результате мощнейшего противодействия со стороны гравитационного поля Юпитера так и не сумели стать самостоятельной планетой. Вскоре эту гипотезу сменила прямо противоположная, которая утверждала, что пояс астероидов — это осколки древней взорвавшейся планеты, но от нее вскоре пришлось отказаться. Дело в том, что астрономы подсчитали, что совокупная масса планетоидов является слишком малой и ее явно

недостаточно для того, чтобы из них могла сложиться сколько-нибудь крупная планета. Суммарная масса всех планетоидов, по оценкам ученых, составляет от 3 до 6 триллионов тонн. Это ничтожно мало даже по сравнению с нашей Землей, совокупная масса которой составляет 5976×10^{24} . Однако неопровержимый колосс этого аргумента стоит на слабых глиняных ногах. Дело в том, что планета состоит отнюдь не только из плотной материи.

Земная кора — это достаточно тонкий слой материи; она плавает на раскаленном ядре, состоящем из кипящих камней, ибо температура в его центре достигает 4000°C . Две трети вещества земной поверхности состоят из воды, а материковые плиты составляют породы весьма и весьма разной плотности. В том случае, если бы наша бедная голубая планета вдруг взорвалась, ее осколки, разлетевшиеся бы по дальним окраинам нашей Солнечной системы, не давали бы никакого представления об истинной массе бывшей планеты. Наиболее крупные осколки могли бы оказаться пленниками гравитационных полей других планет или даже покинуть пределы Солнечной системы. Профессор Гарри О. Рапп не исключает, что пояс астероидов первоначально мог представлять собой единую планету, которая «была разрушена в результате некой катастрофы». По его мнению, эта планета «могла даже иметь весьма внушительные размеры», если допустить, что «основное ядро ее массы в результате мощного динамического воздействия оказалось выброшенным за пределы Солнечной системы».

Есть и еще один весьма важный аргумент в пользу гипотезы о планетарном взрыве. Дело в том, что пояс астероидов до сих пор обладает слишком мощной собственной энергетикой! Если бы он состоял всего лишь из мертвых обломков, сформировавшихся на протяже-

нии многих миллиардов лет из космической пыли, или представлял собой скопище метеоритных осколков, прилетевших в нашу Солнечную систему откуда-то из глубин Вселенной, то многие сотни тысяч объектов, составляющих его, двигались бы сегодня вокруг Солнца по совершенно другим орбитам, чем объекты пояса астероидов. Они описывали бы совсем иные траектории, и Юпитер давно поймал бы их своим гравитационным полем. Собственная высокая энергетика пояса астероидов поддерживает гипотезу о взрыве некой древней планеты. Была высказана и еще одна версия, согласно которой здесь в древности произошло «столкновение огромной кометы с малой планетой». Однако расчеты показывают, что с математической точки зрения вероятность такого столкновения настолько мала, что о ней смело можно забыть. Поэтому эту гипотезу никто более не рассматривает всерьез.

Апокалипсис now!¹

Итак, в таком случае вправе ли мы оставлять без внимания гипотезу о том, что планета X, возможно, была уничтожена чуждыми для нее разумными формами жизни?

Нам, детям грозного XX в., такая гипотеза весьма близка и понятна, поскольку мы сами балансируем на грани окончательного уничтожения нашей планеты, ибо наука создала оружие невиданной мощи, которое военные всегда держат, что называется, *in petto*². И если они вдруг перестанут сдерживаться, то в один далеко не прекрасный день мигом разрушат наш прекрасный мир в акте апокалиптического взаимоуничтожения.

¹ Now (англ.) — сегодня. (Прим. перев.)

² In petto (лат.) — наготове. (Прим. перев.)

И разве каждый из нас не испытывает постоянного страха перед глобальной катастрофой, способной уничтожить все и вся, которая погубит все живое на Земле и лишит человечество всякой надежды на будущее? И если взглянуть в глаза этому страху, не вправе ли мы признать, что он являет собой память ужаса о некоей катастрофе, уже случившейся в незапамятном прошлом? Не являются ли эти воспоминания предупреждением о возможном повторении древней трагедии в будущем?

Разве мы можем утверждать, что люди научились уважать чужие мнения и считаться с ними, научились жить в мире друг с другом? Разве адепты разных идеологий готовы признать, что ни одно из мировоззрений не вправе претендовать на роль абсолютно благодатного знания, истины в последней инстанции? Разве революционеры согласились с тем, что всякая удавшаяся революция уже несет в себе самой зародыш новой революции или, лучше сказать, бунта, мятежа, бойни, когда победившие начинают преследовать инакомыслящих? Когда же люди наконец поймут, что всякая революционно-освободительная, священная и прочая война есть прежде всего Война?! Когда возобладает точка зрения о том, что в войне просто не может быть победителей, а всегда и неизбежно есть только побежденные? «Я убедился в том, что человеку самое время задуматься над выживанием его самого или всего человечества в целом, а не об уничтожении своих противников», — писал на склоне лет британский философ Бертран Рассел (1872—1970).

Вследствие элементарной недалёковидности человечество легко может вызвать грандиозную катастрофу, способную повлечь за собой взрыв и разрушение всей нашей планеты. Разве в таком конфликте могут быть победители? Неужели наиболее проницательным «ясновидцам» и мудрецам удастся спастись, перебравшись на какую-нибудь другую планету, ну, хотя бы на Марс? Или подыскать себе во Вселенной какой-нибудь другой «чер-

тог покоя»? Быть может, спустя много тысячелетий после такой катастрофы потомки изгнанников голубой планеты будут задавать себе один и тот же трагический вопрос: почему на том месте, где находилась их родная планета, в пустоте вращается еще один пояс астероидов — второй после того, что образовался на месте пресловутой планеты X? Или их ученые тоже будут гадать о причинах возникновения пояса планетоидов? Быть может, они тоже будут обсуждать возможные обстоятельства этого и в межпланетном пространстве, в безмерной дали от бывшей Земли?

Как бы там ни было, пояс астероидов между Марсом и Юпитером действительно существует, и я убежден, что более 400 000 объектов, входящих в его состав, представляют собой фрагменты и обломки погибшей планеты, период обращения которой вокруг Солнца составлял 1898 дней... и которая считалась планетой богов. Кстати, весьма примечательно, что орбита пояса астероидов выходит далеко за рамки нашей Солнечной системы. Вполне возможно, что на этом поясе в древности существовали и очень крупные планетоиды, которые служили богам «чертогом покоя» или своего рода перевалочным пунктом, откуда они направляли свои экспедиции на нашу бедную Землю. А затем явились неведомые пришельцы с неба, упоминаемые во многих легендах и преданиях, и разрушили этот перевалочный пункт на планетоиде. Разве это невозможно? «Ничто не кажется таким удивительным, как истина», — заметил как-то великий Майкл Фарадей (1791—1867).

Профессор Папагианнис напал на след

С 27 сентября по 2 октября 1982 г. в Париже проходила работа 33-го конгресса Международной федерации астронавтики. На этом конгрессе со своим сенса-

ционным докладом «Необходимость изучения пояса астероидов» выступил профессор Майкл Д. Папагианнис из Бостонского университета, США. Председательствующий на этом конгрессе развивал научные идеи, которые — должен признать это без ложной скромности — восходят к моим работам.

Итак, по утверждению Папагианниса, есть два возможных пути развития разумных форм жизни во Вселенной:

- либо наша Галактика была уже колонизирована пришельцами и наша Солнечная система просто оказалась втянутой в этот процесс;
- или наша Солнечная система не подверглась колонизации. Но тогда получается, что весь остальной Млечный Путь тоже сумел избежать колонизации, ибо там, по всей видимости, не сложилось сколько-нибудь развитой цивилизации, способной, образно говоря, «запустить» весь этот процесс. Отсюда следует один-единственный вывод: человечество является одной из немногих, возможно, даже — единственной разумной формой жизни во Вселенной.

Собственно говоря, профессор вначале прочел это весомое резюме, а затем приступил к математическому доказательству того, сколько именно времени необходимо любой цивилизации, чтобы достичь высокой степени развития и распространиться во Вселенной. Следствием этого, по мнению Папагианниса, является то, что представителей инопланетного разума следует *прежде всего искать в нашей собственной Солнечной системе.*

Это предложение многократно упрощает поиски очагов цивилизаций из других галактик, поскольку до сих пор ученые стремились обнаружить следы инопланетных цивилизаций по радиосигналам, идущим от дале-

ких звезд. Между тем во Вселенной насчитываются многие миллиарды звезд, удаленных от нашей Земли на сотни световых лет. Поэтому куда разумнее было бы принять постулат Папагианниса: поиски следов лучше вести в пределах нашей Солнечной системы. Собственно говоря, именно этим я и занимаюсь последние 25 лет своей жизни.

Поиски эти, по мнению маститого профессора, непременно должны затронуть и пояс астероидов, ибо весьма велика вероятность того, что именно там в незапамятные времена возникла первая внеземная цивилизация.

Почему?

Для длительного путешествия в необъятных просторах космоса требуется громадное количество энергии. Солнечная энергия уже не сможет пополнить ее запасы: в черной пустоте Вселенной солнечная энергия практически бесполезна. Возникает вопрос о необходимости поиска других источников и форм существования энергии, но все они без исключения могут рассматривать лишь в качестве своего рода сырья. Так, например, для того чтобы получить уран (сырье для ядерной реакции, в результате которой выделяются громадные потоки энергии), инопланетяне должны были прежде найти и добыть урановую руду. Пойдем дальше. Даже если на базовом космическом корабле установлены двигатели, работающие на ядерном топливе, получаемом на базе цепной реакции водорода и гелия, оператором этого межпланетного ядерного реактора необходимо прежде получить водород и гелий, провести управляемую ядерную реакцию и только потом использовать выделяющуюся при этом энергию. На бесчисленных объектах, составляющих пояс астероидов, несложно добыть практически любые виды сырья. Так, железо и никель встречаются там в свободном и чистом виде. Лед (застывший

водород) существует на этих объектах в огромных количествах. Известно, например, что более 10 процентов общей массы такого планетоида, как Церера, приходится на долю воды.

Профессор Папагианнис прав: для цивилизации, осуществляющей дальние межпланетные полеты, было очень удобно создать на поясе астероидов своего рода базовую станцию.

Существует другая гипотеза, объясняющая причины посадки инопланетян на одном из объектов пояса астероидов. Пришельцы, проникшие в нашу Солнечную систему, не знали, существуют ли в ней какие-либо местные формы жизни, наделенные разумом. При подлете к нашей Солнечной системе они примерно решили для себя, на какой из ее планет может существовать биологическая зона, в которой они смогут выжить. В такой зоне не должно быть ни слишком жарко (как на Марсе), ни слишком холодно (как на Юпитере). Итак, они поняли, что именно Земля в нашей Солнечной системе обладает идеальными условиями для жизни. Вскоре эти пришельцы сочли, что именно на нашей планете, вероятнее всего, может существовать жизнь, однако они ничего не знали о том, насколько далеко зашло развитие земной цивилизации: прячутся ли там разумные существа в пещерах или уже обладают лазерными пушками и водородными бомбами. Не знали они и то, как их встретят — с сердечным радушием или пушечной канонадой. Чтобы выяснить это, инопланетянам надо было как можно незаметнее миновать Землю и совершить посадку где-нибудь в тихом месте. А где мог удобнее всего укрыться базовый межпланетный корабль со своей флотилией малых кораблей? Разумеется, на одном из планетоидов пояса астероидов! Такой корабль, ускользнув от окуляров земных телескопов, мог совершить посадку на невидимой стороне какого-нибудь крупного

планетоида, а затем преспокойно двигаться по вытянутой орбите пояса, затерявшись среди сотен тысяч его больших и малых объектов.

Убедившись, что земляне не представляют для них никакой опасности, инопланетяне могли начать добычу сырья. А затем, получив доступ к неисчерпаемым источникам энергии, они могли от щедрот своих оказать некоторую помощь в развитии цивилизации и примитивным туземцам планеты Земля... как это уже бывало здесь в незапамятной древности. Мифы и легенды с готовностью напоминают нам о таких контактах. Профессор Папагианнис завершил свой доклад таким призывом:

«Мы хотели бы напомнить будущим поколениям жителей Земли о том, что в поисках внеземных цивилизаций не стоит непременно стремиться к далеким звездам, когда ответ на вопрос об их существовании следует искать гораздо ближе, в нашей Солнечной системе».

Упрямые вопросы

Неужели поиск следов инопланетных цивилизаций является абсолютно бессмысленным? Почему, ради чего представители высокоразвитой внеземной цивилизации могли предпринять дальний космический полет? Позвольте высказать несколько суждений, способных пролить свет на эту проблему. Итак, мотивы, которыми руководствовались инопланетяне, могли быть следующими.

Исследование Вселенной — Колонизация Вселенной — Покорение Вселенной представителями высоко развитого разума — Бегство от некоей далекой космической катастрофы — Распри и войны на планете-праматери, вынудившие часть ее населения отправиться в

глубины космоса — Перенаселенность одной из планет — Поиски бога и первопричины творения — Поиски редких источников сырья — Жажда приключений.

Возникает вопрос: а стоит ли вообще задумываться о возможных причинах, если межгалактические космические полеты в принципе невозможны?

Профессор М. Таубе из Швейцарского технологического университета в Цюрихе выступил с курсом лекций, во время которых в аудитории в буквальном смысле не оставалось ни одного свободного места. Дело в том, что Таубе выдвинул в качестве темы для дискуссии весьма интересную гипотезу:

- Космический корабль должен двигаться со скоростью $= 1/10$ скорости света, то есть около 30 000 км/сек.
- После прибытия на первую колонизируемую планету пришельцы, прилетевшие на некоем космическом аппарате, должны были потратить как минимум 500 лет на отдых и восстановление, а также на создание нового космического корабля.
- Это соответствует скорости экспансии, составляющей 0,016 процента от скорости света.
- Диаметр нашей Галактики, так называемого Млечного Пути, составляет около 100 000 световых лет; в ней, согласно оценкам ученых, может существовать до 100 миллиардов обитаемых планет (оценка, прямо скажем, более чем оптимистичная!).
- Для того чтобы колонизировать всю Галактику, потребуется примерно следующий период времени:

$$\frac{100\,000 \text{ световых лет}}{0,016 \text{ скорости света}} = 5 \times 10^6 \text{ лет}$$

— Получается, что все 100 миллиардов планет были бы колонизированы за 5 миллионов лет.

Профессор Таубе провел свои расчеты в качестве чисто математического опыта, без какой бы то ни было практической ценности, ибо он не видит реальной возможности построить космический корабль, способный передвигаться в межзвездном пространстве со скоростью, равной $1/10$ скорости света. Однако я склонен придерживаться иной точки зрения. Дело в том, что на протяжении человеческой истории слишком часто удавалось воплотить в жизнь самые смелые фантазии и абстрактные теоретические построения — вроде тех, которые излагает в своих расчетах профессор Таубе. «В делах мира сего не следует держаться только настоящего. Сущее сегодня кажется ничтожно мелким, но со временем оно может стать поистине огромным», — повторяю я вслед за герцогом Талейраном.

Бывая в самых разных странах, я на разных языках задавал их жителям вопросы, пытаюсь выяснить: а что же, собственно, было бы, если бы моя теория оказалась справедливой. Что с того, если, как я считаю, представители внеземного разума действительно посетили нашу планету много тысячелетий тому назад? Способно ли знание этого облегчить решение наших повседневных проблем? Стали бы мы от этого умнее и мудрее? Позволило бы это накормить миллионы голодающих в беднейших странах мира? Принесло бы такое знание вечный мир на нашу усталую Землю? Действительно так ли уж важно для человечества знать, что некогда на месте пояса астероидов существовала некая планета X, которая совершала полный оборот вокруг Солнца за 1898 дней, а затем взорвалась? Кого всерьез может интересовать вопрос о том, сами ли майя изобрели свой поразительный календарь или им его подарили инопланетяне, посетившие Землю в глубокой древности? Неужели у

Всемирно известный мексиканский художник Диего Ривера (1886—1957) по заказу правительства Мексики создал целый ряд замечательных монументальных фресок, на которых представлены картины жизни ацтеков до прибытия в Мексику испанцев. Детали своих картин Ривера почерпнул в многочисленных исторических трудах, а также в устных преданиях и легендах, бытующих у индейцев — потомков ацтеков. Эти громадные фрески украшают стены Дворца правительства в Мехико.

нас нет более неотложных и животрепещущих проблем, чтобы тратить время на какие-то там звезды?

«Что же такое человек? — спрашивал известный астроном Вильгельм Рабе (1893—1958) и отвечал на этот вопрос так: — Во всяком случае, он — далеко не то, чем он так любит считать себя, а именно — отнюдь не венец творения». Любое свидетельство того, что человек вовсе не является единственной разумной формой жизни во Вселенной, заслуживает самого пристального и

обстоятельного изучения. Ведь это же означает, что безмерная гордыня «венца творения» ни на чем не основана, а само его существование имеет лишь весьма относительную ценность. Кроме того, никогда еще за всю свою историю человечество не обращалось прежде к решению давних проблем, чтобы начать новые исследования, а наоборот, опираясь на результаты новых исследований, стремилось решить свои застарелые проблемы.

Так, открытие и ошеломляющее развитие всевозможных медицинских препаратов избавило человечество от множества древнейших недугов и инфекционных болезней, таких, как чума, холера, желтая лихорадка, малярия, туберкулез и пр. Современные физика и тех-

ника подарили нам электрическую энергию, без которой вряд ли был бы возможен взрывной рост численности населения, но в беднейших странах большинство жителей по-прежнему голодают. В то же самое время, когда возникают все новые и новые предприятия по переработке сырья и энергоносителей, в небе над нашей планетой проносятся сотни спутников, ведущих прямо из космоса разведку все новых и новых месторождений полезных ископаемых в пустынных и не освоенных человеком регионах. «Каждое поколение должно до конца совершить свой марш-бросок по пути прогресса. Поколение, которое топчется на месте и не двигается вперед, тем самым заставляет своих детей пройти вдвое больший путь» (Ллойд Джордж, 1863—1945).

Сохранились ли на Земле следы и свидетельства пребывания на ней «богов» из Вселенной? Что это за следы?

Возможно ли обнаружить существование жизни в просторах нашей Галактики? Само знание — именно знание, а не вера — о том, что мы не одиноки во Вселенной, открывает перед учеными совершенно новые, неизведанные миры для поиска и исследования. Это позволяет открыть новые измерения для эволюции и философии, техники и религиозной мысли; практически все виды и жанры искусств получают новый, мощный импульс для дальнейшего развития. Более 15 лет тому назад я писал:

«Когда на исследование космического пространства будут направлены достаточные силы, средства и научные кадры, результаты таких исследований со всей очевидностью покажут бессмысленность земных войн. И когда люди всех рас, племен и национальностей сплотятся ради осуществления великой глобальной цели — создания технического потенциала для полета к далеким звездам и планетам, Зем-

ля со всеми своими мелкими проблемами займет наконец достойное место по отношению к универсальным космическим процессам. Человек перестанет посвящать всю свою жизнь бессмысленной погоне за наживой, занимавшей его на протяжении тысячелетий. Вселенная откроет для нас врата, ведущие в лучшее будущее».

Возвращаясь к этому высказыванию, мне хотелось бы несколько дополнить его.

Сфера изучения доисторической астронавтики, то есть поиск свидетельств посещения нашей Земли в древности некими «богами», который я уже много лет веду совместно с другими исследователями, давно повлияла на научную мысль в целом и преисполнила ученых стремления отыскать во Вселенной следы жизни. А теперь давайте задумаемся: ведь сама формулировка этой гипотезы — ОНИ БЫЛИ ЗДЕСЬ! — предполагает, что инопланетяне *действительно существуют*. Но тогда возникают вопросы типа: «Какие следы они оставили на Земле?», «Не могут ли они вернуться?» и, наконец: «Когда это произойдет? Готовы ли мы к такой встрече? Какой урок мы можем извлечь из имеющихся фактов?»

В апреле 1983 г. итоги опроса, проведенного в английских начальных школах, показали, что большое число детей, как мальчиков, так и девочек, находятся под сильным впечатлением подобных вопросов. В этой связи мне хотелось бы привести мнение некоторых детей — которое я, однако, не разделяю, — что Иисус Христос был астронавтом. Тем не менее подобные взгляды показывают, что для молодого поколения прежние религиозные ценности более не являются чем-то таким, чему следует «беспрекословно» повиноваться.

Главная тема исследований, которой я посвятил всю свою жизнь, — доисторическая астронавтика — не имеет ничего общего с религией. Я вовсе не считаю себя

ни гуру, ни пророком, ибо не делаю никаких высказываний, сулящих блаженство одним и вечную погибель другим. Нет и еще раз нет. Я просто излагаю гипотезу, в истинности которой я лично убежден.

Английский журнал «Нью Сайентист» воздал мне по заслугам, обрушившись на меня с градом критики в статье, озаглавленной «Целый век псевдонауки». Автор настойчиво призывает ученых перестать наконец отмалчиваться и вызвать этого пресловутого господина фон Дэникена на ринг. О, я был бы ужасно рад такому поединку, а пока что предпочитаю ответить автору крылатой фразой его соотечественника, сэра Уинстона Черчилля:

«Одно из самых приятных переживаний в жизни — это служить некой мишенью, в которую никто никогда так и не сможет попасть».

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОГДА С НЕБА УПАЛ ОГОНЬ

Самое опасное мировоззрение — это мировоззрение людей, которые никогда не видели мира.

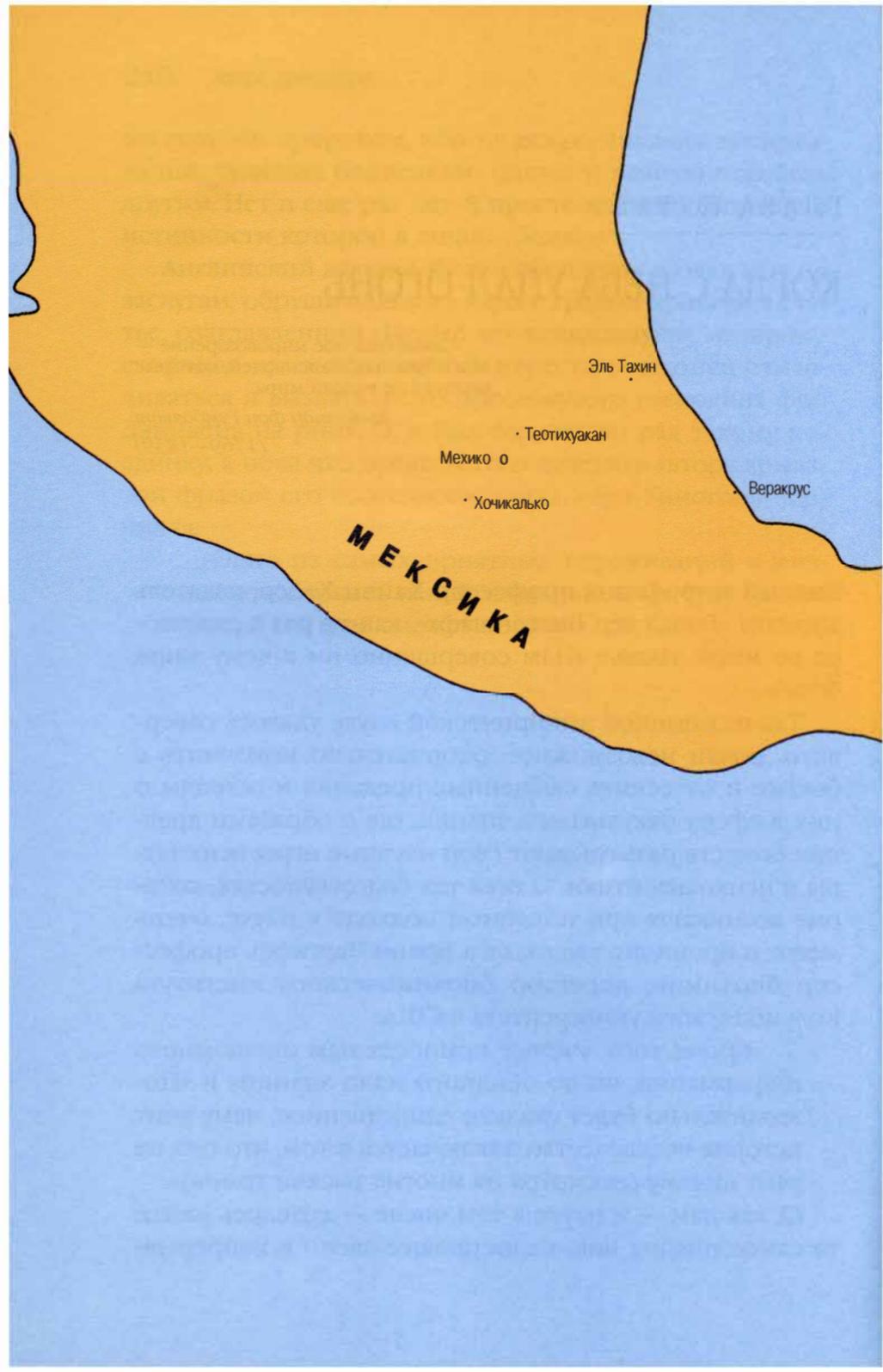
Александр фон Гумбольдт
(1769—1859)

Видный астрофизик профессор Хайнц Хабер, издатель журнала «Бильд дер Виссеншафт», как-то раз в разговоре со мной заявил: «Нам совершенно ни к чему ваши боги!»

Так называемой эмпирической науке удалось совершить почти невозможное: окончательно покончить с богами и оттеснить священные предания и легенды о них в сферу оккультного знания, где с образами древних божеств разыгрывают свои научные игры психиатры и психоаналитики. О всех тех благоглупостях, которые возникают при подобном подходе к науке, очень метко и иронично высказался Эрвин Чаргафф, профессор биохимии, директор биохимического института Колумбийского университета в США:

«Кроме того, ученые приносят нам очень много информации, но до обидного мало знаний» и «Позволительно будет сказать: единственное, чему учит история человечество, заключается в том, что она не учит ничему (несмотря на многие тысячи томов)».

О, как нам — и науке в том числе — хотелось найти то самое missing link, недостающее звено в непрерыв-

Эль Тахин

Теотихуакан

Мехико о

Хочикалько

Веракрус

МЕКСИКА

ной эволюции человечества, которое обычно восполняли боги, когда я более 25 лет тому назад начал выдвигать свои теории и гипотезы! И сегодня, когда я в процессе работы над этой книгой перечитал целые горы высокоумных трудов, посвященных письменности майя и ацтеков, изучил все сохранившиеся кодексы и самым внимательным образом проработал материалы, рассказывающие о замечательных открытиях в области археологии и этнографии, сделанных маститыми американцами за последние сто с лишним лет. О том, что мне дало изучение всех этих бесчисленных источников, я не буду даже рассуждать собственными словами, ибо предпочитаю привести еще одну цитату из Чаргаффа: «Они [ученые] пишут исключительно для себе подобных, а отыскать подобных им весьма сложно. Поэтому каждому исследователю приходится полагаться лишь на свою собственную голову, какой бы слабой она ни была».

Существующая система науки носит откровенно корпоративный характер и специализируется на том, чтобы составить из своих членов некое закрытое общество посвященных. А они считают кощунством, взрывоопасным, как динамит, если в ходе свободной дискуссии кому-нибудь вздумается упомянуть о реальных событиях, объясняющих бытие богов. Разумеется, в этой сфере науки нет и не может быть специалистов по «богологии», и поэтому те, кто разделяет подобные гипотезы — а это в первую очередь археологи и этнологи, — вынуждены, что называется, вращаться в своем собственном кругу. Там они могут сколько угодно знакомить своих коллег с новейшими открытиями, снабжать их примечаниями и комментариями, делать самые дерзкие ходы конем в поисках скрытого психологического смысла тех или иных явлений и, совершив очередное сальто-мортале в сфере, неподвластной расхожей логи-

ке, увенчивать шевелюры друг друга лавровыми венками лауреатов.

Поистине, это гражданский долг: взломать порочный круг пустопорожней наукообразности и, распахнув окна ученых кабинетов, проветрить их свежим ветром истины!

Разумеется, весенний порыв свежей научной мысли вовсе не стремится к тому, чтобы развеять в пух и прах все те огромные знания, которые были накоплены за последние век-полтора, или приуменьшить огромные достижения археологов и тем более — заслуги неутомимых тружеников, бьющихся над разгадкой смысла иероглифов и пиктограмм майя. Мы отнюдь не стремимся к тому, чтобы переписать историю Американского континента, что называется, заново. Наша цель — найти ключи к бесчисленным источникам информации, остающимся не востребованными, и снять хотя бы некоторые из вопросительных знаков.

Ложное понимание знания

Предания и легенды ацтеков и майя — наиболее сильных в политическом отношении индейских племен, населявших в древности земли теперешней Мексики, — со всей определенностью повествуют о богах *своих предков*, прибывших откуда-то из Вселенной на нашу Землю и выступивших в роли эдаких универсальных учителей. Так, легенды подробно рассказывают о том, как однажды с неба упал огонь, а затем грозный потоп покрыл своими водами всю землю, уничтожив весь род человеческий.

Некоторым источникам по истории древней Америки посчастливилось пережить неистовую жажду уничтожения, буквально обуревавшую христианских мис-

сионеров, поскольку эти книги возникли либо непосредственно в эпоху испанского завоевания, либо непосредственно после нее. В числе таких книг:

- «Пополь-Вух», священная книга индейцев народа киче. Написана около 1530 г. на латинском языке.
- «Чилам-Балам», сборник мифов и исторических хроник. В последний раз переписана в XVI в. на языке майя, но латинским алфавитом.
- Старомексиканские пиктограммы.
- Документы испанских хронистов, бывших очевидцами падения империй ацтеков и майя.

Возраст всех этих источников — в лучшем случае немногим более 450 лет. Как же, позволительно будет спросить, могут столь «молодые» по меркам истории книги поведать хоть что-то о посещении Земли инопланетянами, которое состоялось как минимум несколько тысяч лет тому назад, а никак не в XVI в.?

Я знаю несколько приверженцев ислама, которые могут аят за аятом, сура за сурой воспроизвести наизусть весь Коран целиком¹. Доводилось мне знать и христиан, которые хранили в памяти весь Новый Завет, и иудеев, помнивших наизусть всю Тору — Пятикнижие Моисеево². Подобные примеры можно продолжить. Многие верующие, пускай даже не знающие наизусть все священное писание своей религии, тем не менее отлично знают основные ее положения, догматы и законы. И если бы в какой-нибудь ужасной войне погибли все до одного экземпляра Библии, но при этом сумели бы выжить хотя бы несколько священников, проповедников или членов общины, они вскоре смогли бы восста-

¹Такой человек в исламской традиции носит почетный титул *хафез* — «Помнящий [Коран]» (*прим. перев.*).

²Тора (древнеевр. Закон), или Пятикнижие Моисеево, — первые пять книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. (*Прим. перев.*)

новить по памяти все Священное Писание и воссоздали бы новую старую Библию¹. Нечто подобное произошло с копиями так называемого пратекста, возраст которого превышает 2000 лет, ибо до нас не дошло ни одного экземпляра первоначального оригинала. То же самое имело место и в XVI в. в Центральной Америке. Жрецы и старейшины племен собрали воедино воспоминания, предания и легенды, восходящие ко времени земной жизни богов. И пускай бумага, на которой они запечатлели все эти знания, была совсем свежей — возраст сведений, записанных на ней, исчислялся многими тысячелетиями.

Внешне потомки гордых майя смирились с изменившимися обстоятельствами жизни и приняли христианство, но на протяжении многих поколений они из рода в род тайно хранили свою древнюю веру. Именно она дала им силы и просветила разум, позволив вспомнить древние предания. Даже в наши дни, как пишет Вольфганг Кордан, специалист по изучению культуры майя и переводчик «Пополь-Вуха» на немецкий, ум и сердце многих коренных мексиканцев тайно принадлежат древним верованиям.

«Испанизация не коснулась их вплоть до сегодняшнего дня. У них сохранились свой вековой уклад, свои родоплеменные отношения, свой язык. Строго говоря, их католичество и гроша ломаного

¹ Именно такая ситуация имела место в древнем Китае, когда в III в. до н. э. по приказу императора Цинь Шихуанди (кстати сказать — строителя Великой Китайской стены) были уничтожены все до единого экземпляры книг Конфуция, считавшихся в Китае своего рода светским аналогом Священного Писания. Но в живых остался один древний старик, помнивший наизусть все Пятикнижие Конфуция. Он был слепым и не мог писать, но у него нашлась внучка-подросток, каким-то чудом владевшая сложнейшей иероглификой. Она-то и записала знак за знаком, книгу за книгой все эти тексты, вернув их из небытия. (*Прим. перев.*)

не стоит, а в Гватемале, в городке Чичикастенанго, затерянном в горах, они используют даже католические храмы для совершения своих древних языческих ритуалов, и каждое воскресенье индейцы кичемайя на одном из близлежащих холмов приносят жертву всежжения перед идолом бога плодородия Алкс'лка».

Свидетельства испанцев-очевидцев событий дают лишь весьма поверхностное представление о мифологии и религиозных святынях народов, покоренных конкистадорами, ибо в данном случае речь может идти только «о документах, составленных специально в расчете на испанскую публику», о своего рода рапортах и докладах, или, как это имело место у самого Кортеса, четырех весьма длинных *картас* (письмах), написанных в период с 1519 по 1524 г. и адресованных королю Карлу IV. Кортес, что вполне естественно, излагает события со своей точки зрения, и «святыни» туземных «дикарей» его мало беспокоят. Поэтому содержание книг, созданных самими индейцами, отличается не в пример большей компетентностью и знанием вопроса.

Писания, созданные на заре человечества

Передо мной лежат сразу три издания знаменитой книги «Пополь-Вух». Самое старое из них, вышедшее в свет в 1861 г., было подготовлено аббатом Брассором де Бурбур; второе вышло из печати в 1944 г., а третье — в 1927 г. В «Пополь-Вухе» собраны древнейшие предания народа киче — одного из племен-потомков майя. Эта книга для них является чем-то вроде Ветхого Завета. Первоначальный ее текст давно утрачен. Вот что писал по этому поводу профессор Шульце-Йена:

«Можно лишь благодарить судьбу за то, что одаренный индеец из Кумаркаа-Утатлана, обученный чтению и письму будущим епископом Маррокенем и принявший после крещения имя Диего Рейносо, будучи побуждаем мудрыми старейшинами своего народа сохранить духовное наследие отцов, где-то около 1530 г. впервые перенес на бумагу... отдельные фрагменты преданий киче, записав их на родном языке».

Этот странный манускрипт, бережно скрытый от посторонних глаз, в начале XVIII в. случайно обнаружил у индейцев, живших в окрестностях Чичикастенанго, некий Франсиско Хименес, монах ордена доминиканцев. Это были предки тех самых индейцев, о которых Вольфганг Кордан, как помнит читатель, писал, что они и сегодня придерживаются своих древнейших языческих обычаев. И эти-то предания народа киче, переведенные Хименесом на испанский язык, обнаружил в Университетской библиотеке в Мадриде знаменитый аббат Брасор.

Древнейшая рукопись «Пополь-Вуха» состоит из 56 листов форматом 16 × 26 см. Листы исписаны с обеих сторон: слева — индейский оригинальный текст на языке киче, справа — испанский перевод. Это — тот самый «Пополь-Вух», о котором Кордан говорит: «Книга Совета — Пополь-Вух — принадлежит к числу величайших письменных текстов, созданных на заре человечества».

Что касается переводов «Пополь-Вуха», то они весьма отличаются друг от друга и по лексике, и по смысловым акцентам, привнесенным переводчиками в зависимости от эпохи, в которую они работали, и от уровня их образования. Если в тексте речь заходит о кресте, то падре, например, тотчас усматривают в этом намек на голгофский крест Иисуса Христа, тогда как сами майя обычно использовали крест в качестве символа Вселен-

ной. Как только встречаются упоминания о молодых путниках, держащих путь к созвездию Плеяд, современные этнологи с готовностью видят в этом вкрапления чистой мифологии. При этом их нисколько не смущает, что мифы для сознания майя были столь же чужды, как какие-нибудь богемские деревни! Дело в том, что для индейцев каждое слово и каждая деталь их священной книги, то бишь «Пополь-Вуха», не менее истинны и конкретны, чем для христиан — слова Евангелия.

То же самое относится и к кресту. Каждый перевод имеет свои собственные недостатки, обусловленные тем, что прежний переводчик, руководствуясь своей собственной интерпретацией представлений майя — а также долгом доброго христианина! — вносил в текст коррективы, которые казались ему необходимыми и оправданными, учитывая дух его эпохи.

«Пополь-Вух» буквально наполнен всевозможными предупреждениями и оговорками:

«Это — самое начало древних преданий дема, народа, который в этой земле носит имя киче. Все, что мы записали здесь, берет свое начало и исток в старинных обычаях, которые совершались на праздниках киче перед всеми коленами народа киче.

При этом мы хотим отметить, что заботились в первую очередь о том, чтобы открыто, ясно и согласно обычаям изложить все то, что было скрыто от глаз, поведать о Создательнице и Творце, о Прародительнице и Создателе Сынов, как звучат их имена».

Через некоторое время неведомый индейский автор впервые с момента появления в этих краях христианства дерзнул записать этот текст. Но и после этого он позаботился о том, чтобы скрыть труд автора истории индейского народа в надежном месте, опасаясь, чтобы его не обнаружили. А на случай, если такое все-таки случится и древняя книга попадет в руки чужаков-испанцев,

придерживающихся совсем иного образа мыслей, он решил обезопасить свой труд учтивыми реверансами перед христианским учением. Однако, несмотря на все эти уступки, он настаивает на том, что его сочинение, знаменитый «Пополь-Вух», восходит к некоему древнему тайному труду:

«Итак, эта книга весьма древняя и написана в давние времена, но пребывала в тайне от глаз прорицателей и мудрецов. Ее возникновение и провозвещение столь же таинственно, как и появление самого неба и земли».

Свое повествование или, лучше сказать, свою книгу Бытия, рассказывающую об истории возникновения своего народа, автор открывает поэтической фразой о том, что прежде начала Бытия «мир был погружен в глубокое молчание». В те времена, утверждает он, еще не было ни человека, ни животных, ни растений, ни даже камней, а «было только небо и ничего, кроме него. Все было погружено в непроницаемую «тьму и ночь», ибо тогда еще не светило даже солнце.

Аббат Брассор, который, как мы знаем, владел языком майя, общался со многими потомками индейцев своего времени и получил доступ к еще более древней версии «Пополь-Вуха», очень точно описывает появление богов из тьмы:

«Многие видели их появление, но не могли понять, откуда они явились. Они, можно сказать, явились неким мистическим образом из моря или пришли в этот мир подобно богам греческих мифов, то есть, другими словами, снизошли прямо с небес».

Многие весьма ценные сведения, часто приводимые им в подстрочных примечаниях, и комментарии к этому древнему праисточнику аббат Брассор почерпнул, что называется, из первых рук — от самих майя. Поскольку при чтении немецких переводов невольно воз-

никает впечатление, будто все живое на земле, согласно книге майя, вышло из моря, являя собой этакое предвосхищение будущего творения, аббат Брассор, предвидя подобное восприятие, так комментирует это, пользуясь своими «источниками информации»:

«В те времена не существовало еще ни человека, ни зверей, ни птиц, *ни рыб, ни раков*, ни деревьев, ни камней, ни долин, ни трав, ни лесов; было только небо и только оно. Образ земли еще был явлен».

Быть может, под понятием *море* имелась в виду некая первичная жидкая субстанция, в которой под воздействием внеземных факторов впервые зародилась жизнь? Это утверждение вполне соответствует модернистским научным взглядам, но в таком случае творцам древних мифов пришлось бы сесть на школьную скамью и терпеливо выслушивать лекции теоретиков эволюции! Между тем все больше ведущих авторитетов в сфере естествознания, и в первую очередь сэр Фред Хойл, которому принесли поистине всемирную славу его глубокие исследования в области астрономии, придерживаются мнения, что жизнь возникла *отнюдь не случайно* в гипотетической первичной жидкой субстанции, как то постулирует современная наука, а скорее всего благодаря генам, занесенным из космоса и радикальным образом изменившим биологическую ситуацию на Земле. Фрэнсис Крик, лауреат Нобелевской премии за 1962 г., получивший эту высокую награду за открытие молекулы ДНК, этого материального носителя генетической информации, поразил (и даже напугал) научный мир своей теорией *привнесенной панспермии* (привнесенного осеменения), согласно которой микроорганизмы, созданные некой высокоразвитой цивилизацией, несколько миллиардов лет тому назад были доставлены на Землю в капсуле беспилотного космического корабля, а затем, попав в то самое праморе, начали активно размножаться и развиваться.

Проблема идентификации

Во тьме не было «никакого движения, ни малейшего ветерка», и единственным, что двигалось в этом море тишины и черной тьмы, были творцы «в небесно-голубых одеяниях». Среди них особенно выделялся бог *Тепеу Кукумац*.

Это — свидетельство совсем иного, найденного на полуострове Юкатан, письменного источника, рассказывающего о Кукулькане, которого обычно принято отождествлять с изгнанным из г. Тула ацтекским жрецом-правителем по имени Кецалькоатль. Анализируя проблему такого отождествления, многие исследователи проводят параллель между небесно-голубыми (лазурными) одеждами и яркими, красочными перьями птицы кецаль. Аббат Брассор в своем переводе вполне определенно отмечает: «Слово *ракс* на языке киче, а также и на языке какчикель означает как синий, так и зеленый».

Однако, независимо от того, означало ли это слово «синий/голубой» или «зеленый», перья птицы кецаль не слишком напоминают небесно-голубые одежды бога Тепеу Кукумаца, ибо во дни творения, когда бог, собственно говоря, и появляется на земле, птиц еще просто не существовало. Да, именно так! Дело в том, что хронисты майя упоминают красочные перья в связи с Тепеу Кукумацем, чтобы, упомянув о перьях птицы кецаль, дать читателю представление о колорите одеяний пришельцев — тех самых одеяний, в которых они явились из тьмы давно минувших времен.

Итак, именно в небесно-голубых, лазурных одеждах пришельцы явились на землю из немой тьмы Вселенной. Это свидетельство отнюдь не является чем-то уникальным. Бесчисленное множество мифов, в том числе мифы, бытующие у жителей островов Кирибати, пове-

ствуют практически о том же. Существа, фигурирующие в их мифах, — это не животные и не шаманы, то есть некие культовые персонажи, стремящиеся восстановить связь с духами или душами умерших, причем паранормальные способности таких героев обычно сравниваются с чутьем животных.

Нет, в мифах идет речь о «мудрецах, великих посвященных, ведающих тайны всех наук», которых называли «сердцем небес». Аббат Брассор в своем переводе со всей ясностью говорит, что три первичных бога, «носивших имена Гром, Молния и Быстрота», *снизошли с неба* вместе с верховным богом по имени Тепеу Кукумац.

В этой связи мне хотелось бы прибегнуть к помощи инвективы, возможность которой мне подсказали этнологи, а также друзья-психологи. Беру на себя смелость попытаться интерпретировать значение имен «Гром» и «Молния» несколько иначе, чем то принято в святая святых официальной учености. Согласно общепринятым взглядам, когда возникали такие природные явления, как гром и молния, падавшие с небес, примитивные «дикари» якобы не понимали их смысла и потому стремились обожествлять их.

Да, я допускаю, что существуют так называемые религии природы, но это для меня ничего не проясняет. Мне хотелось бы задать один вопрос: а способны ли подобные «природные явления» *говорить*? Наделены ли они *даром слова*, как о том повествуют предания? Могут ли они устанавливать законы, выступать в роли учителей и наставников? Быть может, знаменитые Десять Заповедей тоже принесло с неба природное явление по имени Моисей? Или, может быть, это Гром и Молния продиктовали пророку Еноху отдельные места его феноменальной, с точки зрения астрономии, книги? Выходит, что с предками древних майя разговаривали при-

родные явления, и индейцы по простоте души называли «мудрецами, великими посвященными, ведающими тайны всех наук» заурядные гром и молнию? Получается, что на великом небесном совете сотворить первого человека решили какие-то абстракции — гром, молния, быстрота?

Я готов согласиться с тем, что интерпретации, предложенные прежними поколениями ученых, со временем могут утратить актуальность, но истинные открытия, сделанные ими, входят в корпус научной литературы и становятся основой для формирования новых и новых взглядов. Мне представляется совершенно необъяснимой нелепостью и абсурдом, что даже в наши дни, в конце XX века, на рубеже нового тысячелетия, многие склонны делать вид, будто не существует других реалистических объяснений подлинного смысла креационистских мифов, кроме искусственно выдуманных «религий природы»! Подобные схоластические построения порождены прежде всего страхом, связанным с тем, что включение представлений о внеземном разуме в академическую «научную» картину мира способно разрушить все здание науки. «Признание собственных заблуждений — свойство, проявляющее сегодня куда большую скрытность, чем вчера», — с горечью констатировал Иоганн Каспар Лафатер (1742—1801). Наши всемогущие ученые мужи не должны проявлять излишнюю стеснительность, когда им приходится окончательно распроститься с привычной и удобной для них картиной мира.

Уникальные эксперименты

Богам «Пополь-Вуха» после ряда неудачных экспериментов удалось наконец создать нового человека, не имеющего практически ничего общего с пресловутым

Homo sapiens привычных научных представлений. Предание со всей ясностью говорит о том, что эксперименты по созданию первого человека не имели ничего общего с обычным земным зачатием:

«Вот имена первых людей, которые были созданы и сотворены [богами]: первым человеком был Балам-китце, вторым, созданным после него, — Баламакаб, третьим — Махукутах, четвертым — Икильбалам. Таковы имена наших первых предков. Всех их называли только *Созданными* и *Сотворенными*, ибо у них не было ни матери, ни отца; поэтому мы должны именовать их истинно *Знатными*. Они не были рождены на свет женщиной и никому не приходились сыновьями; произошли же они от Создательницы и Творца, от Прародительницы и Создателя Сынов. Поистине достойно удивления, что они были созданы и сотворены, это истинное чудо, явленное Создательницей и Творцом, Прародительницей и Создателем Сынов, Всемогущим и Кукумацем».

Как и в большинстве креационистских мифов, в преданиях майя боги самым активным образом вмешиваются в появление на Земле человека. Однако плод их усилий превзошел все их ожидания, и его создатели даже начали опасаться своего творения:

«Они обладали зрением и даже могли видеть все, находящееся очень далеко; они стремились видеть и знать все сущее в этом мире. Когда они смотрели, они видели все происходящее вокруг; они проникали взором сквозь небесный свод и видели земные недра. Они видели все сокровенные и тайные вещи, не двигаясь при этом с места. Они могли видеть весь мир, и они видели его с того места, на котором стояли». Испугавшись, что их творения оказались равными им, а когда-нибудь, быть может, и превзойдут их, «соз-

датели» очень скоро позаботились том, чтобы лишить их столь необыкновенных способностей:

«И тогда *сердце небес* набросило им на глаза некий покров. И взоры их затуманились, словно зеркало от дыхания. Глаза их стали не такими, как прежде: они могли теперь видеть только то, что находится вблизи, и то, что ясно различимо. Так были уничтожены премудрость и все те познания, которыми обладали четверо первых людей, созданных в начале творения. Так были созданы и сотворены наши предки, наши отцы. [Они произошли] *от сердца небес и от сердца земли*».

Право, точнее и короче, чем строкой «от сердца небес и от сердца земли», мою гипотезу о появлении *Homo sapiens* трудно сформулировать: человек — это двуполое существо с земным телом и внеземным разумом.

Кроме того, в том же «Пополь-Вухе» есть и другие поразительные свидетельства:

«И было там множество темных и светлых людей, людей самых разных состояний, людей, говоривших на многих языках, и слышать их было поистине удивительно».

В другом переводе то же самое место звучит весьма похоже:

«И жили там в благоденствии темные и светлые люди. Приятным был вид этих людей, приятно звучала их речь, чутким был слух их...»

Это место является особенно примечательным еще и потому, ибо прапредки майя не могли иметь представления о существовании черной и белой рас. Дело в том, что текст «Пополь-Вуха» сложился задолго до того, как была открыта Центральная Америка!

Весьма примечательно и замечание о том, что первоначально все люди говорили на одном общем языке, а затем — совсем как в рассказе Библии, повествующем

о Вавилонской башне и смешении языков, — начали разговаривать на «многих языках». Но каким же мог быть тот самый первоначальный, общий язык? Ведь до появления инопланетян будущие люди вели животный образ жизни. И лишь после целенаправленной, искусственно вызванной мутации они обрели способность к обучению, и первым языком, на котором вскоре заговорили все народы, вполне мог быть язык самих «богов».

Воспоминания о пришествии

В унисон с другими священными писаниями «Пополь-Вух» повествует о неких избранных, вознесшихся на небо. Совсем как в Библии, где рассказывается о том, что пророки Енох и Илия были взяты живыми на небеса, миру древних майя тоже были известны подобные избранники.

«Это было их прощание. Они исчезли над вершиной горы Хакавиц. Их жены и дети не погребали их; ибо отшествия их не видел никто».

Они «исчезли», но о них никак не скажешь, что они не оставили после себя никаких следов. Нет, они оставили поистине неизгладимую память о своем пришествии — память, обращенную ко всем живым на много тысячелетий вперед, предупреждение, чтобы они не дерзали считать себя венцом творения, ибо всем тем, чего они достигли, они обязаны отнюдь не самим себе:

«И оставил Баламкитце некий знак, символ своего бытия. «Да служит он вам напоминанием обо мне, о том, что я оставляю вам, в чем должна заключаться ваша сила!» — сказал он. И оставил он знак своего бытия, «связанную силу», как ее называют с тех пор: она и поныне остается полностью связанной, и никто не в силах ее развязать, ибо никто не

знает, как и чем она скреплена, ибо никто не видел, как она была связана».

Что же мог представлять собой этот неведомый объект, эта «связанная сила»? Вольфганг Кордан утверждает, что на языке майя ее название звучало *Писом Ка-к'аль*, то есть «Никто не знает, что это было». Анализируя корень этого слова, Кордан пришел к выводу, что в данном случае, вероятнее всего, имеется в виду некий камень, который пользовался у майя особым почитанием и который внушал им священный трепет. Обыкновенных камней, встречающихся повсюду, люди обычно не боятся. Так в чем же дело?

Первое, что пришло мне в голову при упоминании об этой загадочной святыне майя, — это мысль о знаменитой Каабе, главной святыне ислама, расположенной в Мекке, к которой, как заповедал пророк Мухаммед, должен совершить паломничество каждый правоверный мусульманин. В юго-восточном углу этого пустого внутри строения кубической формы, не имеющего окон, в стену вделан таинственный Черный Камень¹, который, собственно, и является объектом поклонения. Паломники прикасаются к нему губами и лбом. Считается, что его принес на землю сам архангел Гавриил. О том, почему я считаю главную священную реликвию израильтян — Ковчег завета — одним из следов пребывания инопланетян, я уже писал в отдельном исследовании, посвященном святыням и реликвиям (см. мою книгу «Пророк минувшего»). Затем мне вспомнилась другая аналогия — таинственное металлическое зеркало, кото-

¹ По мнению некоторых ученых, этот камень имеет метеоритное происхождение. Поклонение Черному Камню началось за несколько тысячелетий до возникновения ислама (VII в.), самой поздней из авраамических религий. Согласно одной из апокрифических легенд, на этом камне принес благодарственную жертву праотец Ной после того, как волны Потопа отступили и его ковчег причалил к вершине горы Арарат. (*Прим. перев.*)

рое богиня солнца Аматерасу в 660 г. до н. э. преподнесла японскому императору Дзимму Тенно. Как мусульмане в свою знаменитую Мекку, миллионы японцев ежегодно совершают паломничество в город Исе, расположенный на острове Хонсю, чтобы, войдя в найку, внутреннее святилище храма, его святая святых, поклониться этому священному зеркалу — величайшей из реликвий императорского дома Японии. Зеркало завернуто во множество тончайших шелковых покровов, и пока еще никто из смертных не дерзнул развернуть этот таинственный предмет.

Мои критики с завидным упорством, достойным лучшего применения, дают мне суровые отповеди, отвергая мои гипотезы. Что ж, я их понимаю. Но я никак не могу взять в толк, почему в наш просвещенный век все еще никак не удастся провести тщательное и всестороннее исследование того же Черного Камня, священного зеркала богини Аматерасу в Исе, и, наконец, остатков древнеизраильского Ковчега завета, которые сегодня с величайшим благоговением хранятся под собором девы Марии в эфиопском городе Аксум. Все эти объекты наверняка должны нести на себе и в себе следы внеземного происхождения, иначе они вряд ли смогли бы сохранить свою притягательную силу на протяжении столь длительного времени (2600 лет, если говорить о реликвии из Японии!).

Быть может, разные религии мира хранят ключи к пониманию далекого минувшего Земли? А может, они их, наоборот, скрывают? При всем уважении к святыням древних религий эти, а также некоторые другие священные реликвии, хранимые в тайне, должны быть открыты для серьезных научных исследований. А до тех пор мне остается лишь питать надежду, вспоминая изречение Джованни Гуарески (1908—1968), автора книги «Дон Камилло и Пеппоне»: «Критик — это курица, которая лишь кудачет, когда другие кладут яйца!»

Хроники и книги пророчеств

Я уже говорил, что к числу трех групп источников, которым удалось пережить неистовую страсть епископа Диего де Ланда к уничтожению древних памятников майя, принадлежат и книги «Чилам-Балам», в которых собраны исторические свидетельства и пророчества, записанные латинским алфавитом, но — на языке юкатеков, так называемом майятане.

«Чилам» означает примерно то же, что и пророк, или «переводчик [языка] богов», а «Балам» значит «ягуар». Всего сохранилось 17 книг «Чилам-Балам». Они отличаются друг от друга прежде всего особенностями тех мест, где они хранились; так, существуют версии «Чилам-Балам» из Мани, «Чилам-Балам» из Балама, Чумаиеля, Икстиля, Теакса и так далее.

Все эти подлинные рукописи созданы в XVI—XVIII вв., когда остатки древнего народа еще жили преимущественно в деревнях, где местные жрецы пересказывали их предания о далеком прошлом и возвещали откровения пророков о будущих судьбах народа. Во время ритуальных собраний и празднеств читались отрывки из этих священных книг, которые пользовались огромным авторитетом в глазах майя. Любопытно, что даже в нашем XX в. индейцы втайне переписывали эти книги, делая бесчисленные списки со списков — этакий туземный самиздат.

Книги «Чилам-Балам», представляющие собой записи высказываний многих жрецов, смысл которых часто неясен или утрачен, имеющие широкий разброс в датах и являющиеся, по сути дела, смесью исторических свидетельств и прорицаний, в настоящее время очень трудны для понимания. Так, о сотворении земли повествуется тогда, когда история, что называется, уже шла полным ходом, а сошествие богов-творцов непосредствен-

но ассоциируется с куда более поздним событием — всемирным пожаром. Впрочем, это вполне характерно для самиздатовских книг, которые сохранили во тьме времен свидетельства о присутствии некоей чуждой силы.

Сотворение земли в книге «Чилам-Балам Чумайель», например, описывается таким образом:

«Это — история мира, как она была записана в старые времена, когда не окончилось время создания подобных книг... чтобы люди майя могли узнать, от кого они произошли и как появились в этих землях... Произошло это в Катун 11 ахау (дата), когда явился Ах Мукенкаб (бог, спустившийся с небес). Прежде с неба ниспал огонь, затем с него упали скалы и деревья...»

После этого Ах Мукенкаб, бог, спустившийся с небес, уничтожил царственные инсигнии 13 богов космоса майя. Небо обрушилось на землю, и начался пожар. Это знаменовало конец первой эпохи. Все эти события нашли свое отражение в космических циклах майя. Вскоре появилось новое человечество, существовавшее вплоть до холокоста, устроенного цивилизации майя испанцами. А одно из пророчеств, возможно, относится к нашему времени:

«На небесах появится круг, и земля будет пылать огнем. Кауиль будет вновь явлен, как он уже был явлен в начале времен. В Катун (дата) на всей земле начнется пожар».

Ральф Л. Ройс, исследователь, который в 1933 г. перевел «Чилам-Балам Чумайель» на английский язык, делает к этому отрывку следующее примечание:

«Здесь мы вправе вспомнить о пророчествах, относящихся к испанским завоевателям: на небе возник огненный столп пламени, который светил от полуночи до восхода... а затем исчез».

Бесспорно, книги «Чилам-Балам», относящиеся к крайне редким источникам и частично восходящие к подлинным утраченным документам майя, имеют огромную ценность для исследователей, но высказывания, приведенные в так называемом Кодексе Чимальпопока, представляются несравненно более понятными. Этот замечательный памятник открыл все тот же неутомимый аббат Брассор, много лет занимавшийся поисками древнеамериканских источников. Брассор, будучи настоящим гением-полиглотом, выучил также и язык ацтеков, благодаря чему он мог читать старинную хронику правящих родов (династий) ацтеков прямо в оригинальной рукописи. Свою находку он назвал именем учителей, которые помогли ему изучить ацтекский язык: Чимальпопока Галисия.

Согласно Кодексу Чимальпопока, после того как боги сотворили небеса и землю, «с неба упало огненное сверло; Тецкатлипока сбросил дрова, и дым от них поднялся в небо». Совершив эти деяния, боги стали держать совет, кого им следует оставить на земле:

«Скорбным взором окинули они звездные просторы и звездные царства и остановили свой выбор на владыке воды, который уже ходил среди людей, разравнивал поля и вырубал кустарники — на Кецалькоатле».

Создается впечатление, что Кецалькоатль существовал всегда.

В Кодексе Чимальпопока говорится, что мир не только был сотворен четырежды, но и существовало четыре солнца, и лишь в пятую эпоху солнце стало видимым — таким, каким мы видим его сегодня... Подобное заявление не менее поразительно, чем такой пассаж:

«В пятую эпоху, как это было ведомо старым людям... были созданы земля и небо... а также четыре расы людей, населявших землю...»

Сотворение земли произошло, по всей видимости, в 1 год кролика, который соответствует 726 году нашей эры. Это весьма примечательная дата, ибо весьма вероятно, что ацтеки вели отсчет своей истории именно с 726 г. Это само по себе весьма важный и загадочный факт, но еще более таинственным представляется то, каким образом ацтеки могли узнать о существовании «четырех рас людей, населявших землю»...

Когда солнце пребывало в тени

Весьма драматично описан в Кодексе Чимальпопока загадочный всемирный пожар и долгая ночь, во время которой солнце пребывало во мраке:

«[Затем] было сотворено второе солнце. Символом его был ягуар и [число] четыре. Имя этого солнца — Ягуар. Именно при этом солнце небо обрушилось на землю, а солнце более не следовало своим путем. В полдень стояла такая тьма, словно это — глубокая ночь!»

Так началась эпоха второго солнца. Затем произошла некая губительная катастрофа, увековеченная в символическом знаке третьего солнца:

«Это солнце носило имя солнце Огненного Дождя. В эту эпоху [с неба] хлынул огненный дождь, который сжег всех живших на земле. Вместе с огненным дождем на землю хлынул каменный песок. Старики рассказывают, что тогда и появились каменные пески, которые мы видим сегодня. Тогда пенились потоки андезитной лавы, а поверх нее громоздились красные скалы...»

Все эти явления можно объяснить «обыкновенными» солнечными затмениями. Дело в том, что майя и ацтекам солнечные затмения были хорошо известны, и

в знаменитом Дрезденском кодексе приведена целая сводная таблица таких затмений с указанием их дат.

Есть основания полагать, что в Кодексе Чимальпопка при описании эпохи второго солнца упоминаются... великаны. Они, как сказано в древнем тексте, предупреждали один другого возгласом: «Не толкайся!», ибо в темноте, возникшей во время затмения, они нередко налетали друг на друга. Справедливости ради необходимо заметить, что солнечное затмение обычно продолжается всего несколько минут, и даже во время его кульминации бывает достаточно светло и, во всяком случае, видно, куда поставить ногу. Что же касается великанов, упоминаемых в кодексе, то свидетельства о них встречаются во многих мифах, а исследователи в целом ряде мест Центральной Америки действительно обнаружили в осадочных породах окаменевшие отпечатки их гигантских ступней.

Глобальное погружение во мрак трудно объяснить вулканическим извержением, сопровождающимся огненным дождем и выпадением камней и песка, ибо извержение, каким бы грозным оно ни было, имеет весьма локальную зону распространения. Между тем огненный дождь, сопровождавшийся погружением солнца во мрак (или полным его уничтожением?) и сильнейшими наводнениями, упоминается в преданиях буквально всех народов мира.

Наиболее простое объяснение этого, утверждающее, что подобные явления могли быть вызваны колебаниями циклов вулканической деятельности и выбросами из недр земли, звучат весьма впечатляюще, но при более тщательном рассмотрении оказываются слишком примитивными, являя собой не более чем наукообразный трюк, стремящийся не решить загадку, а лишь отмахнуться от нее. Факты — вещь упрямая, и исследования показывают, что сведения о грозной катастрофе при-

сутствуют отнюдь не только в кодексе ацтеков! По всей видимости, за ними стоит некая поистине глобальная катастрофа, поскольку подобные свидетельства, совпадающие как в общем смысле, так и в мелких деталях, дошли до нас во множестве источников, обнаруженных во всех концах земного шара.

Если же допустить, что в нашей Солнечной системе произошел взрыв некой планеты, то тогда все сразу становится на свои места, помогая понять истинные масштабы катастрофы. В таком случае Солнце в небе померкло бы ни на минуты или часы, а на многие месяцы и даже годы, как о том и свидетельствуют древнейшие хроники. Грандиозное облако космической пыли и обломков, образовавшееся при гипотетическом взрыве планеты, могло распространяться по всей Солнечной системе, и раскаленные светящиеся частицы могли огненным дождем выпасть на землю, образуя на ней даже красные скалы. Раскаленные добела «бомбы» инопланетного вещества могли без труда пробить тонкую, нежную «кожу» нашей планеты, вызвав на всем земном шаре глобальные землетрясения. Причем это могло произойти не только в результате «бомбардировки» из космоса, но и в результате изменения гравитационных и силовых полей, действовавших в нашей Солнечной системе. Дело в том, что взорвавшаяся планета разрушила стройную сложившуюся систему гравитационных полей и орбит, по которым планеты обращаются вокруг Солнца. Это повлекло за собой нарушение сложившегося баланса, логическим следствием чего являлись грандиозные наводнения, эффект погружения (или даже гибели) солнца во мрак и губительные огненные дожди. Другими словами, произошло именно то, что и описано в преданиях. У злосчастных землян, естественно, возникло полное впечатление, что небо запылало и даже рухнуло на землю. Все стихии словно обезумели,

моря хлынули на сушу, губя все живое на ней; закружились неистовые водовороты, взорвались дремавшие вулканы, выплеснув в небеса потоки пламени и пепла, — словом, именно так, как и повествуют мифы.

С неба упал огонь, солнце погасло во тьме, чудом уцелевшие люди бесцельно скитались по обезумевшей земле, влача на спинах образы богов и тщетно стремясь найти укрытия и защиту. Буквально умирая с голоду, все больше и больше бедных индейцев собиралось на вершине горы Хакавиц, название которой могло означать и «чертог покоя». Дрожа от ужаса и холода, они стояли в ночи, казавшейся поистине бесконечной, тщетно взывая к своим идолам.

«Они не ведали ни сна, ни покоя. Поистине велика была скорбь в их сердцах из-за того, что день никак не приходил и не наступал рассвет. Их лица изображали отчаяние, их охватило огромное горе и подавленность, они совсем потеряли разум от боли... «Горе нам! Если бы нам довелось увидеть рождение Солнца!» — сетовали они, рассуждая между собой; сердца их были полны скорби и отчаяния; они громко стонали, не в силах найти утешения от сознания, что день больше не настанет».

Высокоумные ученые мужи в этом описании усматривают свидетельство о том, что племена, собравшиеся на вершине горы Хакавиц, на самом деле ожидали явления планеты Венеры, которой они поклонялись как богине. Однако эти мужи явно упускают из виду, что в «Пополь-Вухе» проводится четкое разграничение между Венерой и Солнцем... И вот наконец во мраке ночи, казавшемся таким непроглядным, далеко-далеко зажглась слабая точка. Это была Венера! Люди ужасно обрадовались, увидев на небесах хоть один светоч. Они пели и приплясывали; в честь богов были тотчас зажжены огромные костры.

«Но они, однако, сетовали, что им пока еще не довелось видеть рождение солнца, не довелось увидеть его лик.

И тогда солнце наконец явилось.

И обрадовались этому все звери, большие и малые; все, стоявшие на берегах рек и в глубоких пропастях, и даже на вершинах гор, и все устремили глаза свои в ту сторону, откуда восходило солнце».

Предание повествует о пробуждении после долгой ночи, казавшейся почти бесконечной. Пума и ягуар, приготовившиеся было к смерти в мрачных пещерах, неожиданно покинули свои укрытия; птицы, затихшие в ветвях, подняли оглушительный переполох; орлы и ястребы взмыли в небо со своих гнезд. Жизнь возвращалась в привычное русло...

Эти образы живо рисуют картину наступления нового дня или, говоря мифологическим языком, наступление первого дня творения: «Да будет свет».

Я склонен придерживаться другого мнения.

За многие сотни и тысячи лет до того, как случилась эта солнечная катастрофа, на земле плодились и размножались представители животного мира — целый зоопарк, уместившийся в ковчеге праотца Ноя. Более того, древнейшие города майя — в частности, легендарная Тула — уже были возведены, когда разразилась эта загадочная трагедия. После нее стало невидимым не только Солнце, но и Луна и звезды, чей свет померк, не в силах преодолеть непроницаемый мрак. В непроглядной тьме по поверхности земли расстилались холодные сырые туманы, пагубные для всего живого. Поэтому нетрудно понять радость оставшихся в живых, когда после бесконечной холодной ночи вновь заиграл рассвет и наступил день. Явления, повторяющиеся с завидным постоянством из года в год, ровно через 365 дней, уже не вызывают ни печали, ни радости. Между тем в

«Пополь-Вухе» вполне определенно говорится, что зной нового солнца казался невыносимым: «Жар его был нестерпим», а то солнце, которое сияло на небе «сегодня» — то есть во время создания хроники, — представляет собой лишь слабое «отражение» прежнего прасолнца.

Что ж, это вполне вероятное воспроизведение той ситуации! Во время бесконечной ночи атмосфера Земли успела остыть; в околоземных слоях бушевали неистовые смерчи, проносились бурные ураганы, на землю обрушивались страшные ливни. Возможно, в результате взрыва был разрушен один из защитных верхних слоев атмосферы планеты (так называемый пояс Ван Аллена), окружающий планету двумя противоположно направленными полями, напряженными, словно пружина. Он находится на высоте от 5000 до 16 000 км, охватывая весь земной шар. вполне возможно, что в результате произошло и катастрофическое разрушение озонового слоя стратосферы, находящегося на высоте около 65 км.

После такого *air-condition*¹ зрелище восходящего солнца для бедных индейцев, продрогших до костей и пребывавших в подавленном состоянии духа, явилось настоящим потрясением. Возникшее у них впечатление, будто «новое» солнце является лишь отражением прежнего прасолнца, нетрудно объяснить эффектом оптической аберрации. Предкам майя показалось, что оно стало огромным, — обман зрения, хорошо знакомый всякому, кому доводилось наблюдать диск солнца или луны на восходе или закате над необъятным зеркалом морских вод.

Примерно о таком же «закате мироздания» при ана-

¹ *Air-condition* (англ.) — здесь: состояние воздушной среды. (Прим. перев.)

логичной ситуации говорится в ацтекском предании «История царств Кольхуакана и Мексики»:

«В то время погиб род человеческий; в те времена всем им пришел конец. А затем пришел конец и самому солнцу».

Людей «уносили неистовые ветры. Их дома и деревья — все уносили неистовые ветры». Четыре фазы катастрофических разрушений, знакомых американистам под названием «четырёх эпох мироздания», последовали одна за другой. А после катастрофы пришел черед небесного огня:

«И так они все погибли: их погубил огненный дождь... Огненный дождь падал с небес целый день».

За небесным огнем последовал потоп, волны которого покрыли собой даже горы:

«И так они все погибли; их затопило водами морскими, и они превратились в рыб... И время, когда вода стояла [высоко], продолжалось 52 года».

Столь громадные периоды наводнений — 52 года — разумеется, нельзя понимать буквально. В данном случае хронисты просто воспользовались обычным циклом, характерным для Центральной Америки. В данном случае у меня нет никаких скрытых личных интересов — хотя мне, разумеется, куда проще допустить, что волны катастрофических разрушений последовали одна за другой через короткие промежутки, а не явились «четырьмя эпохами мироздания»! — нет, дело в том, что на нереальность подобных цифр указывал еще весьма компетентный специалист, профессор Вальтер Леман, переводчик оригинального текста на немецкий:

«Я придерживаюсь мнения, что цифры, указывающие продолжительность каждой из эпох мироздания, переданы не вполне точно».

Всемирный потоп был везде и всюду

Совершив перелет во времени и в пространстве и перебравшись из Центральной Америки на Ближний Восток, давайте воскресим в памяти одно место из Библии, где говорится, что праотец Ной, благополучно переживший Всемирный потоп, вышел на берег из своего ковчега, воздвиг жертвенник и вознес на нем благодарственную жертву всесожжения. «И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота своего чистого и из всех птиц чистых и принес во всесожжение на жертвеннике. И обонял Господь приятное благоухание (Бытие 8:20—21)». Точно так же — поистине чудо, если речь идет всего лишь о локальном событии! — поступили и наши ацтекские друзья во влажном тропическом лесу: они разожгли огромный костер!

«И взглянули вниз, на землю, боги, обитающие в звездных просторах, в звездных царствах. И сказали они: о боги! Кто же зажег [это пламя?] Кто смеет окуривать небо? И тогда с неба на землю спустился Тот, чьими рабами мы были и будем, — великий Тецкатлипока».

А после потопа всемогущий бог решил послать с неба на землю всех своих подданных-богов! Подобные свидетельства сохранились в преданиях индейцев кагаба (Колумбия):

«При этом погибли лишь злые, а жрецы, наши старшие братья, снизошли с неба на землю...»

В 1932 г. в иракском Хорсабаде, что неподалеку от Мосула в долине реки Тигр, был найден знаменитый старовавилонский Список царей WB 444 — в котором, кстати сказать, тоже упоминаются боги, выступавшие в роли учителей человечества. В этом списке приведены имена десяти древнейших царей начиная с сотворения мира, совершенного за 465 000 лет до Всемирного по-

топа, и вплоть до самого потопа, а затем говорится о том, как была продолжена династия нового царства:

«После того как потоп отступил, с неба было ниспослано царство».

Знаменитый герой Гильгамеш был древнешумерским царем, правившим в Южной Вавилонии. Он жил около 2600 г. до н. э. Согласно древнему эпосу, носящему его имя, его предок, таинственный Утнапишти, пережил потоп, пребывая на острове по ту сторону моря. После окончания катастрофы он воскурил благодарственный костер, возложив на костер ветви кедра и мирта:

«Боги почуяли [этот] запах; приятным был этот запах, долетевший до ноздрей богов. Словно мухи, слетелись боги на жертву».

Ни в малейшей степени не обладая теми дарованиями, которые были присущи индейским пророкам, я полагаю достаточными знаниями, чтобы попытаться попасть мелкой дробью гипотез в узкий зазор между привычными доводами. Принято считать, что «История царств Кольхуакана и Мексики», выдержки из которой я привожу в этой главе, якобы насыщена аллюзиями на христианские источники. Это испанцы якобы познакомили диких индейцев с библейским рассказом о Ное и его ковчеге, а также о боге, обонявшем приятное благоухание. Что ж, пусть так. Но я никак не могу найти убедительное объяснение тому удивительному факту, что «Пополь-Вух», созданный и существовавший за много веков до появления испанских завоевателей, рассказывает о том же самом событии! Хотел бы я знать, а не обладали ли почтенные падре-миссионеры основательными познаниями в тексте эпоса о Гильгамеше! Разумеется, нет, поскольку этот эпос — записанный, кстати сказать, на 12 глиняных табличках, датированных около 2000 г. до н. э., — был обнаружен в ходе раскопок в древней Ниневии, на левом берегу Тигра, проводив-

шихся в середине прошлого века. А как же быть с тем, что легенды индейцев кабана впервые были записаны лишь в начале XX в.?

Предлагаю моим уважаемым оппонентам две альтернативы на выбор:

— Катастрофа и благодарственная жертва всеожжения по ее окончании действительно имели место в некоей точке мира, однако носили локальный характер. Затем люди, пережившие катастрофу, расселились по всей земле, унеся с собой древние хроники и знания, на основании которых в последующем и возникли бесчисленные предания со всеми их вариантами.

— Катастрофа имела глобальные масштабы, ее пережили многие народы, оставившие письменные свидетельства и предания о ней.

На мой взгляд, в данном случае речь идет не о привычной дилемме «или-или», а о том, что следует признать равновероятными оба сценария развития событий, ибо и в том и в другом случае в них непременно участвовали «боги». Между тем все древние тексты единодушно утверждают, что катастрофа или некое аномальное явление имели место в седой древности.

Почему?

Размышления о датировке

Археологи установили, что тольтеки — индейцы, переселившиеся в доколумбовскую Мексику откуда-то с севера, — и ацтеки сосуществовали бок о бок друг с другом в период между 900 и 1500 гг. н. э. Между тем империя майя существовала в иную историческую эпоху, охватывающую период между 1500 и 800 гг. до н. э. Достоверно установлено, что в этот период не было ни-

каких катастроф глобального масштаба. В эпоху, поддающуюся исторически достоверной реконструкции, ни древнеавилонское, ни древнеегипетское царства не оставили никаких свидетельств о катастрофическом наводнении (пресловутом потопе). Зато легенды и мифы наперебой рассказывают об ужасных событиях, разыгравшихся в глубокой древности. После Рождества Христова не было грозных солнечных затмений, небо не пылало огнем, потоп не проносился опустошительными волнами по лицу земли, и, главное, «боги» не спускались с небес на землю. Древние греки и римляне хорошо знали это и увековечили эти знания в своих обширных и весьма достоверных хрониках.

Однако необходимо иметь в виду, что древнейшие исторические памятники и хроники народов Центральной Америки повествуют о событиях, весьма далеко отстоящих от их собственного времени, как если бы они произошли только вчера. Таким образом, получается, что все дошедшие до нас и общепринятые данные по истории майя следует признать неточными, и появление на исторической арене самих майя и их древнейших предков следует отнести к куда более давним временам. Быть может, начало существования их цивилизации совпадает с мистической датой начала их календаря — 11 августа 3114 г. до н. э.?

Разумеется, ученые, связанные цеховой порукой, единомысленно встретят такой вывод в штыки. Все то, что не укладывается в рамки точно датируемых периодов, принято незамедлительно относить к разряду второсортных источников, к этакой туманной древности, тогда как находки крошечных фигурок и орудий труда, восходящих к той же туманной древности, принимаются на ура, хотя они всего лишь позволяют сделать и без того известные выводы, правда, вполне соответствующие господствующим научным воззрениям. Для серьез-

ных выводов необходимы действительно замечательные находки. Между тем от эпохи доклассической древности майя, то есть до 1500 г. до н. э., до нас дошло очень мало памятников: это в первую очередь обсидиановый нож и каменные топоры, что позволяет сделать вывод, что в районе, где были сделаны эти находки, в древности обитали примитивные охотники. Только и всего. И тут, словно из волшебной шляпы мага и чародея, к которой так любят прибегать за отсутствием серьезных доводов, начинают сыпаться аргументы: раз сохранились только эти примитивные орудия, это означает, что не было никаких «богов», ибо в противном случае те наверняка снабдили бы примитивных охотников куда более совершенными техническими средствами. Здесь налицо аргументация, подходящая для какой-нибудь доярки: раз сохранились только эти примитивные орудия, значит, никаких инопланетян не было! Не так давно, совершая приятную прогулку по Женевскому озеру на старомодном, давно отжившем свой век пароходике, я услышал по радио сообщение о запуске американского космического корабля серии «Спейс-Шаттл». Если следовать подобной же логике, то само существование пароходика делает совершенно невыносимыми полеты в космос, не так ли? «Автомобили отнюдь не следует запрещать потому только, что пророк Мухаммед ездил на верблюдах», — как сказал премьер-министр Малайзии Датук Хусейн Онн. Право, эти мудрые слова достойны того, чтобы быть внесенными в сборники пословиц.

Да, результаты сравнительных этнологических исследований повседневной жизни индейских народов мало что могут дать, зато новое прочтение подлинного содержания их преданий способно пролить новый свет на многое.

Всякий, кто возьмет на себя труд непредвзято про-

честь сохранившиеся хроники, восторгаясь — и при том без моей буйной и окрашенной в партийные тона фантазии — неведомыми небесными колесницами и невиданным оружием, сможет сам убедиться в том, что голоса «богов» — это метафора призыва неких существ, а небесные колесницы метафорически описаны как облачные драконы. Ульриху Допатке, сотруднику библиотеки Цюрихского университета, удалось на многих примерах убедительно доказать, что «примитивные» народы, сталкиваясь с новейшими достижениями современной цивилизации, прибегают к подобным же образным средствам. Вот что пишет Ирен Никольсон, прожившая целых семнадцать лет среди индейских племен Мексики:

«Весьма поверхностным следует признать представление о том, будто мифы ацтеков и майя созданы примитивным народом, все желания которого ограничивались хорошим урожаем, дождями в нужную пору и солнцем, необходимым для роста початков маиса».

К сожалению, подобные поверхностные утверждения весьма распространены в специальной литературе. В ней все обязано развитием самому себе, всем явлениям обычно стремятся найти «естественные причины». Она не терпит никаких тайн и загадок. А уж несомненные переключки и пересечения в преданиях разных стран и народов подобная наука попросту оставляет без внимания. Ученые мужи буквально выходят из себя, когда им предлагают ключи к многим тайнам, основанные на глобальных совпадениях преданий и мифов. Боги майя любили обонять приятный дым всесожжений точно так же, как и боги из эпоса о Гильгамеше¹; и лишь наши уважаемые знатоки страдают хроническим на-

¹ А также Яхве-Адонай в Книге Бытия. (Прим. перев.)

сморком: видимо, поэтому у них постоянно заложен нос и они не чувствуют запаха жареного. Вероятно, им просто необходима неотложная помощь психологов, которые отлично понимают, в чем здесь дело: ученые мужи попросту несут чепуху. Увы, то же самое можно сказать и об академической картине мира... Хватит, надоело!

В гостях у Уайт Без (Белого Медведя), индейца из древнего рода потомков майя

Слава богу, что есть еще индейцы, сумевшие сохранить древнейшие традиции своего народа. У них и только у них и надо попытаться выяснить, как понимали смысл этих преданий их древние предки.

Лет этак 15 назад мне довелось побывать в гостях у Белого Медведя, одного из вождей индейцев племени хопи, живущих в резервации в Аризоне — одном из северных штатов США. Мой друг Джозеф Ф. Бламрич, в те дни занимавший пост руководителя отдела перспективного планирования НАСА в Хантсвилле, вызвался сопровождать меня, и эта поездка, продолжавшаяся более недели, дала мощный импульс его исследованиям, над которыми он работал более десяти лет и плодом которых явилась книга «Каскара и семь миров». Право, этот труд должен стать настольной книгой для каждого исследователя мифов.

Белый Медведь — мудрый старик, которому уже за 80; он принадлежит к одному из кланов койотов и является потомственным вождем племени хопи. Как-то раз на прогулке в одной котловине, которую индейцы обычно ревниво охраняют от любопытных глаз чужаков, он показал нам наскальные рисунки и рельефы, свидетельствующие о многотысячелетней истории его народа.

Говорит Белый Медведь короткими, тщательно взвешенными фразами и на вопросы обычно отвечает с заметным раздражением. В его голосе звучит боль давней обиды, вызванной жестокостями, которые белые учинили в отношении его народа... Однако Бламрич, на протяжении многих лет общавшийся с индейцами, пользовался у них поистине безграничным доверием. Краснокожий и бледнолицый вместе уселись перед микрофоном магнитофона, пленка которого записывала обстоятельное повествование Белого Медведя об истории своего народа, непосредственно восходящей к праистории майя. Роль исторических хроник у индейцев его племени выполняло устное предание, заменявшее фиксированные документы.

Наконец, заявил Белый Медведь, пришло время поведать людям, кто такие хопи и почему они поселились на землях, которые занимают сегодня:

«Когда я буду рассказывать тебе историю нашего народа, ты должен помнить, что время для нас не имеет особого значения. Сегодня время кажется чем-то очень важным, однако время все очень усложняет, ибо оно создает множество затруднений. Имей в виду, что в истории моего народа время, собственно, не имело никакой важности, точно так же, как оно было совершенно несущественным и для Творца».

История племени хопи, как и аналогичные космогонические истории майя и ацтеков, знает четыре эпохи мироздания, и время, в которое мы живем, является четвертой эпохой мироздания. Много тысяч лет тому на-

Илл. на стр. справа: Индейцы племени хопи, живущие в наши дни в резервации в штате Аризона, США, во время религиозных праздников надевают маски катчина, которые они делают согласно своим преданиям и мифам.

зад далекие предки индейцев хопи жили на континенте, находившемся где-то в Тихом океане, — континенте, который они называют Касскара. Затем в древности вспыхнула своего рода межконтинентальная война с жителями другой части света. В ту эпоху истории хопи Касскара начала погружаться в воды океана — не так, как это описано в Библии, где воды потопа покрыли землю после дождей, продолжавшихся сорок дней и сорок ночей, а в результате куда более длительного процесса. Наконец, над волнами океана остались высочайшие вершины бывшего Касскара, ставшие островами бесчисленной россыпи островов Южных морей. Хопи не оставалось ничего иного, как искать новые земли. В этом им помогали некие катчина. Белый Медведь объяснил, что катчина означает «высшие и почтенные посвященные», своего рода элита, с которой его народ установил в древности тесные связи. Дело в том, что катчина — это вполне реальные существа с планеты Тоонаотека, находящейся очень далеко от нашей Солнечной системы; когда-нибудь они непременно вновь вернутся на Землю.

Понятие «катчина» включало в себя сразу три категории посвященных: творцы, учителя и создатели законов.

Катчина, относящиеся к первой группе, напоминают персонажей из других преданий. У хопи творцы-катчина неким таинственным образом создавали *различные расы* людей.

Впрочем, мистическая подоплека этих созданий Белому Медведю совершенно ясна: «Хотя это звучит достаточно странно, катчина никогда не имели половых сношений, никакого полового слияния, и тем не менее избранные женщины беременели [от них]». Практически то же самое говорится и в «Пополь-Вухе», главной из исторических хроник индейцев киче. Там сказано,

что первые люди появились на свет «без отца». Поэтому их называли «Сотворенными». Они были сотворены неким волшебным образом, в результате чуда. Кроме того, в «Пополь-Вухе» говорится о том, что эти Сотворенные были людьми «великой мудрости и разума». Белый Медведь, никогда не читавший «Пополь-Вух» и вряд ли слышавший о его существовании, благодаря древним преданиям хопи знал, что «это были удивительные, могущественные люди, которые всегда были готовы помочь, но никогда не сеяли смерть и разрушение».

Одна из легенд ацтеков в качестве своего рода тайного предания повествует о том, что жрец-правитель Кецалькоатль был плодом искусственного зачатия: когда богиня Коатлике, «носившая змеиную кожу», подметала Землю, ей попался маленький комочек пуха, который она спрятала в складках кожи. Когда же она потом принялась искать его, оказалось, что он исчез, и лишь позже богиня обнаружила, что она беременна». Сын, которого родила «носившая змеиную кожу», и был Кецалькоатль, «пернатый змей». Согласно другой легенде, богиня забеременела от птичьего перышка, согласно третьей — от драгоценного камня. Мужчина же не фигурирует ни в одной из этих легенд. Просто поразительный пример тотальной эмансипации.

Эмиграция по воздуху

Белый Медведь упомянул о том, что во время исхода с исторической родины его народу помогли таинственные катчина. Для этого они использовали три транспортных средства. Одно из них — «летающие щиты», небесные колесницы богов, на которых правящая верхушка предков хопи покинула опасные края, чтобы подготовить новые земли — Центральную Америку — к

массовому переселению своих сородичей. В качестве массового транспорта служили так называемые «большие птицы», а также вполне обычные плоты, лодки и каноэ самых разных видов и типов.

Белый Медведь, излагая свои предания, видимо, и сам не знал, как выглядели эти самые «летающие щиты», однако он уверенно сравнивал их форму с половинками огромных тыкв. Впрочем, наглядное представление о том, как выглядели эти небесные транспортные средства, дают наскальные рисунки в Ораиби, древнейшем поселении хопи в Аризоне. Так, на одном из таких рисунком изображена женщина, сидящая, скорчившись, на большом щите, под которым на скале высечена стилизованная стрела. Стрела, прокомментировал этот рисунок Белый Медведь, означает «полет» и вообще «скорость». Даже при достаточно беглом знакомстве с древними рельефами и рисунками Египта сразу же вспоминаются подобные изображения «летающего щита», которые, правда, на берегах Нила именовались «небесными ладьями». Всякий, кому довелось побывать в этих местах хотя бы в качестве туриста, наверняка помнит так называемые астрономические своды в погребальной камере фараона Сенмута в Дейр-эль-Бахри, погребальный храм Рамсеса II на западном берегу Нила в Фивах (современный Луксор) или насыщенный астрономической символикой фриз храма Эдфу, где изображены весьма похожие «небесные ладьи», невольно вы-

зывающие удивление. Хопи называли такие изображения «летающими щитами».

Более того, мифы о давних временах донесли до нас и другие совпадения, изложив их в доступной для понимания форме. Так, например, Белый Медведь (Центральная Америка) упоминает о форме половинки тыквы, а, например, предания, записанные на островах Содружества в южной части Тихого океана, говорят, что эти объекты походили на «огромные раковины», на которых боги прибыли «из черного мрака Вселенной». В легендах, бытующих на Кирибати, одной из групп островов в Микронезии, бог-творец Нареау летает в скорлупке от кокосового ореха, а Макемаке, «бог обитателей воздуха», является на острове Пасхи, самом восточном из островов Полинезии, в огромном пустом яйце... Рассказ Белого Медведя в этом отношении звучит как один из множества голосов в общем хоре, настроенном по некоему единому камертону, согласно которому некий летающий объект имел форму половинки тыквы, яйца и пр.

Другая группа выходцев с гибнущей Каскары, согласно рассказу Белого Медведя, покинула родные края «на спине огромной птицы». У этой аллегии тоже есть своего рода *pendants*¹, наиболее пластичным и выразительным из которых по праву являются легенды индийской мифологии. Согласно этим мифам, персонаж по имени Гаруда летал по небу. Гаруда означает «крыло». Итак, Гаруда считался царем птиц и служил богу Вишну — что означает «всепроникающий» — в качестве эдакого верхового животного или транспортного средства. Этой поразительной птице, имевший крылья орла и голову человека, приписывались совершенно невероятные способности. В частности, она обладала раз-

¹ *Pendants* (франц.) — пара, двойники, аналоги. (Прим. перев.)

витым интеллектом, могла самостоятельно направлять поток событий, начинать войны и одерживать победы в сражениях. Туловище у нее было красного цвета, лицо — белое, а крылья золотом сверкали с неба. Когда царь птиц взмахивал крыльями, он обнимал ими всю Землю.

Третья группа, основная масса изгнанников с гибнущей Каскары, переправилась в Южную Америку на огромных кораблях и небольших лодках. Боги принимали самое активное участие в этой массовой эвакуации: катчина, мужи, наделенные огромной мудростью и всегда готовые прийти на помощь, вели в океане караваны судов от острова к острову, не давая путникам сбиться с курса. Поскольку в те времена, скорее всего, еще не существовало никаких радаров, остается предположить, что маршрут они определяли с неких наблюдательных пунктов, находившихся на огромной высоте. И хотя в преданиях Белого Медведя нет ни слова об этом, здравый смысл подсказывает, что они наверняка существовали.

Поселение индейцев хопи

После прибытия на новые земли для переселенцев началась совершенно новая история. Индейцы прилежно плодились и размножались, у них возникла присущая людям родоплеменная рознь, сложились разные кланы. Некоторые группы двинулись по освоенному за тысячелетия маршруту с юга на север. Среди них оказались кланы с тотемами медведей и койотов, к которым принадлежал и Белый Медведь. Неужели хопи смогли сохранить в памяти предания о далеком прошлом своих предков, отстоящем от них на многие тысячелетия?

Белый Медведь считает, что возможность этого весьма ограничена:

«Далеко не все люди, явившиеся в четвертом мире и жившие в Таотоома, были хопи. Лучше сказать, что наши предки тоже были в числе этих людей. Среди множества народов, прибывших в Южную Америку, хопи назывались лишь те, которые поселились в Ораиби. Точнее, само название хопи появилось после того, как они обосновались там».

Внутри разросшегося народа хопи сформировались новые колена, отделившиеся от основного народа. Они поселились на горных плато и в девственных лесах. Так от единых предков произошли и майя, и инки, и ацтеки. Об этом свидетельствуют не только предания, но и древнеиндейские наскальные рисунки и надписи.

Белый Медведь упомянул о некоем городе Палаткапи («Красная Земля»), построенном его предками в Центральной Америке, который почитался средоточием всевозможных знаний. Люди племени хопи «не могли забыть Палаткапи» и хранили память о нем так же ясно, как и то, к какому клану они сами принадлежали, ибо этот таинственный город оставил в их сознании поистине неизгладимый след. Там, в Палаткапи, было огромное четырехэтажное здание, которое использовалось только для учебных и научных занятий. Оно имело ступенчатую форму, и каждая последующая ступень соответствовала более высокому уровню знаний. Чем выше понимался в небо этот храм науки, тем меньшее число индейцев было достойно занимать его верхние ступени.

На первом, самом нижнем его этаже юные индейцы изучали историю своего народа, на втором преподавались естественные науки, включая строение вещества (химию?). Все это развивало духовные силы и оттачивало ум, помогая прийти к пониманию универсальной

жизни во всех явлениях бытия. Вот что говорит об этом Белый Медведь:

«Поэтому хопи во время своих церемоний воспевают хвалебные гимны в честь природы, окружающей нас, а также в честь всемогущих стихий. Это совершается в честь великого могущества божественных существ».

На самом верху, на четвертом этаже, попасть куда очень непросто и где число индейцев-студентов резко сокращалось, изучали астрономию, и это поистине достойно удивления, поскольку эта дисциплина совершенно чужда нашим школам. Предоставим слово Белому Медведю:

«Они изучали все элементы нашей планетной системы. Они знали, что Земля круглая, что на Марсе поверхность покрыта песками, что ни на Венере, ни на Марсе и ни на Юпитере нет никакой жизни».

Ну, как вам нравится эта древнеиндейская школьная система, не терпевшая никакой уравниловки в вопросах образования?!

Кто были доценты этого поразительного университета и кому они были обязаны своими знаниями?

Белый Медведь, как всегда, высказался весьма лапидарно: «Преподавание вели катчина».

В науке не так давно появилась новая дисциплина — так называемая археоастрономия, изучающая астрономические знания древних народов. Поистине, сфера весьма перспективная, представителей которой — если только они не будут носить на глазах шоры предубеждений — ждут громадные открытия.

Профессор Энтони Ф. Эйвени, представляющий Колгейтский университет в Гамильтоне, штат Нью-Йорк, очень сердится на меня в предисловии к своей промелькнувшей, как метеор, книге «Астрономы древней Мексики». Если, по мнению Эйвени, действительно су-

ществовали люди, главной задачей которых было внедрение в круг человеческого опыта знаний, полученных от представителей инопланетного разума, то у них должна была иметься на то своя особая цель, и свидетельством их усилий неизбежно должно было стать то, что народы Центральной Америки — а также народы, вовлеченные в систему макрокультуры майя в Мексике, — вполне логично должны были достичь весьма высокого уровня эволюционного развития. «Граница между высокомерием и презрением довольно расплывчата», — заметил в свое время блестящий мастер утонченной иронии Альфред Полгар (1875—1955).

Археoaстрономию — как и всякую молодую научную дисциплину, стремящуюся открывать неизведанное, — давно ожидала бы бесславная кончина, если бы она с презрением отвергала все то, о чем повествуют предания народов Центральной Америки, опровергнуть которые поставил себе целью тот же Эйвени. Эйвени готов съесть меня, что называется, с потрохами, если бы я не был ему просто-напросто не по зубам, ибо я располагаю неоспоримыми доказательствами присутствия на Земле в разные исторические эпохи «богов» из Вселенной, причем доказательства, что называется, непосредственные, а не почерпнутые из мифов. Эйвени же ставит под сомнение саму подлинность и достоверность древнейшей истории индейцев, то есть источников, без которых эта новая наука попросту не может существовать.

Повторяю: я тоже не был лично знаком с библейскими пророками Енохом и Илией, не встречался, что называется, лицом к лицу с Гильгамешем. Я никогда не занимался такими вещами, как анализ концепции Ветхого Завета или вариантов «Пополь-вуха», и, признаться, не испытываю особого восторга от многих преданий, которые достопочтенный Белый Медведь поведал представителям клана койотов. Однако, как бы там ни было,

серьезный ученый Эйвени почему-то утрачивает всякую серьезность, необходимую для решения подлинно научных вопросов, как только принимается беспощадным ластиком стирать в устных хрониках индейских народов всякие упоминания о богах седой древности. А ведь они за истекшие тысячелетия пустили там глубокие корни. Современные исследования в этой области — подчас не более чем проявление скромности некоего жреца науки, стремящегося во что бы то ни стало найти некий древний народ и испытывающего благоговейный ужас перед богами — гостями из Вселенной, которым он обязан всеми своими знаниями.

«Поистине странно, что встречаются люди, испытывающие настоящий восторг, — писал Эрвин Чаргафф, — при вести о том, что они произошли от обезьян. А ведь прежде они верили, что сотворены богом».

Мистер Энтони Эйвени прекрасно знает, что его высокочтимые коллеги, придерживающиеся теории эволюции — пресловутого учения Дарвина о происхождении видов, — страдают в тщетных поисках знаменитого недостающего звена (интернациональный термин — *missing link*) в эволюции. С помощью учения об эволюции можно объяснить все или *почти* все, но только не появление разума у человекообразных. Справедливости ради хочу заметить, что я уже давно не одинок со своей гипотезой о том, что решающую роль в этом сыграло вторжение инопланетных сил и факторов.

Насколько достоверны свидетельства Белого Медведя?

Белый Медведь утверждает, что индейцы, жившие в Палаткапи, много веков наслаждались миром и покоем до тех пор, пока не произошел взрывной рост числен-

ности населения, что повлекло за собой основание новых и новых поселений. При этом связи с центральной властью в Палаткапи оказались нарушенными. Новые общины требовали широкой независимости. И тогда катчина покинули Палаткапи, а их чистое учение оказалось в значительной мере искаженным и подорванным, ибо индейцы перестали видеть в них истинных культуртрегеров — носителей культуры, принявшись вместо этого поклоняться им как божкам. У каждого племени и клана появились свои собственные боги и даже целые пантеоны, что повлекло за собой череду ужасных братоубийственных войн. Тем не менее новые кланы и ветви племени по-прежнему почитали храм и пирамиды древних богов, но когда религиозные центры оказались покинутыми, священные церемонии и ритуалы со временем утратили свой истинный смысл и традиционные формы.

Так пришла в упадок столица клана лука Тикаль — один из главных городов майя, где недавно проведенные раскопки позволили обнаружить следы селений, возникших задолго до классической эпохи майя. Так опустели улицы и храмы Палаткапи, который в наши дни известен по названию Паленка.

Индейцы, всегда стремившиеся к тому, чтобы вся их жизнь находилась в гармонии с природой и космическими законами мироздания, основывали новые поселения, руководствуясь обновленным духом. На Юкатане, тотемным символом которого служил Пернатый Змей, доминирующую роль играли могущественные кланы змея. Клан с тотемом медведя и койота был оттеснен дальше, на север, и его потомки, которые не вымерли от болезней или не погибли от рук бледнолицых, живут там и сегодня. В Хоутвиле, небольшой индейской деревне в Аризоне, каждый год в феврале проводится «церемония в честь Пернатого Змея».

Немалой заслугой Джозефа Ф. Бламрича является то, что он взял на себя труд ответить на вопрос о достоверности свидетельств, изложенных в преданиях Белого Медведя. Для расшифровки этих свидетельств ему потребовались годы упорного труда и серьезных научных исследований. И в конце концов он выявил массу совпадений между исторической реальностью и аутентичностью преданий хопи.

Когда индейцам хопи, по-прежнему живущим в Аризоне, показали фото древнего города майя — Тикаля, у них невольно вырвались возгласы восторга: на красочных фресках они узнавали символы своего клана, знаки, подтверждающие глубокую древность их собственной истории. Вот что сказал по этому поводу Белый Медведь:

«Во всем заключен особый смысл, и все напоминает об истории. Мы — люди, живущие духовными ценностями, и прежде чем пытаться дать объяснение древним развалинам, археологи и историки должны ясно сознавать это, если они действительно хотят понять нас».

Археологи уже пытаются найти материальные объяснения того, почему майя внезапно покинули свои древние города и принялись основывать новые на новом месте. А Белый Медведь, опираясь на глубокие знания традиций и духовной жизни своего народа, дает такое объяснение этому феномену: дело в том, что жизнь на прежних местах была осквернена религиозными распрями и стала почти невозможной. Видя это, мудрые катчина, которые руководили всеми сторонами жизни майя, покинули Палаткапи.

С учетом этих новых свидетельств специалисты получили возможность отнести возраст дошедших до нас руин древнейших построек майя к еще более отдаленной эпохе. Так называемый доклассический период,

эпоха, предшествовавшая появлению майя, уже не укладывается в прежние временные рамки. Известный американский исследователь майя Норман Хаммонд обнаружил на полуострове Юкатан керамику, датируемую примерно 2600 г. до н. э. — то есть примерно на 1500 лет старше общепринятой датировки. Нельзя сказать, чтобы профессору Чаргаффу были неизвестны эти академические временные рамки. «Впрочем, — заявляет он, — объяснение природных явлений — вещь совершенно особая. Дело в том, что они по большей части не поддаются датировке по радиоуглеродному методу». Вот так. Но кто возьмет на себя смелость утверждать, что «новейшие» данные являются исчерпывающими и окончательными?

Как говорил Белый Медведь, учителями жрецов хопи были мудрые катчина, явившиеся из глубин космоса. В книгах «Чилам-Балам», которые можно найти во многих индейских резервациях, есть свидетельства, подтверждающие рассказ Белого Медведя:

«Это весть о нисхождении бога, тринадцати богов и тысячи богов, которую поведали нам жрецы Чилам-Балам, Ксупан и Науат...»

Тем, кто хотел бы найти в литературе западного мира подобные свидетельства, можно посоветовать обратиться к книге Еноха, где он найдет не только описание «стражей неба», но и состав «экипажа», члены которого выступили в роли учителей и законодателей:

«Семиаса учил... рассекать корни, Армарос — составлять заклятия и молитвы, Варахиил — наблюдать за звездами, Кокабиил — познанию астрологии, Иезекииль — умению гадать по облакам, Аракиил — читать письма земли, Самсавиил — разбирать знамения Солнца, Сериил — читать знамения Луны...»

При этом не следует забывать тот весьма примечательный факт, что круг предметов, которые преподава-

ли «стражи неба», был весьма широк — от рассекания корней до умения читать небесные знамения, чему в те времена придавали огромное значение. Да, ничего не скажешь, стройное здание науки, достойное многоэтажного университета таинственных катчина.

Страх перед возвращением богов

Кажется, с тех самых пор, как люди научились мыслить, в их сознании не произошло практически никаких изменений. Им по-прежнему нужны наглядные пособия, образцы, учителя. У совсем юных — или, если угодно, очень древних — народов роль таких учителей выполняли «боги», «падшие ангелы», «стражи неба» (вспомним книгу Еноха) или катчина, неведомые мудрецы из космоса. Когда же они покинули земной план, их место поспешно заняли мелкие честолюбцы, «хранители их наследия», эпигоны, которые объявили себя наследниками и продолжателями их учения и пользовались огромным почетом. А затем в преданиях появилось бесчисленное множество мелких «божков», являвших собой слабый отблеск могущества ушедших богов.

Воспоминания о них, сохранившиеся в сознании древних народов, упорно не исчезали. Постоянно возникал один и тот же вопрос: а не покарают ли нас боги, когда они, как и обещали нам, в один прекрасный день вернуться из космоса? В этой связи нелишне напомнить о том, что подобный вопрос и сегодня весьма актуален для многих религий. Правда, кара богов или день Страшного суда переносится уже в потусторонний мир. С точки зрения перспективы возвращения богов это представляется даже вполне логичным: если боги не захотели воздать людям по заслугам при жизни, поскольку земная жизнь очень коротка и боги могли просто не ус-

петь покарать их при жизни, то заслуженная кара должна ожидать их в загробном царстве. А там все кажется совершенно ирреальным и неподвластным контролю...

Между тем помимо наказания в потустороннем мире народы Центральной Америки, да и не только они, испытывали страх в ожидании возвращения своих грозных богов. Они с трепетом вглядывались в звездное небо, скрупулезно подмечая любые изменения, происходящие там. И этот страх — можно с уверенностью утверждать — стал мощным стимулом для бурного развития астрономических знаний.

Наблюдения за звездами и планетами можно разделить на две основные категории: отслеживание изменений звездного неба и орбит перемещения небесных объектов, предвещающие появление богов, — и солнечные затмения и небесные пожарища, говорящие о приближении конца света.

Большой вклад в изучение подобных свидетельств внесли неумолимые труды Бернардино де Сахагуна (1500—1590), испанского миссионера и исследователя культуры туземных народов. Де Сахагун был членом ордена францисканцев и активно трудился в Мексике и прилегающих к ней странах. Сахагун сумел изучить язык нахуа обширной группы индейских племен, которые во второй половине I в. н. э. выступили на исторической арене под именем тольтеков, потеснивших более древние культурные народы. Язык их, так называемый нахуатль, и сегодня остается живым разговорным языком для большей части туземного населения Мексики.

Действуя и в качестве миссионера, и в качестве проповедника в францисканском коллегиуме в Санта-Крус, Сахагун активно побуждал индейцев рассказывать ему все, что им известно о древней истории их народа. Так возник его известный труд «*Historia general de las cosas*

de Nueva Espata» («Всеобщая история Новой Испании»), представляющий собой обстоятельный протокол древних и недавних фактов. В этом труде видное место занимала астрономия. Индейцы весьма красочно описывали свой страх перед таинственными небесными явлениями:

«Когда эта ночь наступила, люди очень испугались; все ожидали того, чему суждено случиться. Когда огненный вихрь ниспадет с неба, все живое на земле погибнет, настанет конец всему, и воцарится вечная ночь. Солнце уже не будет более восходить на небо, и наступит непроглядная тьма. Появится чудовище цицицими и примется пожирать людей... и на земле, как говорят, не останется никого, ибо люди поднимутся на плоские крыши... И эта вера в чудеса была столь сильной, что побуждала людей не спускать глаз с неба, наблюдая за звездами, имена которых звучали как «Множество» и «Огненный вихрь».

В той же «Historia» рассказывается о «дымящихся звездах», предвещавших беды и несчастья; упоминаются в ней и метеоры, проносящиеся по небосводу, влача за собой огненный шлейф. Кроме «дымящихся звезд», индейцы упоминали и о загадочных «стреляющих светилах»:

«Рассказывают, что они всегда стреляли без промаха и каждая их стрела попадала точно в цель... Люди всячески старались укрыться от них, прятались под навесами, набрасывали толстое покрывало, которое обязательно подпоясывали. Такой ужас внушали им стрелы стреляющих звезд».

То, что в древности было чистой астрономией, впоследствии превратилось в самую настоящую астрологию; разным небесным телам начали приписывать благоприятные или враждебные влияния. Собственно, если говорить об астрологических толкованиях, то здесь, ви-

димо, был учтен опыт многовековых наблюдений. Ведь сами по себе звезды, мерцающие в небесах, не могут быть ни «благоприятными», ни «враждебными». Всему, что творилось высоко в небесах, не было никакого дела до судьбы, ожидавшей бедных индейцев! Поэтому я склонен полагать, что прапамять, эта древнейшая устная хроника, запечатленная в преданиях, сохранила некие конкретные ассоциации, связанные с теми или иными небесными светилами. Видимо, у древних майя — как, впрочем, и у древних греков и римлян — имелись некие весомые основания для того, чтобы считать Марс грозной, воинственной планетой.

Само собой разумеется, в «Historia» приведена и увертюра к появлению на небе первого солнца. В ней рассказывается, что боги разожгли огромный костер, в котором двое из них решили сгореть, чтобы принести себя самих в жертву восходу солнца ради того, чтобы этот восход солнца действительно наступил. Между тем другие боги внимательно вглядывались в небо, чтобы не пропустить восход солнца:

«Как говорят, среди тех, кто следил за восходом солнца, был и Кецалькоатль, второе имя которого — Экатль, а также Тотек, или Властелин Колец, а также красный Тецкатлипока, а также те, кого называют облачными змеями!»

Да, ничего не скажешь, веселенькая компания с мрачными именами!

Здесь перед нами вновь предстает бог Кецалькоатль, уже знакомый нам «пернатый змей», Кукумац кичемайя, который у индейцев Юкатана известен под именем Кукулькан, — персонаж, играющий в преданиях множество самых разных ролей. Дело в том, что у ацтеков имя Кецалькоатль носили все правители, а в более ранние времена — и верховные жрецы. И, как показывают предания о Кецалькоатле/Кукулькане, возраст ко-

торых составляет как минимум полтысячелетия, речь здесь, по всей видимости, идет не об одном персонаже, а сразу о нескольких.

Древний летчик-дракон

Первоначальный, так сказать, настоящий Кукулькан был «небесным змеем», «небесным чудищем», который «время от времени появлялся на Земле». Этот Кукулькан-прототип с самого начала был тесно связан с Иццанной, верховным богом неба майя, создателем письменности и календаря. Это был владыка небес, «живущий на облаках». Его обычно изображали древним стариком, тело которого было покрыто символами планет и астрономическими знаками; иногда он предстал в виде двухголового дракона.

Драконы представляют собой излюбленный и неременный мотив, присутствующий в множестве мифов древних народов. В частности, драконы упоминаются в мифах древних египтян, вавилонян и германцев, а также тибетцев, индусов и китайцев. У последних изображение дракона начиная с эпохи Сун (420—479 гг. н. э.) стало считаться символом императорской власти.

Однако сам дракон был известен в Китае гораздо раньше, как минимум — начиная с эпохи Шань (около 1400 г. до н. э.). Память об этих божественных драконах сохранилась в коммунистическом Китае, и в наши дни: во время шумных народных праздников китайцы очень любят запускать пестрых воздушных змеев-драконов, взмывающих в небо на длинных веревках. В пасти таких драконов, сделанной из невоспламеняющегося материала, обычно крепятся плошки и сосуды со смолой или воском, в которых горят небольшие фитильки. Поймав восходящие потоки, эти драконы плавно под-

нимаются почти под облака. Часто их и без того огромные и красочные туловища украшают развевающимися лентами, петардами и хлопушками, и тогда в небе, покачиваясь, плывет настоящее огнедышащее чудище. То, что сегодня является веселой забавой, в старину во время сражения служило одним из средств психологического устрашения противника. Огнедышащих драконов, изрыгающих пламя и грохот петард, направляли прямо на вражеское войско, стремясь посеять в его рядах смятение и панику.

О возможных толкованиях мотива дракона в мифах разных народов существует немало самых разных гипотез. Быть может, в прапамяти всех народов сохранились воспоминания о древних ящерах, этих огромных ископаемых чудовищах? Практически исключено! Ведь последние ящеры вымерли около 64 миллионов лет тому назад, когда на земле еще не было человека! Но почему же во всех мифах эти грозные существа непременно летают, да еще изрыгают пламя? Профессор Зенгер Бредт высказала предположение, что мотив дракона, не исключено, возник «в результате творческого претворения образа Млечного Пути, пересекающего звездное небо. Не мог ли этот «небесный змей, растянувшийся через весь небосвод, послужить своего рода прототипом креационистских мифов о древних драконах»?

Ответ на этот вопрос однозначен: наверняка нет! Наблюдая звездное небо, астрономы тех древнейших народов, у которых дракон пользовался особым почитанием, разумеется, видели Млечный Путь, но для него у них существовали совсем иные имена и символы.

Нет, первоначальный Кукулькан был не знакомым нам пернатым змеем, плодом фантазии, сотворенным из перьев птицы кецаль и чешуйчатой змеиной кожи. Нет, в преданиях говорится о «летающем змее», появляющемся прямо с небес, который принес людям мно-

жество знаний, научил их разным ремеслам, а затем вернулся туда, откуда прилетел на Землю. До нас дошли удивительные каменные свидетельства этого.

Чичен-Ица, каменное послание майя

Чичен-Ица был одним из крупнейших центров цивилизации майя на полуострове Юкатан; его развалины и сегодня производят величественное впечатление.

В центре этого обширного культового комплекса возвышается 30-метровая ступенчатая пирамида, посвященная богу Кукулькану. Основание этой пирамиды в плане образует квадрат со стороной 55,50 м — поистине идеальный каменный календарь, украшенный символическими изображениями летящего змея. Точнее сказать, пирамида состоит из девяти лежащих друг на друге платформ-ступеней, соединенных между собой широкими каменными лестницами. Каждая из этих лестниц насчитывает 91 ступень. На верхней платформе имеет-

Чичен-Ица.

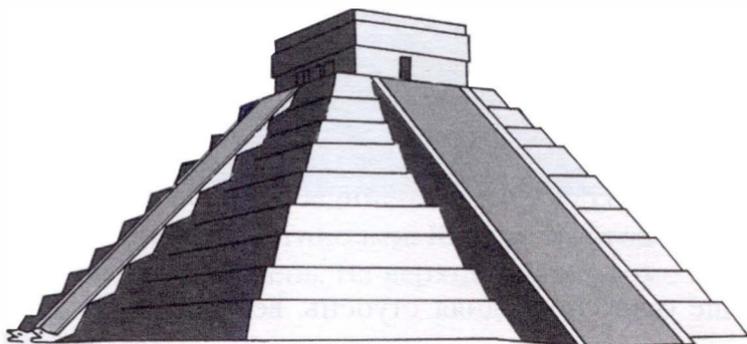
Пирамида Кукулькана.

ся еще одна, последняя ступень, ведущая непосредственно в святилище, у входа в которое высятся две колонны с резными изображениями пернатого змея.

Каждая из этих ступеней соответствует одному из дней года по солнечному календарю; таким образом, $91 \times 4 + 1$ — абсолютно точное число дней в году. Фронтоны каждой из сторон нижнего яруса пирамиды состоят из 52 искусно украшенных каменных плит, а число 52, как мы помним, лежало в основе календарного цикла майя. Пирамида настолько точно ориентирована по сторонам света, что 21 марта, в день начала весны (то есть весеннего равноденствия), и 21 сентября, в день осеннего равноденствия, ее вершина отбрасывает удивительные тени. У зрителя возникает впечатление, будто пернатый змей спускается с вершины пирамиды,

а затем вновь поднимается на нее. Вот как происходит это рукотворное чудо.

Четыре лестницы, ориентированные строго по сторонам света, направлены на север, юг, запад и восток. 21 марта, примерно за полчаса до захода солнца, солнечные лучи падают прямо на западную грань пирамиды. От нее тонкие лучи, словно змейки, постепенно тянутся к северной стороне пирамиды. И чем ниже садится солнце, тем таинственнее и эффектнее выглядит это фантастическое зрелище, из года в год на протяжении тысячелетий собирающее вокруг толпы зрителей.

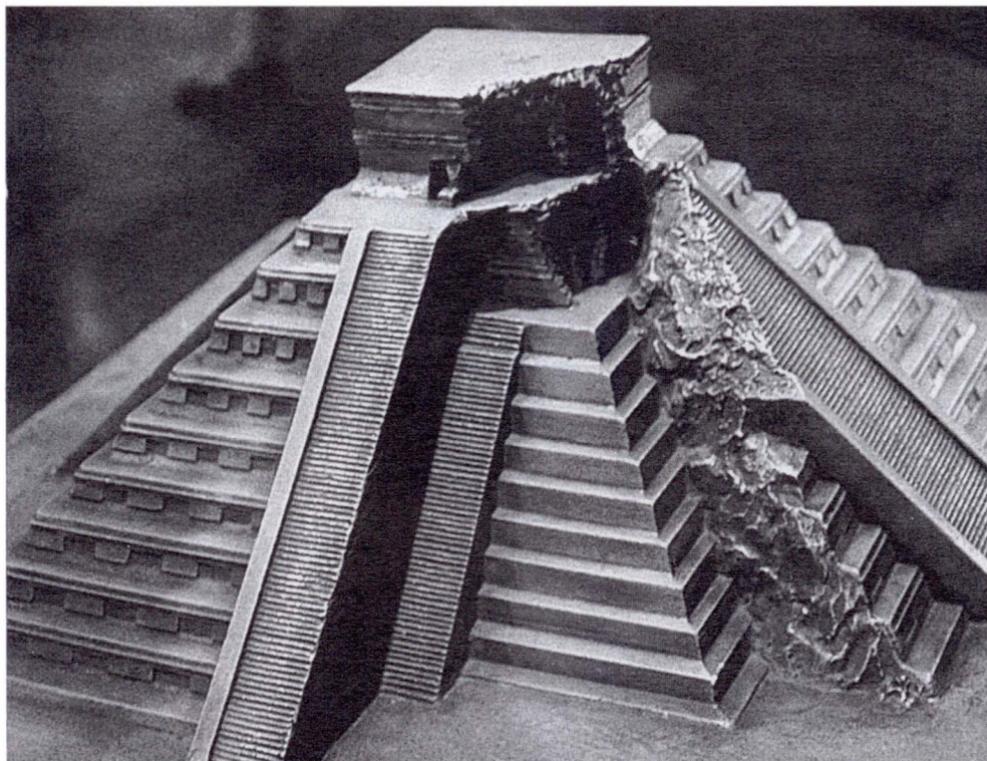

Когда солнце начинает клониться за горизонт, на ступенях лестницы, соединяющей девять платформ, сперва появляется тень в виде равностороннего треугольника. Она символизирует девять частей тела Кукulkan. Затем этот треугольник, волнообразно, словно ползущая змея, медленно — по мере того, как солнце опускается все ниже и ниже, спускается вниз по лестнице, чтобы на последней, самой нижней ее ступени слиться с огромной каменной головой бога-змея.

А на закате 21 сентября, в день осеннего равноденствия, такое же удивительное зрелище происходит на противоположной грани пирамиды, но на этот раз — в

обратной последовательности. Сперва солнечные лучи ярко высвечивают голову пернатого змея, которая выглядит совсем как живая; затем от нее, все удлиняясь и разрастаясь, протягивается длинная тень, напоминающая очертания извивающейся змеи. Она поднимается на самую верхнюю платформу и на мгновение как бы замирает. А после короткой паузы в храме Кукулькана на вершине пирамиды возникает другая игра теней: в ослепительном сиянии лучей заходящего солнца пернатый змей улетает во Вселенную. Это зрелище — наглядный пример того, как высшая математика поставлена на службу богов. Кукулькан прибыл на Землю из глубин космоса, провел какое-то время среди людей, а затем вновь вернулся на свою звездную родину.

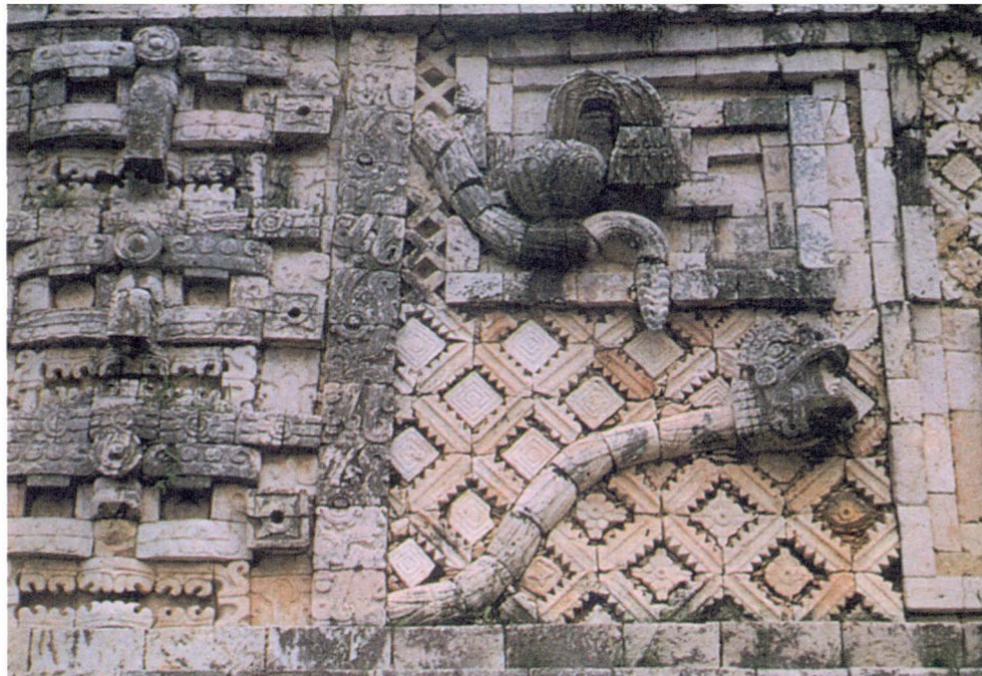
Этот макет-реконструкция показывает, как поверх старой, более древней пирамиды была возведена новая, более «современная». Макет представлен в Антропологическом музее в Мехико-сити.

Пирамида Кукулькана, прекрасный образец творческого гения строителей, со всей очевидностью показывает, что в ее сооружении принимали участие астрономы, математики, архитекторы и жрецы, упоминаемые в народных преданиях. Она свидетельствует о том, что ее строители с самого начала обладали невероятно высокими теоретическими познаниями, а также совершенными технологиями и ноу-хау, а не развили их уже впоследствии, в процессе строительства. Под покровом руин этой ступенчатой пирамиды скрывается другая, меньшая по размерам, пирамида, восходящая к более ранней эпохе и тоже ориентированная строго по сторонам света.

Возможно ли вообще разгадать тайну строительства этого памятника без признания того, что в нем принимали участие инопланетяне, обладавшие всеми необходимыми техническими средствами?

Нет, при строительстве подобных сооружений нельзя было допустить никаких случайностей, которые можно было бы впоследствии устранить. Сам план основания пирамиды заранее предусматривал создание девяти платформ, соединенных друг с другом четырьмя лестницами по 91 ступени в каждой. Если бы здесь имела место хоть малейшая неточность в определении угла наклона, подобное было бы просто невозможно. Но каким же образом жрецы-астрономы могли контролировать ход строительных работ, вникая буквально во все детали и аспекты будущего сооружения? Одних только наблюдений за природными явлениями для этого недостаточно: дело в том, что равноденствия случаются всего лишь два раза в год, а ведь только в эти дни на пирамиде, собственно, и возникает эта удивительная игра теней — Кукулькан, спускающийся и поднимающийся по лестнице. Тогда не могло быть никакой гарантии, что в оба дня равноденствия солнце направит свой луч

Змей, явившийся из космоса, ползет по стене...

...а его туловище увенчано головой в гермошлеме?

именно так, как надо, что со временем эта великая светоносная жертва не перестанет совершаться. Нет, подробнейшие планы будущего здания, исключаяющие возможность каких бы то ни было отклонений, необходимо было иметь еще *перед* началом строительных работ. Быть может, пирамиду возводили с помощью масштабного увеличения пропорций небольшой модели? В таком случае нам остается только снять шляпу перед этим народом, жившим в каменном веке и сумевшим достичь столь высокого уровня технического прогресса. Даже развалины этих построек производят величественное впечатление.

Время, как говорил наш знакомый Белый Медведь, желая подчеркнуть, что памятники майя устремлены в Вечность, было для этого народа столь же несущественно, как и для самого Творца. Строители монументов Чичен-Ица воплотили эти идеи в камне; они понимали, что над памятниками их культуры прокатятся неумолимые волны времени. И чтобы их послания не затерялись в океане вечности, они доверили свои знания о богах храмам, пирамидам и стелам... как их научили этому их божественные наставники.

Все исламские мечети во всех странах мира обращены в сторону знаменитой Мекки, находящейся в Саудовской Аравии. И если когда-нибудь в отдаленном будущем кому-нибудь придет в голову мысль провести от них прямые линии к ней, у него получится этакая гигантская роза ветров, а точкой пересечения линий станет знаменитая Кааба в Мекке. И даже если когда-нибудь Кааба и сама Мекка исчезнут с лица земли, на то место, где они находились, всегда будут указывать линии, словно говорящие потомкам: здесь некогда пребывала великая святыня. То же самое сделали и майя, возведя свою знаменитую пирамиду в Чичен-Ица.

Картинки-загадки

Итак, мы с вами познакомились с тремя из четырех памятников, сумевших пережить разрушительные волны времени. Это — знаменитый «Пополь-Вух», не менее знаменитые книги «Чилам-Балам» и, наконец, хроники испанского миссионера Бернардино де Сахагуна. Остается четвертая группа памятников: древнемексиканские письма-картинки (пиктограммы).

При ацтеках в Мексике были организованы настоящие школы, в которых новички — подобно монахам-послушникам в монастырях далекой Европы — занимались перепиской писем и пиктограмм более ранних эпох, перенося их на тонко выделанную кожу или местную «бумагу», сделанную из волокон кактуса агава. Видимо, в древности существовали многие тысячи подобных списков сакральных писем. Хан Бидерманн, авторитетный знаток истории Центральной Америки, в своем труде «Священные книги Древней Мексики» цитирует сочинение испанского иезуита Франсиско Ксавьера Клевигеро:

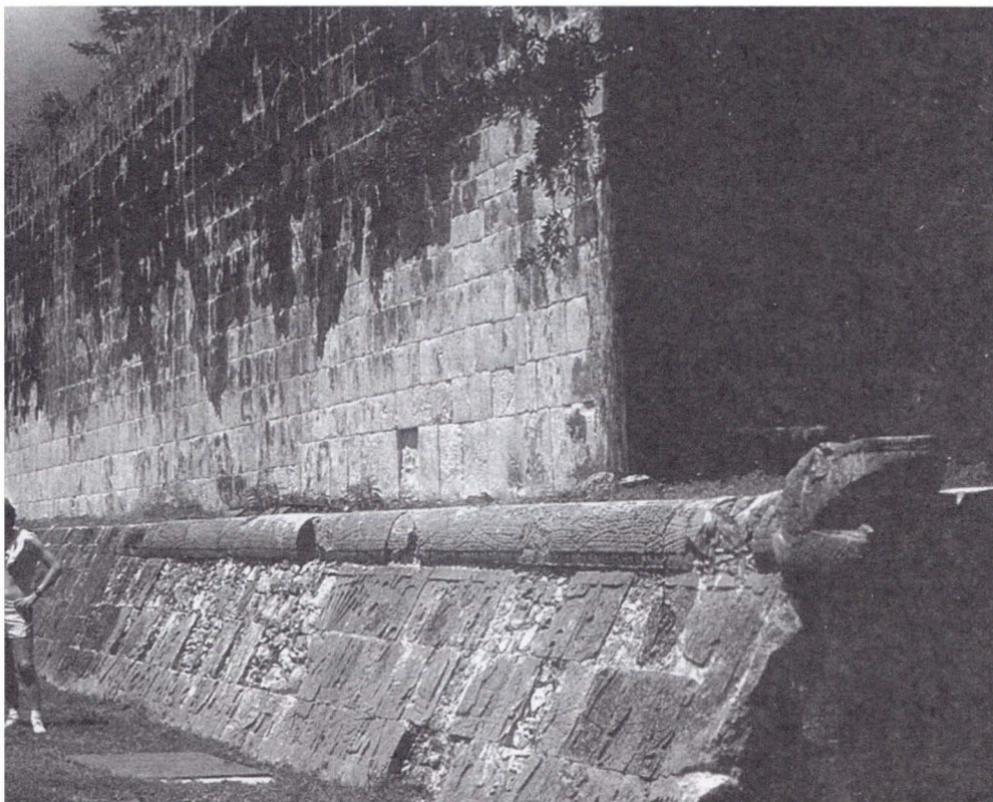
«Старинные письма, найденные в Тецкуко, были сложены на рыночной площади в таком огромном множестве, что со стороны напоминали небольшой холм. Когда же их подожгли, они вспыхнули ярким пламенем, превратив в золу и пепел саму память о многих странных и достойных удивления событиях».

После этого варварского аутодафе в мире уцелело не более 20 рукописей с письмами-картинками, некоторые из которых были созданы еще в доиспанскую эпоху. Рукописи эти носят красивые названия: Кодекс Виндобенсис (сегодня находится в Вене), Кодекс Ватиканус (в Риме), Кодекс Колумбинус (в Мехико), Кодекс Эгертон (в Лондоне), Кодекс Тоналаматль (в Пари-

же) и Кодекс Борджиа (в Риме). Самый знаменитый и наиболее хорошо сохранившийся из них — это, конечно, Кодекс Борджиа. Как и прочие рукописи майя, он складывается в виде гармоник. Он состоит из 39 листов высотой 27 см и шириной 26,5 см, исписанных с обеих сторон. В раскрытом виде длина его превышает 10 м; это — поистине удивительная книга по истории.

Ученые не могут ответить на вопрос о том, каков возраст Кодекса Борджиа и к каким глубинам минувшего относится его текст, однако можно с уверенностью утверждать, что он был создан в Чолула. Там, в этом культовом центре, расположенном примерно в 100 км к югу от Мехико-сити, высится древняя пирамида Тепанана, площадь основания которой больше, чем у знаме-

«Летающие змеи» встречаются здесь буквально всюду; этот, например, обрамляет собой балюстраду площадки для игры в мяч...

...а эти выполняют роль стражей перед Храмом 1000 колонн.

нитой пирамиды Хеопса в окрестностях Каира (Египет). Возраст этой гигантской пирамиды, перестраивавшейся не менее пятнадцати или даже двадцати раз, также неизвестен. Грандиозное сооружение, дошедшее до нас, представляет собой лишь внешнюю оболочку более ранних пирамид, возведенных в глубокой древности. Не менее загадочными, чем пирамида в Тепанапа, являются и древние орнаменты в храмах культового центра Чолула, которые явно имеют перуанское происхождение: «Элементы расположены в шахматном порядке, обрамлены меандрообразным орнаментом и имеют окантовку в виде бахромы». Очень странным является сам факт появления этих перуанских орнаментов в мексиканских храмах, но еще более поразительно, что орнаменты, выполненные точно в таком же стиле, присутствуют и на страницах Кодекса Борджиа.

Неутомимые исследователи полагают, что им удалось понять общий смысл примерно одной трети этого кодекса, однако полная расшифровка древнемексиканских писем-картинок требует поистине титанического труда. Исследователи часто попадают в своего рода замкнутый круг; им встречаются знаки и символы, смысл которых непредвзятому наблюдателю понять практически невозможно. Приведем два характерных примера.

I. На соседней странице воспроизведена картинка-пиктограмма со второй страницы Кодекса Лауд, хранящегося в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде (Великобритания). В центре ее, по мнению такого видного специалиста, как Бидерманн, угадывается Тлалок, ацтекский бог дождя:

«Для него (Тлалока) характерны круглые, странной формы глаза и странные большие зубы, обращенные с верхней челюсти вниз. Верхняя губа и зубы, по-видимому, могут считаться символическим изображением струй дождя, падающих с неба!»

Право, создается впечатление, что бог Тлалок позировал. Однако — где же эти «странные большие зубы, обращенные с верхней челюсти вниз»? Разве не похожи они скорее на червей, выползающих из пасти бога? Я никак не могу понять, почему «верхнюю губу и зубы» следует считать «символическим изображением струй дождя, падающих с неба».

На голове Тлалока — «шлем ягуара». Здесь я лучше воздержусь от комментариев. Да, я действительно вижу на голове бога шлем, но при чем здесь ягуар? В левой руке бог «держит богато украшенную секиру, лезвие которой выходит из пасти змеи». Боже, не дай мне сойти с ума! Вооружившись лупой, я пытался найти основания для подобной трактовки, но единственное, что мне уда-

II. На предыдущем развороте представлены фрагменты 48-й страницы так называемого Кодекса Виндобоненсис. В правой части можно различить 16 фигур, «представляющих собой, по всей видимости, различные аспекты бога Кецалькоатля». Следующий пассаж предлагает нам считать, что в левой части рисунка изображено «сошествие Кецалькоатля на землю», а над этой сценой — своего рода «небесный фриз с двумя древними богами, между которыми тоже представлен обнаженный Кецалькоатль». В центре этого небесного фриза имеется отверстие, из которого по веревочной лестнице спускается вниз некое существо, «покрытое пуховыми перьями».

Я никак не могу взять в толк, почему и с какой стати крошечные округлые комочки, которые можно разглядеть разве что под микроскопом, следует считать «пуховыми перьями». Я скорее склонен согласиться с интерпретацией, что это изображение воспроизводит энную инкарнацию одного из питомцев ацтекского жреца, появившегося на свет от комочка пуха! А на символической веревочной лестнице изображено некое «небесное существо», спускающееся на землю. Наконец, в самом нижнем ряду — слева от «веревочной лестницы» — изображен тот же Кецалькоатль в полном боевом облачении, с щитом, булавой и богатыми украшениями, в окружении «храмов и неких священных мест».

Не спорю, вполне возможно, что подобная интерпретация и найдет себе сторонников среди специалистов, однако меня не покидает чувство, что эти картинки-пиктограммы, быть может, хотят донести до нас совсем иную информацию. Почему бы нам не попытаться взглянуть на них свежим взглядом, не поискать нетрадиционное решение? Собственно говоря, почему Кецалькоатль, 16 «различных аспектов» которого представлены справа, всякий раз изображается с другими

головными украшениями? Видимо, это несет в себе некий немаловажный смысл, иначе древний переписчик ни за что не стал бы столь тщательно воспроизводить все различия в головных уборах. Обнаженного черного Кецалькоатля явно окружают не только боги, если о них здесь вообще можно говорить. Что означают табуреты позади него, показанные слева? О чем говорят странные символы, окружающие его? В примечании сказано, что это якобы «знаки дней». Знаки — да, но только чего?

Эти древнемексиканские письмена-картинки, на мой взгляд, очень напоминают картинки-загадки. Картинки-загадки, как сказано в словаре, состоят из отдельных кубиков, составляющих в совокупности некое изображение, или картину, которую трудно узнать по отдельным ее фрагментам. Не таким ли способом пользуемся сегодня и мы, записывая для краткости, скажем, формулу аминокислоты или какого-нибудь химического соединения?

В ряду прочих, нередко явно абсурдных интерпретаций подобная трактовка представляется мне далеко не самой нелепой. К тому же ее авторство принадлежит не мне, а моему читателю Гельмуту Хаммеру из Форххайма, ФРГ, который прислал мне ее в одном из писем.

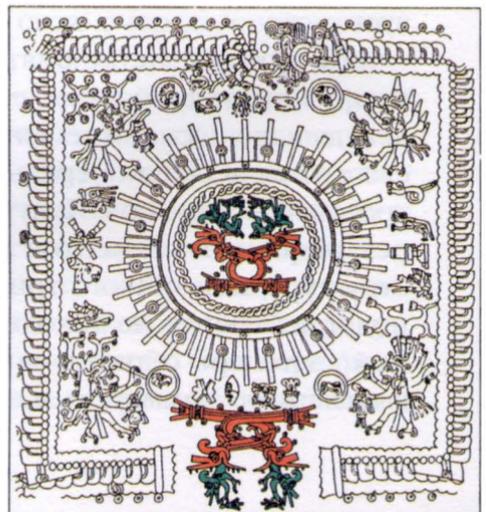
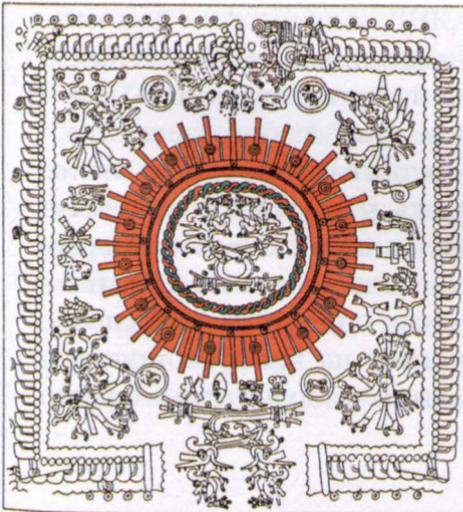
Приложение

Сначала я получил конверт с ксерокопией 30-й страницы Кодекса Борджиа. Гельмут Хаммер спрашивал: «Вам это ничего не напоминает?» Увы, мне это ровным счетом ничего не напоминало. Потом мне подумалось, что, возможно, это — один из первых людей, сотворенных богами, о которых в «Пополь-Вухе» сказано, что боги нарочно затумили им глаза, чтобы они не могли

Кодекс Борджиа.

видеть все слишком ясно. Впоследствии я узнал, что Гельмуту — а он, кстати сказать, профессиональный художник-график — присуща особая острота зрения. Поэтому он воспринял картинки как составные части некоего целого, которые он объединил в общую композицию. Так у него возникла целостная гипотеза о прочтении древнемексиканских картинок-загадок. Я получил целых пять фрагментов ксерокопии 30-й страницы Ко-

декса Борджиа. На каждом из этих фрагментов особым цветом выделена та или иная деталь. Эти фрагменты настолько интересны и дают столь обильную пищу для дискуссий, что я особо подчеркиваю, что авторство этой трактовки принадлежит Гельмуту Хаммеру.

Так, на рисунке представлены 20 знаков-символов дней. «Почему их именно 20? — спрашивает Хаммер. — Возможно, это всего лишь совпадение, но число натуральных аминокислот, принимающих участие в строительстве клеток живых организмов, тоже ровно 20». Пойдем дальше. Знаки и письмена ацтеков и майя имели по нескольку значений. В случае, если эти 20 знаков действительно соответствуют 20 дням, то это также не случайно. Ведь именно число 20, как мы знаем, было положено в основу древнего календаря ацтеков и майя. А 20 аминокислот — это основа для формирования протеинов и клеток.

Знаки дней выделены зеленым цветом и обрамлены красной полосой. А теперь вспомним, что каждая из натуральных аминокислот состоит из четырех основных элементов: водорода, углерода, азота и кислорода. В зависимости от типа конкретной аминокислоты в ее состав входят и другие элементы, но без этих четырех основных элементов аминокислота попросту не существует.

«Не потому ли, — опять спрашивает Гельмут Хаммер, — знаки дней разделены на четыре группы?» Пойдем дальше. Основные «кирпичики» любого вещества, его атомы, в свою очередь, состоят из протонов, электронов и нейтронов. Получается, что атомы всех четырех основных элементов имеют одинаковую базовую структуру, и без такого триединства протонов, электронов и нейтронов не обходится ни один атом во Вселенной? А теперь обратим внимание на красную полосу, выделенную Хаммером, и сравним выбранные им фраг-

менты с оригиналом — страницей Кодекса. Сразу же бросается в глаза, что на ней изображены маленькие желтые точки, причем эти точки-атомы находятся внутри красной полосы, обрамляющей рисунок.

На рис. III бросаются в глаза фигуры человечков-богов, выделенных красным цветом. На спинах их зеленым цветом выделены символы химических связей. Все четверо держат в руках жезлы, на концах которых — заключенные в круг — символы аминокислот, несколько похожие на загадочное Нечто, изображенное в самом центре композиции.

Рис. IV показывает выделенную красным цветом оболочку клетки с различными мембранами, на внешней поверхности которой изображены стилизованные «жала», возможно, изображающие поступление энергии. Каждые два жала связаны между собой шариками, состоящими из двух колец. Это — строительные элементы клетки. А в ядре клетки красным и зеленым цветом выделена переплетающаяся полоса, похожая на двойную спираль молекулы ДНК.

И, наконец, рис. V изображает ядро клетки, состоящее из различных элементов, наиболее важным из которых является дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК), знаменитая макромолекула, основной носитель наследственной информации. ДНК, в свою очередь, состоит из основных элементов: аденина, гуанина, цитозина и тимина. Эти четыре типа элементов вступают друг с другом в самые разнообразные контакты. Аденин притягивается тиминном, а цитозин — гуанином. На рисунке эти тяготеющие друг к другу пары выделены красным и зеленым цветом; основания красных элементов переплетены. В оригинале, то есть на странице кодекса, они обозначены точками и кольцами. В самом нижнем ряду выделяется группа из четырех элементов. Она передает генетическое «послание» далее; в оригинале ее основа-

ния выделены четырьмя разными цветами, которые, извиваясь как змеи, образуют единую двойную переплетающуюся спираль. «Змея» и тянется к своей паре-половинке, и стремится уйти от нее. Все ясно. Дело в том, что каждый виток спирали ДНК является самостоятельным и заключает в себе исчерпывающую генетическую информацию. Он может действовать самостоятельно.

Предлагаемое краткое изложение этой гипотезы способно кое-кого повергнуть в смущение, и надменные светила науки могут даже посмеяться над аргументами Гельмута Хаммера. На этот случай у меня готов аргумент: техники и изобретатели еще с 1851 г. экспериментируют над конструкцией застежки-«молнии». Среди них — американец Э. Хоу (1851), немец Ф. Клотц и австриец Ф. Подушка (1883), американцы У.Л. Джадсон (1893) и П.Э. Аронсон (1906). Однако серийную «молнию», ставшую одним из крупнейших изобретений XX в., разработали в 1911 г. мои соотечественники — швейцарцы К. Кун-Моос и Х. Форстер, которые отнюдь не были профессионалами в области техники.

Почему же гипотезу Гельмута Хаммера отказываются принимать всерьез? Я бы очень хотел противопоставить так называемым естественнонаучным объяснениям аргументы, почерпнутые в специальной литературе по археологии и этнологии, однако в комментарии к Кодексу Борджиа можно встретить разве что сентенции наподобие этой:

«Четыре бога дождя несут три разных вида деревьев и куст магуэя. Они указывают костяными кинжалами на каждую из групп по четыре знака дней, с которой начинается четверть Тональпохуали. Стоят они на звездном диске с глазами-звездами. Это — ночь».

Да, это ночь, точнее — полный мрак. Опираясь подобными толкованиями, мы за добрые 100 лет практи-

чески не продвинулись вперед. В письменах-картинках майя, дошедших до нас в древнемексиканских рукописях, упорно видят лишь богов или их символы, ягуаров, некие магические знаки и много тому подобной чепухи.

Археологическо-этнологические толкования вполне могут существовать бок о бок с естественнонаучными. «Знаки дней» так же могут служить символами дней, как и символами аминокислот. Впрочем, я этого не утверждаю; я просто хочу распахнуть дверь для новых возможных трактовок. Как я уже не раз повторял, я вовсе не настаиваю, что трактовка Хаммера абсолютно безупречна; разумеется, мне доводилось слышать, что древние народы Центральной Америки не имели и не могли иметь никакого понятия о клетках, их строении и генетическом коде хотя бы потому, что были людьми каменного века.

Что ж, если на стеллажах научных библиотек нет никаких удовлетворительных объяснений на сей счет, почему бы не обратиться к рассказам мудрого Белого Медведя, который благодаря преданиям об истории своего народа хорошо знает, что на втором этаже «университета» в Паленке ученикам рассказывали об основах жизни и преподавали учение о химических элементах. А ведущими доцентами там как-никак были легендарные катчина — учителя, явившиеся из Вселенной.

Если принять эти аргументы, нетрудно согласиться с тем, что знаменитые кодексы, переписывавшиеся сотни раз, представляли собой... учебники, которые передавались из поколения в поколение.

«Фантазия — это не выдумки на пустом месте. Это — умение создавать нечто из уже имеющихся вещей», — писал Томас Манн (1875—1955).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТЕОТИУАКАН — ВЕЛИКИЙ ГОРОД, ВОЗВЕДЕННЫЙ ПО ЗАМЫСЛАМ БОГОВ

Возведение воздушных замков не стоит ровным счетом ничего, но разрушение их обходится очень дорого.

Франсуа Мориак (1885—1970)

Человек, попавший в уличную суматоху, царящую в Мехико-сити, даже не задумывается о том, что его ноги ступают по поистине исторической земле. Боюсь, что это не приходит в голову даже местным жителям.

В Мехико, крупнейшем городе мира, расположенном на горном плато Анахуак на высоте 2240 м над уровнем моря, насчитывается около 18 млн. жителей. Впрочем, точное их число, разумеется, неизвестно, поскольку каждая перепись дает разные результаты. Согласно оценкам экспертов ООН, при нынешних темпах прироста населения в 2000 г. в Мехико, на площади чуть более 1500 км², будет проживать около 40 млн. человек — разумеется, в том случае, если этот великий город не опустеет сам собой, как тот древний город, на руинах которого он стоит.

Миллионы жителей Мехико страдают от ужасающего смога; ежегодно от отравлений, вызванных ядовитым воздухом, умирает до 100 тысяч горожан. Мексиканцы,

считающие себя потомками ацтеков, с каким-то фатальным равнодушием наполняют свои легкие этим отравленным воздухом, словно их древние боги требуют от них все новых и новых человеческих жертв.

С шести часов утра и до глубокой ночи на улицах огромного города звучит уше- и душераздирающий концерт трех с лишним миллионов машин. В условиях высокогорья эти резкие гудки и завывания сирен кажутся еще более невыносимыми, чем где бы то ни было. Более 20 тысяч автобусов, ползущих по улицам, изрыгают густые клубы выхлопных газов, единственное спасение от которых — влажные носовые платки. 17 000 полицейских в ярко-синей униформе, с помощью своих сердитых свистков и неистовой жестикуляции, характерной для южан, пытаются хоть как-то направлять и держать под контролем лавину машин, но она — несмотря на прекрасные дороги и современные автострады — движется едва ли не медленнее, чем конные повозки, теснившиеся на улицах Мехико сто лет назад. О том, насколько малопривлекательна жизнь в этом чудовищном мегаполисе, лучше всего свидетельствуют фонари, тускло мерцающие по вечерам, а нередко и вовсе не горящие, постоянно перегруженная телефонная сеть, дозвониться по которой можно лишь каким-то чудом, если вам исключительно повезет, да питьевая вода, вечно распространяющая зловонный запах хлора и прочих отвратительных химикатов. Люди массами гибнут здесь без всякой войны...

Однако Мехико-сити — это еще и роскошные дворцы-отели, такие, например, как «Camino Real» и «El Presidente Chapultepec», в которых работают филиалы лучших и самых изысканных парижских ресторанов — «Maxim's» и «Fouquet's». А уж всевозможные кафетерии и бистро, не говоря уж о небольших уютных закусовых, выдержанных в фольклорном стиле, представлены здесь,

что называется, *en masse*¹. Но блеск роскоши и солидная респектабельность богатых улиц далеко не всегда и не везде способны прикрыть вопиющую нищету и перенаселенность бедных кварталов. За пышными фасадами центральных улиц царит бедность, ютящаяся в ужасных трущобах; люди живут в продуваемых всеми ветрами лачугах и хижинах, теснящихся рядом с помпезными соборами и церквями эпохи заката Средневековья, и на обочинах улиц богатых кварталов колониальной эпохи толпятся многие сотни нищих.

В парке Чапультепек буйно зеленеют кустарники и возносят в небо свои пышные древние кроны огромные деревья агуэгуэте; они сумели приспособиться к ядовитому воздуху и чувствуют себя прекрасно. В этом парке некогда прогуливались правители ацтеков, а Монтесума II выстроил на холме свою летнюю резиденцию... А по воскресеньям отдых почти стирает различия между беднотой и богачами. Гордые жители Мехико, которых неудержимо влекут к себе сверкающие зеркала водоемов, купаются в озерах, катаются на лодках и предаются на берегах зажигательным ритмам самбы, приглашая туристов присоединиться к их компании. Настоящие мастера пения — и те, кто лишь почитает себя таковыми, — охотно демонстрируют свое певческое искусство досужим слушателям. Туристы на обширных пространствах могут прекрасно отдохнуть и принять участие в чисто мексиканском времяпрепровождении, состоящем из пикника, танцев и всевозможных игр. Всюду снуют подростки с корзинами или небольшими деревянными ящичками, в которых хранятся их нехитрые орудия труда; устремляя на иностранцев заискивающие взгляды, они наперебой предлагают им свои услуги, главная из которых — начистить до зеркального

¹ *En masse* (франц.) — здесь: во множестве. (Прим. перев.)

блеска башмаки и туфли. А очаровательные черноволосые девушки с огромными темными глазами и нежной, смуглой, цвета какао, кожей, похожие на неземных фей, до самозабвения танцуют под открытым небом, словно гости из другого мира.

Карманники на каждом шагу поджидают свои жертвы. Иностранные туристы, заглядывающие в ювелирные лавочки на богатых авенидах, охотно раскупают настоящие и фальшивые драгоценности, в которых мошенники знают толк. Бутики со всего света предлагают состоятельным гостям свои дорогостоящие товары, а

Мехико. Раскопки в черте города.

рядом с их витринами теснятся нищие в дырявых носках. Умоляюще жестикулируя и выжимая слезу из мутных глаз, они выпрашивают у прохожих несколько песо.

Мехико-сити — это настоящий город контрастов. Треть его населения ютится в трущобах, которых особенно много, например, в предместье Нецагуалькойтль. Вдоль шоссе, ведущего в Пуэбла, живет босоногая беднота, теснящаяся в хижинах из ржавой жести и картонных коробок, старых автомобильных шин, фанеры и пр. Здесь, что отнюдь не удивительно, буквально в каждом доме махровым цветом процветает алкоголизм. Здесь в ходу крепкая мексиканская водка — текила, а особенно большим спросом пользуется пульке — дешевая водка из агавы, которая, что называется, слона с ног свалит. Вряд ли стоит этому удивляться: ведь безработица в здешних кварталах достигает почти 60%. «Жителям Мехико-сити надо же чем-нибудь заниматься, — сказал мне как-то один из 150 000 водителей такси. — А если им нечего делать, они пьют».

Неподалеку от этой мрачной пустыни нищеты высятся грандиозное здание государственного оперного театра. Ежедневно на площади Гарибальди выступают музыканты оркестров мариачи в воинственно заломленных шляпах и костюмах, обшитых серебряными галунами. А такие роскошные здания, как Дворец изящных искусств (Casa de los Azulejos) (строительство завершено около 1600 г.) — памятник колониальной эпохи, настоящий дворец, возведенный еще самим Кортесом на развалинах резиденции злосчастного Монтекумы, — а также бесчисленные соборы, церкви и музеи повествуют об истории и богатом историческом прошлом города.

Однако, несмотря на все эти шокирующие контрасты, Мехико-сити дает достаточно полное представление об архитектуре ацтеков и их более древних пред-

шественников. Причем здесь и речи нет о каких-то там копиях. Ведь сам Мехико, крупнейший город мира, — это уникальный оригинал истории.

«Место, где становятся богом»

После того как Эрнандо Кортес, победоносный покоритель Мексики, пережил со своими 483 солдатами поистине роковую *noche triste* — «скорбную ночь», после того как он разорил, сжег и опустошил столицу ацтеков — легендарный Теночтитлан, он поначалу направился в Отумба, расположенный в 40 км к северо-востоку от нынешнего Мехико-сити. Спустя несколько дней Кортесу и его головорезам преградило путь двухсоттысячное войско индейцев. Численный перевес был поистине подавляющим. С возвышенности возле Отумба Кортес не мог не заметить странной формы холмы, возвышавшиеся в каких-нибудь 2 км к югу от него. И хотя ни в одной из хроник того времени нет никаких упоминаний об этом, Кортес наверняка проскакал между этими холмами и холмиками, даже не подозревая, что скрывает в себе земля под копытами его коня. Сами ацтеки, разумеется, отлично знали это, но, естественно, молчали. Этот район искусственных холмов они называли ацтекским словом *теотиуакан*, то есть «место, где становятся богом». Францисканский монах Бернардино де Сахагун (1500—1590), известный миссионер и исследователь культуры майя, оставил такое замечание: «Они [индейцы] именовали это место Теотиуакан, ибо оно служило местом погребения богов». *De facto*¹ первоначальное название этого древнего урочища неизвестно; никто не знает, кем были погребенные в Тео-

¹ *De facto* (лат.) — здесь: на самом деле. (Прим. перев.)

тиуакане и откуда они пришли в эти места; неизвестно и то, на каком языке они говорили.

Ко времени прихода ацтеков Теотиуакан уже давно лежал в развалинах; его руины поросли травой, мхами и кустарниками. Ацтеки и сами заблуждались, полагая, что Теотиуакан некогда служил местом погребения их собственных древних богов — загадочных гигантских существ. Однако Теотиуакан на самом деле представлял собой нечто совсем иное, чем некрополь (город мертвых); по крайней мере, в нем до сих пор не найдено никаких следов погребений «богов».

Ясно одно: ацтеки застали эту древнюю столицу уже лежащей в руинах, а из легенд они знали, что темной ночью, когда солнце еще не светило, когда еще не было дня, боги, как рассказывают старики, собрались в месте, именуемом Теотиуакан, и стали держать совет, а затем стали звать друг друга: «Боги! Пора браться за дело! Кто решится, кто возьмется сотворить солнечный свет, чтобы настал день?»

«Печь богов» и массовые жертвоприношения у ацтеков

Услышав это, боги, как гласит предание, испугались, ибо спасение солнца показалось им весьма рискованной затеей.

В совете богов в Теотиуакане принимали участие и Китлалинике, богиня небесных звезд, и красный Тецкатлипока, бог в одеянии из звезд. Согласно другому преданию, в столь важном «саммите» участвовал и Кецалькоатль, «зеленый пернатый змей», бог Луны и утренней звезды (Венеры). Во всем высоком кругу небожителей нашлось лишь двое богов — Текуицтекатль и

Нанауатцин, — которые в конце концов решили отправиться в это рискованное предприятие.

Двое храбрецов провели четыре дня в покаянных молитвах, затем искупались в священном пруду и, наконец, расписали свои тела белой глиной и надели дорогие одежды, украшенные перьями. Тем временем их коллеги-боги разожгли в таинственной «печи богов» огонь, а затем, когда все было готово, бросили в эту огнедышащую печь обоих героев. Так, в пламени и дыму эти жертвы богов вознеслись к небесам.

Видный специалист в области фольклора Кар Колленбер усматривает в этом предании «типичный пример того, как в мифологическом повествовании часто меняются местами причины и следствия»; по его мнению, в этом описании с таким же основанием можно видеть и *count down*¹ о старте космического корабля...

Что ж, подобная современная трактовка отнюдь не лишена смысла. Сперва боги решили искупить свою вину за то, что они допустили исчезновение Солнца — видимо, в результате взрыва планеты X или, по крайней мере, огромного планетоида. Затем они задумались над тем, как бы им поправить эту беду. Быть может, они вознамерились попытаться раздробить осколки астероида на более мелкие куски или отбуксировать их на другие орбиты, но это им явно не удалось, и они были поражены самоотверженной жертвенностью двух своих коллег. Четыре дня они готовили к этому рискованному полету древний «экипаж» из двух астронавтов, а остальные участники совета богов тем временем разводили огонь в «печи богов», готовя ее к старту. И вот, наконец, двое добровольцев, облаченных в «дорогие одежды» (уж не космические ли скафандры?), вошли в «печь богов».

¹ *Count down* (англ.) — здесь: отчет. (Прим. перев.)

И та в огне и дыму рванулась в небо и исчезла в глубинах Вселенной.

Согласно той же ацтекской легенде, эти отчаянные боги-астронавты не вполне справились со своей задачей. У них возникли непредвиденные трудности. В «бортовом журнале», подробно фиксирующем все события, сказано, что один из двух храбрецов «был ранен в лоб» стрелой враждебного звездного бога; бедняга рухнул с неба вниз, «в девятиструйный поток, в Западное море». Богам, дежурившим в «центре управления полетом», не оставалось ничего другого, как принести себя самих в жертву, ибо только их собственная кровь могла вновь вдохнуть в солнце силы и жизнь.

События незапамятной древности, получившие отражение в мифах, послужили впоследствии основой для ужасных человеческих жертвоприношений, практиковавшихся ацтеками.

Еще до покорения и разорения Теночтитлана Кортес в беседе со все еще действующим правителем ацтеков Монтесумой попросил у него позволения подняться на огромный храм, возвышавшийся в центре города. Поднявшись на его вершину, Кортес был поражен. Стены храма были сплошь покрыты человеческой кровью, а на главном алтаре лежали сразу три человеческих сердца. В переходах стоял смрад — куда более ужасающий, чем в зверинце или морге, где свалены в кучу тысячи трупов. И когда Кортес со своей свитой спустился вниз по широкой лестнице храма, он заметил на одном из холмов огромное деревянное строение. Испанцев, заглянувших туда, ждало поистине ужасающее открытие: все здание с пола до потолка было заполнено разлагающимися останками трупов принесенных в жертву. Всего испанцы насчитали там 136 000 скелетов — следы массовых жертвоприношений, совершавшихся в городе в эпоху владычества ацтеков. В «Истории царств Кольхуакана и Мексики» сказано:

«И те, над которыми было совершено отпевание, были пленники, принесенные в жертву. Всего погибло:

цапатеков	—	16 000
тлаппанеков	—	24 000
хуэксонцинков	—	16 000
циукоуаков	—	24 000».

Но какое же отношение — по крайней мере, в рамках исторического времени — эти человеческие жертвоприношения ацтеков могли иметь к давно покинутому городу Теотиуакану, который построили явно не ацтеки?

В Теотиуакане боги сами принесли себя в жертву за людей; они отдали свою кровь ради того, чтобы солнце вновь воссияло на небесах и земля пробудилась от мрачного сна.

Люди во все века были склонны действовать по готовым примерам и потому часто заблуждались. Причем заблуждения эти касались не только действий, но и самого образа мыслей: люди стремились подражать богам, которые якобы принесли себя в жертву, тем, что начали сами приносить себе подобных в жертву богам. Они неверно истолковывали древнее предание; более того, они боялись и верили, что солнце утром взойдет на небо лишь в том случае, если они успеют пролить до рассвета целые реки человеческой крови. Но то, что у богов представляло собой подлинную трагедию, приняло у людей вид кровавого фарса.

При ацтеках и майя ритуальные человеческие жертвоприношения приняли невиданные в истории масштабы¹. Народы Центральноамериканского региона — то есть именно тех стран, которые входили в древности

¹ Впоследствии их превзошли только гитлеровские и особенно сталинские палачи, принесшие в лагерях многие миллионы человеческих жертв. (*Прим. перев.*)

в орбиту высокоразвитых цивилизаций майя в Мексике, — вели друг с другом постоянные войны ради того, «чтобы иметь предлог для кровопролития», «не касаясь при этом людей своего племени (то есть не принося их в жертву)». В спешке они стремились захватить как можно больше пленных и принести их в жертву. Они были убеждены, что солнце должно «насытиться» их кровью.

Согласно ритуалу, двое сильных мужчин за руки и за ноги волокли жертву и возлагали ее на алтарь. Чтобы это мрачное зрелище могли видеть многие, алтарная плита находилась на возвышении на самой вершине пирамиды, перед входом в маленький храм. Затем появлялся жрец в роскошном красочном облачении, украшенном дорогими перьями. Он рассекал грудную клетку жертвы своим острым, как хирургический скальпель, обсидиановым ножом с драгоценной рукоятью и вырывал сердце из груди несчастного. Часто еще живое, пульсирующее сердце возлежало на алтаре, словно дар восходящему солнцу. В особо торжественных случаях с убитого сдирали кожу, и жрецы, расстелив ее на плитах, совершали на ней ритуальный танец.

Испанские хронисты оставили нам подробное описание церемониального жертвоприношения. Сначала будущая жертва исполняла особый танец вместе с мужчинами племени; затем на груди ее белой краской наносили особый знак, а самого несчастного привязывали к деревянной раме. Во время танца жертва служила для остальных участников ритуала живой мишенью, и каждый из них должен был послать в ее тело стрелу. Затем из груди вырезали сердце, пронзенное множеством стрел...

Учитывая господствовавшие тогда суеверия и ложные верования, неудивительно, что жертва не оказывала ни малейшего сопротивления и безропотно позволяла возложить себя на алтарь. Приносимые в жертву ве-

рили, что их кровь необходима для жизни солнца и тем самым они действуют во благо своего народа. Кроме того, многие жертвы находились под действием наркотических снадобий и практически не сознавали, что с ними происходит.

Во всех крупных городах и культовых центрах майя и ацтеков существовали подобные трупные камеры, в которых хранились останки принесенных в жертву. Их с гордостью показывали иноземцам: ведь они считались реальным свидетельством того, что это племя славно потрудились ради восхода солнца, а не просто ожидало, когда он наступит.

Великий город, возведенный по плану, но не имеющий истории

Перед тем как боги после бурного совета в Теотиуакане вознеслись на небо и исчезли во Вселенной, они успели оставить планы огромного города — планы, величие и смысл которых мы сегодня только еще начинаем понимать.

Никто не знает, кем были эти великие архитекторы-жрецы, равно как никто не в силах ответить и на вопрос о том, когда именно началось строительство Теотиуакана. В ходе долгих дебатов и споров, столкновения гипотез и взглядов большинство ученых сошлось во мнении, что Теотиуакан, вне всякого сомнения, представляет собой древнейшую цивилизацию на мексиканском плоскогорье, а как город вообще не имеет предшественников и аналогов.

Лоретт Сежурне проработала несколько лет в археологической экспедиции на раскопках Теотиуакана и опубликовала целый ряд интереснейших статей. По ее мнению, «истоки этой высокоразвитой культуры оста-

ются пока что неразгаданной тайной... Поистине, трудно представить себе, что многочисленные культурно-информативные факторы — такие, как тщательно продуманные архитектурные параметры, строгая ориентация зданий в пространстве или поразительные росписи — были намечены с самого начала строительства и осуществлялись по плану, но еще труднее вообразить, чтобы столь продуманный и распланированный комплекс мог сложиться сам собой, в силу случайного стечения обстоятельств. Мы не располагаем никакими материальными свидетельствами поэтапного развития замысла...»

Кто же вдохновлял строителей Теотиуакана? Уж не пресловутые ли «боги»?

Нет никакого сомнения в том, что Теотиуакан в эпоху своего расцвета был крупнейшим городом Центральной Америки. Его площадь превышала 25 км², а число жителей достигало 200 000 человек. Согласно бытующему в науке мнению, Теотиуакан был построен около 300 г. до н. э. В дальнейшем развитие города осуществлялось пятью этапами; около 600 г. н. э. в нем насчитывалось более 2600 крупных зданий. Период в 900 лет — с 300 г. до н. э. по 600 г. н. э. — целая эпоха по меркам истории, однако в каждом поколении зодчие и строители работали в строгом соответствии с единым древним планом. Такую «дисциплинированность» можно объяснить только в рамках некоей могущественной религиозной системы, по-прежнему сохранявшей свой авторитет.

Около 650 г. Теотиуакан находился на вершине своего процветания. Но затем наступила некая необъяснимая катастрофа, и жители покинули город. Причины этого остаются неизвестными. Возможно, крестьяне совместно с простолюдинами подняли восстание против своих правителей; может быть, рабы — этот постоян-

ный источник «биоматериала» для жертвоприношений — взбунтовались против кровавого произвола жрецов. Не исключено также, что город захватили чужеземные полчища. Повторяю, истинные причины остаются неизвестными. Эту тайну Теотиуакана еще только предстоит разгадать. Естественно предположить, что после разрушения города и ухода захватчиков жители и жрецы должны были бы вернуться в свою столицу и заново отстроить ее. Действительно, известно, что строительные работы в Теотиуакане велись и после 650 г., пока примерно около 800 г. н. э. город не исчезает с исторической сцены. Правда, на его развалинах еще какое-то время жили небольшие группы горожан, но и они вскоре перебрались на новое место или просто вымерли. И древний город богов оказался во власти буйной тропической растительности.

Примерно в 40 км от Теотиуакана постепенно начало формироваться государство ацтеков. Вскоре Теотиуакан стал его столицей. А сегодня на его руинах высятся небоскребы Мехико-сити.

Теотиуакан — город, внесенный в Книгу рекордов Гиннеса

Несмотря на грандиозные по древним меркам размеры, Теотиуакан поражает четкостью и продуманностью планировки, а его совершенная инфраструктура — это настоящее чудо древних зодчих. Авторам планировки современных городов хорошо бы приезжать сюда на выездные семинары. Право, они могли бы здесь многому научиться.

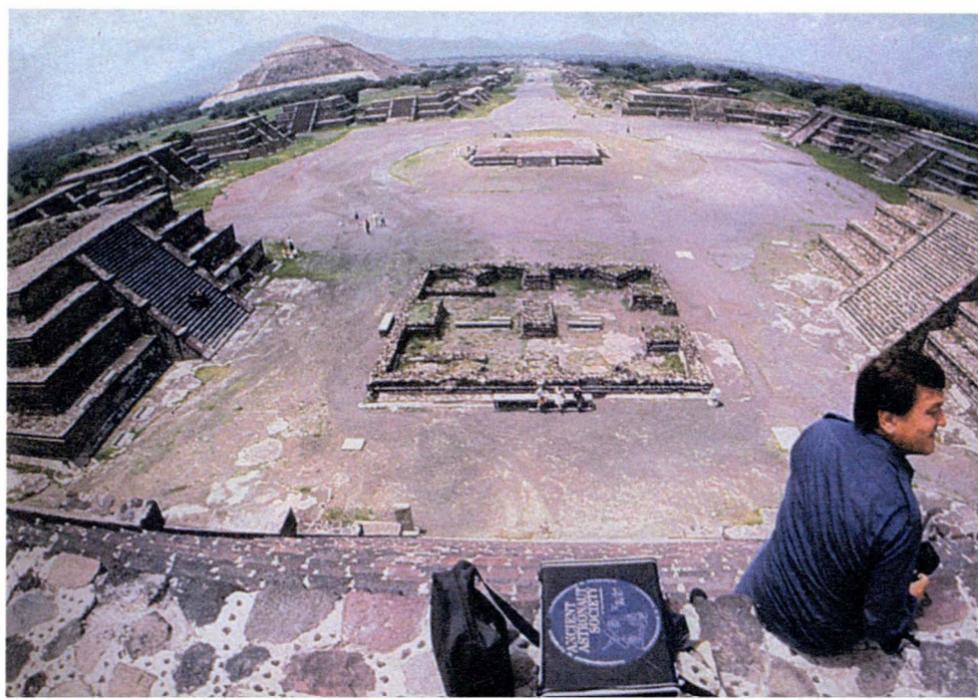
С севера на юг на добрых 3 км протянулся главный проспект, ширина которого превышает 40 м. Сегодня он носит название Камино дель Муэртос — Дорога

Мертвых. По обеим сторонам его обрамляют роскошные некогда сооружения — малые пирамиды и храмы; с северной стороны проспект заканчивается горным уступом высотой не менее 30 м¹, так что у наблюдателя, который смотрит вдоль проспекта с юга на север, возникает полное впечатление, будто величественный проспект уходит прямо в небо. Точно так же этот комплекс выглядит и сегодня, и человек, стоящий на дальнем нижнем конце проспекта, видит перед собой «бесконечную» лестницу с бесчисленным множеством ступеней, плавно переходящую в пирамиду Луны. Дорога Мертвых завершается у подножия пирамиды Луны, этого громадного ступенчатого комплекса с площадью основания 150 × 200 м, что более чем вдвое превосходит площадь футбольного поля. С южной стороны этого пирамидообразного здания сделаны пять террас, в центре которых проходит широкая лестница, позволяющая подняться на вершину пирамиды Луны.

Если же смотреть с вершины пирамиды Луны в южном направлении, то вдали, чуть слева от Дороги Мертвых, возвышается самое грандиозное древнее сооруже-

Стр. справа: Дорога Мертвых. Снимки сделаны с двух точек: при взгляде с юга на север эта дорога выглядит бесконечной лестницей, уходящей в небо, а при взгляде с севера на юг она предстает роскошным проспектом, по обеим сторонам которого практически не заметны следы искусственных террас! Ниже я расскажу, зачем это сделано.

¹ Интересно, что в китайской системе пространственной ориентации зданий — фэн-шуй — любые комплексы непременно располагались строго по оси север — юг, а на севере должен был находиться холм или гора, защищавшие от вредных влияний. Если же в данной местности холма не было, его насыпали искусственно. Самые яркие примеры — знаменитый Запретный город (императорский дворец) в Пекине (XIII—XVII вв.) и сады (VIII—IX вв.). (*Прим. перев.*)

ние Центральной Америки — знаменитая пирамида Солнца. Размеры ее основания — 222×225 м, и ориентирована она на запад. И хотя пирамида Солнца на 19 м выше пирамиды Луны, у зрителя, смотрящего с вершины пирамиды Луны через весь Теотиуакан на пирамиду Солнца, возникает впечатление, будто обе пирамиды имеют одинаковую высоту. Этот эффект обусловлен перепадом высот на проспекте.

Пирамида Солнца по площади основания превосходит даже самую знаменитую пирамиду в мире — пирамиду Хеопса в Гизе, что в окрестностях Каира (Египет). Вес материала, заполняющего ее объем (а это необожженный кирпич), оценивается примерно в 1 миллион тонн. Внутреннее ядро пирамиды выполнено из тесаного камня и кирпича; боковые ее фронтоны покрыты особым раствором, который в древности был покрыт слоем известковой штукатурки.

Площадь основания пирамиды Солнца по своим размерам превосходит даже знаменитую пирамиду Хеопса в Гизе, что в окрестностях Каира.

Храм Кецалькоатля.

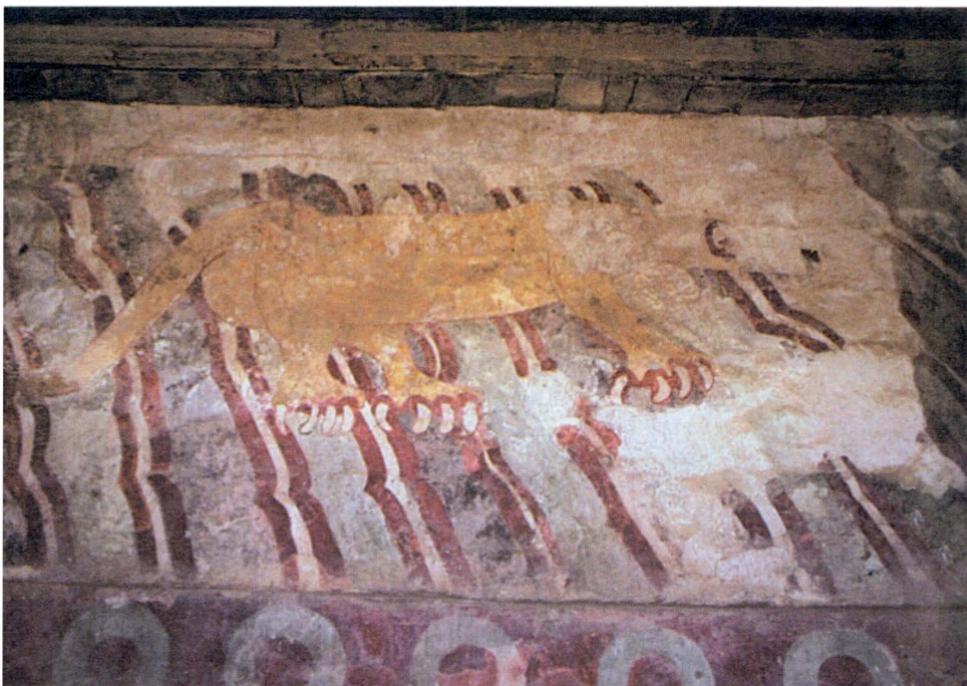
То, что сегодня предстает взорам туристов в достаточно хорошей сохранности, не идет ни в какое сравнение с былым великолепием этих шедевров в пору расцвета древней столицы. К тому же стены храмов и пирамиды сверкали яркими красками. Сегодня на вершине пирамиды нет храма, венчавшего ее в древности; а на пирамиде Луны отсутствует массивное, весом более 22 тонн, каменное изваяние, которое было обнаружено во время раскопок у подножия пирамиды. Первоначально на вершине пирамиды Солнца красовалась статуя некоего бога, покрытая золотом и серебром; она существовала еще во времена испанского вторжения, однако францисканец Хуан де Зугамарра (1478—1548), первый епископ Мексики, приказал разбить ее, а сереб-

ро и золото переплавить. Поэтому нам неизвестно, изваяние какого именно бога венчало вершину пирамиды.

Ацтеки рассказывали испанцам, что Теотиуакан якобы был городом мертвых, их царей и богов. На основании этих свидетельств археологи упорно пытались отыскать в пирамидах древние захоронения. В 1920-е и 1930-е гг., да и в более раннее время под пирамидой Солнца были пробиты туннели, но никаких погребений там так и не было найдено. Если там и были древние захоронения, то они, по всей видимости, находятся гораздо глубже, под основанием пирамиды.

Третье по размерам сооружение в Теотиуакане — так называемая Цитадель с храмом Кецалькоатля. Кстати, название это, данное храму задним числом, звучит явно абсурдно; оно имеет так же мало отношения к строителям, как и условные названия пирамид Солнца и Луны, да и сам Теотиуакан. Кецалькоатль был летаю-

В древности стены храмов и пирамид были украшены яркими красочными росписями.

К 1983 г. здесь было раскопано 2010 жилых зданий.

щим богом ацтеков и майя, а Теотиуакан вообще не имел к ацтекам никакого отношения, а у Цитадели с крепостью или фортом не больше общего, чем у какого-нибудь индуистского храма — с железнодорожным вокзалом в Цюрихе.

По сторонам Цитадели, точнее — с севера, юга и запада от нее, на расстоянии примерно 400 м, древние зодчие возвели по четыре малые пирамиды, от которых сохранились только фундаменты. Храм Кецалькоатля, расположенный на возвышенной платформе, где, помимо него, находились особые залы и павильоны, — пожалуй, самое красивое и богато украшенное здание в Теотиуакане. Оно недавно было отреставрировано. Резные головы огромных змеев, украшенных перьями, красуются на фризах, маски неких демонических существ

украшают лестницы и рельефы на стенах, а длинные извивающиеся тела змей оплетают цоколь храма. То, что сегодня даже при ярком солнечном свете предстает в серо-коричневых тонах, в древности сверкало и переливалось сочными красками; каждому богу или демону соответствовала «своя» цветовая гамма. Рельефы были не просто украшением; они выполняли роль своего рода религиозных повествований. Священные послания были изложены на этих фресках подробно, во всех деталях. На этих монументальных памятниках не было места для прихоти и фантазии художника; все изображения строго соответствовали канонам.

Орнаментальные мотивы фресок в храме Кецалькоатля свидетельствуют, что символ летящего бога в образе пернатого змея был известен в регионах Центральной Америки *задолго* до прихода майя и ацтеков. Этот мотив является практически идентичным позднейшим изображениям «настоящего» бога Кецалькоатля у ацтеков, который был известен майя под именем Кукулькан. Кроме того, здесь необходимо упомянуть и о «белых бородатых людях», которые во времена майя явились откуда-то «с востока». Это свидетельство дало обильную пищу для всевозможных спекулятивных предположений. Быть может, в эпоху майя к ним действительно прибыл с востока некий белый бородатый мужчина, назвавшийся Кецалькоатлем. Возможно. Но первоначальный, «настоящий» Кецалькоатль был известен еще жителям древнего Теотиуакана. Правда, от самого города сохранились лишь руины и голые стены. Однако археологи, ведущие раскопки в здешних местах, убеждены, что в древности наружные стены всех зданий города были украшены символами и фигурами богов. Действительно, кое-где обнаружены весьма впечатляющие остатки рельефов с масками и иероглифическими надписями, выполненных сочными, яркими красками. На се-

годняшний день во внутренних помещениях открыто около 350 настенных росписей, но специалисты полагают, их количество могло исчисляться десятками тысяч.

За храмовыми платформами и пирамидами, обрамляющими главный «проспект», располагались здания, которые археологи считают жилыми постройками. Дело в том, что внутри таких построек обнаружены печи и перегородки для комнат. В среднем в таких зданиях было примерно по 30 помещений, но известны и настоящие дворцы, имеющие 175 помещений. К 1983 г. здесь было раскопано 2010 таких жилых зданий; в состав некоторых входили небольшие храмы и залы молитвенных собраний. Подобные огромные «коммунальные квартиры» имели совершенные системы водопровода и канализации. Находки гончарных изделий и всевозможных орудий труда позволяют сделать вывод о том, что эти «квартиры» использовались не только для жилья, но и в качестве мастерских. При населении в 200 000 жителей гончарное ремесло, вне всякого сомнения, должно было процветать и даже служить важной статьёй экспорта. Не случайно гончарные изделия мастеров Теотиуакана обнаружены во многих местах, вплоть до Гватемалы. Таким образом, Теотиуакан был огромным по тем временам городом — куда более крупным, чем античный Рим эпохи цезарей¹.

¹ Автор не вполне точен: население Рима в эпоху императора Адриана, например, достигало 1 млн. жителей; немногим ему уступала и знаменитая Александрия (800 000—900 000 жителей). (*Прим. перев.*)

Поиски следов тайны с воздуха и с помощью компьютеров

Однажды у американского археолога Рене Мильона из Рочестерского университета возникла блестящая идея. Он решил подняться в воздух, чтобы с высоты попытаться выявить хоть какую-нибудь систему в лабиринте руин древних сооружений. И ему из кабины самолета действительно удалось выявить некую закономерность расположения элементов инфраструктуры города и отдельных частей древнего конгломерата зданий. Вместе со своими коллегами он сделал с воздуха сотни фотоснимков, которые сложились в фантастическую картинку-загадку панорамы города. Он состоял из четырех основных частей. Дорога Мертвых пересекала Теотиуакан по оси север—юг, а две огромные поперечные улицы составляли ось восток—запад.

Кроме того, в городе насчитывается более 5000 «квадратов»; в древности здесь размещались жилые дома и ремесленные мастерские. В Теотиуакане видна стройная сеть прямых как стрела улиц, пересекавшихся друг с другом только под прямым углом. Такова в общих чертах панорама этого крупнейшего города древнего мира.

Весной 1971 г. профессор Мильон обратился за помощью к своим коллегам-компьютерщикам. В базу данных мощного компьютера был введен 281 массив данных. В программу были заложены подробные сведения о том, в каком именно районе или квартала города найдены те или иные артефакты; благодаря этому компьютер очень скоро смог установить координаты 300 гончарных мастерских и 400 мастерских по обработке обсидиана, находившихся в Теотиуакане; кроме того,

удалось составить подробную карту системы подачи воды в город.

Сегодня археологи придерживаются мнения, что Теотиуакан в древности был городом, посвященным богу дождя Тлалоку, ибо его кварталы буквально прорезаны сетью водопроводных каналов. Возраст статуи бога Тлалока, которая была обнаружена в деревушке Коатличан, затерянной среди скал примерно в 20 км от Теотиуакана, превышает 2 тысячи лет. В наши дни этот страшный монстр желто-горчичного цвета — один из стражей, охраняющий Национальный антропологический музей в Мехико-сити. Эту громадную статую, вес которой превышает 168 тонн, пришлось доставлять в столицу Мексики на специальной 48-колесной платформе-тягаче. Сегодня Тлалок, как и прежде, вперяет свой мрачный взор в окрестности. Руки статуи давно утрачены, а грозный лик тоже изменился почти до неузнаваемости. Тем не менее под подбородком у бога находится нечто вроде корзины со сквозными отверстиями, из которых, видимо, изливались струи, символизировавшие дождь. И поскольку возле пирамиды Луны была найдена небольшая статуэтка Тлалока, очень похожая на колоссальное изваяние бога дождя, ученые сошлись во мнении, что древний Теотиуакан был посвящен толстяку Тлалоку. Правда, в головах самих статуй может возникнуть вполне резонный вопрос: а почему это, собственно говоря, их прототип Тлалок считается богом дождя? Но это — одна из тайн, разгадать которую наука пока не в силах.

Следующий разворот: Два изображения толстяка Тлалока. Одно из них выставлено в Антропологическом музее в Мехико-сити.

Какими мерами длины пользовались геодезисты, составляя план Теотиуакана?

Есть немало оснований утверждать, что Теотиуакан — это уникальная, грандиозная, выполненная в камне «космическая модель», представляющая собой символическое изображение нашей Солнечной системы. Известный американский исследователь Питер Томпкинс подметил характерную взаимосвязь между расположением культовых сооружений и небесных тел. Со своими догадками Томпкинс познакомил своего соотечественника, Хью Харлестона-младшего, который специально отправился в Мексику и посвятил изучению этого кардинального вопроса целых четыре года. Будучи по профессии инженером, он со всей определенностью заявил, что создать подобную планировку, не имея особых мер длины, абсолютно невозможно... и занялся поисками меры длины, которой пользовались планировщики Теотиуакана.

И вскоре Харлестон нашел ее: это оказалась странная мера — 57 метров. Всюду, будь то размеры платформ храмов, или расстояния между отдельными зданиями, или, наконец, высота самых разных построек, — всюду фигурируют цифра 57 или величины, кратные ей. Так, возле Дороги Мертвых расположены здания, расстояния между которыми составляет 114 м ($= 57 \times 2$) и 343 м ($= 57 \times 6$). А высота самой Цитадели составляет ровно 399 м ($= 57 \times 7$).

Затем Харлестон попытался выяснить: не было ли у древних зодчих единицы длины поменьше? Попытался — разделил 57 на 3. В результате получилась малая мера — 19 м, встречающаяся у многих небольших зданий, длина стен которых составляет ровно 19 м. Тогда Харлестон, по профессии — инженер, привыкший ра-

ботать с куда меньшими единицами, решил разделить эту величину сперва на 6, а затем на 3. Результаты своих расчетов он решил проверить по картам и планам, составленным профессором Мильоном. Продолжая поиски наименьшей меры длины, которая фигурировала бы в пропорциях небольших строений Теотиуакана. И он нашел такую единицу! Как оказалось, она составляла 1,059 м. Эту величину майя называли *хунаб*, что, собственно, и означает «единица [длины]». Итак, ключ к пропорциям городского плана был найден; оказывается, все расстояния и пропорции в Теотиуакане являются кратными величине *хунаб*. Все замеры, выполненные исследователем, точно укладываются в определенное число *хунаб*. «Для того, чтобы лучше видеть, часто достаточно изменить направление взгляда», — писал Антуан де Сент-Экзюпери (1900—1944). Благодаря этой единице Харлестон получил возможность взглянуть на панораму города новыми глазами.

Высота пирамид Кецалькоатля, Солнца и Луны составляет соответственно 21, 42 и 63 *хунаб*, то есть эти величины находятся в пропорции 1:2:3 друг относительно друга. Высота ступеней пирамиды Солнца составляет величину, кратную 3 *хунаб*. Компьютерные расчеты позволили выявить еще более удивительную вещь: периметр основания пирамиды Кецалькоатля составляет ровно 1/100 000 часть радиуса полярного круга. Что же касается Цитадели, то в ее пропорциях Харлестон обнаружил сразу несколько Пифагоровых треугольников, число π и производные от него, а также величину скорости света (299 792 км/час).

Получив подобные результаты, Харлестон поначалу усомнился в точности расчетов компьютера. Дело в том, что остатки пирамид и платформы Цитадели соотносятся друг с другом точно так же, как средние величины орбит планет — Меркурия, Венеры, Земли и Мар-

са! В качестве масштабной величины расстояния от Земли до Солнца Харлестон выбрал 96 *хунаб*. И у него получилось, что объект, соответствующий Меркурию, находится на расстоянии 36 *хунаб* от Солнца, объект, соответствующий Венере, — 72 *хунаб*, а Марсу — 144 *хунаб*! Все точно.

Прямо за Цитаделью протекает ручей Сан-Хуан, несущий свои воды по искусственному каналу, созданному древними строителями. Расстояние от него до осевой линии Цитадели составляет 288 *хунаб*; в 520 *хунаб* отсюда расположены руины некоего неизвестного здания. Самое поразительное, что это расстояние точно — естественно, в масштабной пропорции — соответствует расстоянию от Юпитера до Солнца. Если бы Харлестон, взяв за точку отсчета центр Цитадели и двигаясь вдоль Дороги Мертвых по направлению к пирамиде Луны, отмерил по ней 945 *хунаб*, он наткнулся бы на некое здание, символизирующее расстояние орбиты планеты Сатурн до Солнца. Но он почему-то этого не сделал. Быть может, он посчитал, что подобные расчеты попросту граничат с безумием? В Национальной библиотеке в Мехико-сити Харлестон отыскал старинные планы Теотиуакана, на которых в этой точке действительно было показано некое здание. Увы, оно пало жертвой перепланировки и было снесено единственно ради того, чтобы на его месте можно было проложить асфальтовую дорогу для удобства туристов... Итак, древние планировщики не забыли и о символе для планеты Сатурн.

Еще дальше, на расстоянии 1845 *хунаб* по Дороге Мертвых, ее пересекает линия, идущая от центра пирамиды Луны. Эта точка пересечения — символ орбиты планеты Уран. Неужели планировщики этой древней ка-

менной обсерватории забыли о планетах-гигантах — Нептуне и Плутоне?

По другую сторону пирамиды Луны проходит так называемая Церемониальная дорога, которая служит продолжением Дороги Мертвых и ведет по направлению к холмам. Хью Харлестон со своими помощниками принялся искать разгадку возникшей проблемы. Вооружившись циркулем, он провел воображаемую дугу на расстоянии 2880 *хунаб*, что соответствовало среднему расстоянию до Нептуна. И самое поразительное, что Харлестон действительно нашел на Керро Гордо, вершине невысокого холма, развалины древнего храма, а еще дальше, на расстоянии 3780 *хунаб*, — остатки странной фаллосообразной башни, которой местные жители дали красивое название — Ксочитель («Цветок»). Не забыли создатели модели и о Плутоне. С самого начала авторы этой каменной модели нашей Солнечной системы знали, что если продолжить ось север—юг, то есть ту же Дорогу Мертвых, дальше, по другую сторону пирамиды Луны, она наткнется на естественные препятствия — холмы. Хочу напомнить, что я предлагаю вниманию читателей только достоверную информацию. Поэтому я решил сам проверить, действительно ли там, на Керро Гордо, существует объект, о котором пишет Харлестон.

Мне доводилось проходить по Дороге Мертвых множество раз, и всякий раз я замечал на ней что-нибудь новое, неожиданное. И вот, оказавшись там в очередной раз летом 1983 г., я направил взгляд, а заодно и объектив телекамеры, вдаль и вверх. Мне хотелось увидеть Керро Гордо, и я действительно нашел его, но не заметил на его буро-зеленых склонах никаких следов древних памятников. Я обратился с вопросом к одному из многих торговцев, предлагающих туристам местные сувениры, по большей части небольшие керамические

ПЛУТОН

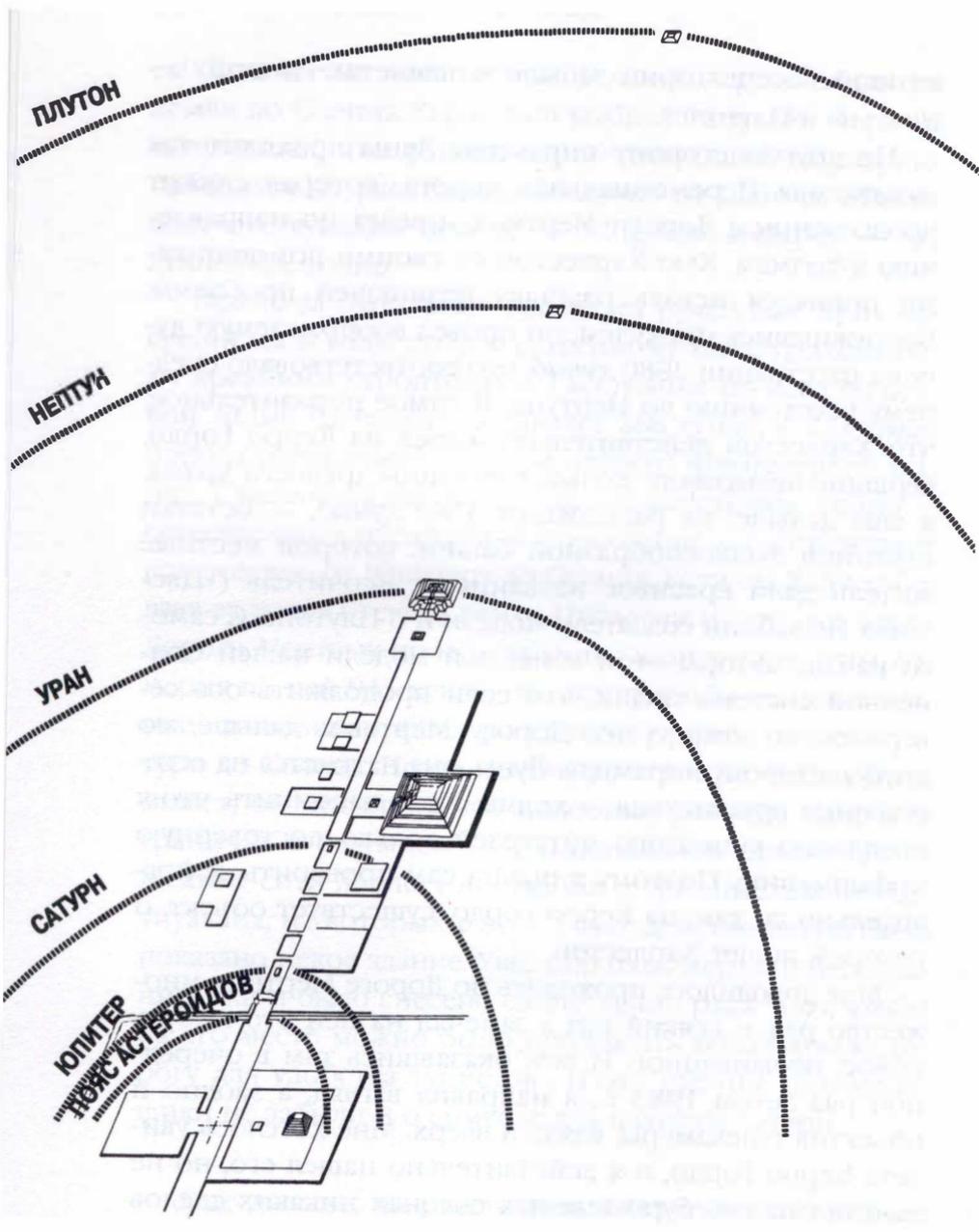
НЕПТУН

УРАН

САТУРН

ЮПИТЕР

ПОЯС АСТЕРОИДОВ

флейты, и спросил его, нет ли в этих местах дороги, ведущей в горы. В ответ тот сказал, что мне надо добраться до деревушки Отумбо, а оттуда к вершине ведет дорога, проложенная для подвозки стройматериалов во время строительства радарной установки. Однако торговец весьма сомневался, что мне удастся проехать там, ибо дорога в горах считалась военным объектом. А я знал одно: когда меня манит к себе какая-то цель, меня не остановят никакие препятствия.

На дороге, вьющейся по кактусовым полям, я немного утолил жажду маленькими зелеными плодами кактусов, которые дети в здешних местах продают буквально на каждом шагу. На вкус эти плоды сладковатые и, совсем как цитрусовые, очень богаты витамином С. Видимо, эти плоды росли здесь в изобилии, поскольку я собственными глазами видел целые шеренги мужчин и женщин, которые укладывали их в большие деревянные ящики. Однако я пока что не видел никакой дороги, уходящей за Отумбо в гору. Наконец вскоре я заметил ее: влево от шоссе сворачивала узкая дорога, мощенная камнем, которая действительно плавно поднималась в гору. Козы и овцы по обеим ее сторонам смотрели на мой «Фольксваген» столь же тупыми глазами, как и их пастухи-индейцы. Примерно на полпути я заметил предупреждающий транспарант, нависавший прямо над дорогой: «Проезд запрещен». Да, здесь, видимо, и впрямь начинались трудности. Миновав транспарант, я оказался на открытой местности. Дорога между тем уходила все дальше в горы, и мне встретилось еще одно предупреждение — «Запретная военная зона», явно обращенное к таким же любопытным, как я. Однако вокруг, куда ни глянь, не было видно никаких следов охраны, и я, прибавив газу, помчался по пологому склону холма.

Сделав очередной поворот, я заметил прямо перед собой огромную антенну радара, которая — с невозму-

тимым спокойствием, сказал бы я, — медленно поворачивалась на вершине высокой башни. Я оставил свой «Фольскаген» в небольшой лощине, надеясь, что он пока что не появился на экранах радаров дежурных, а затем, пробираясь от дерева к дереву, направился в ту сторону, где, как я помнил, могло находиться гипотетическое продолжение знаменитой Дороги Мертвых, оставшейся далеко внизу. Оглянувшись назад, я увидел вдали пирамиды Солнца и Луны, маячившие вдалеке, как странные игрушки, оставленные строителями, и саму Дорогу Мертвых, пролегавшую, как узкая взлетно-посадочная полоса, между пирамидами. Затем я продолжил свой путь по склону, находящемуся уже недалеко от вершины. Опустившись почти на четвереньки, я достиг того, к чему стремился: теперь я оказался на одной оси с Дорогой Мертвых! Именно отсюда — разумеется, в случае, если гипотеза Харлестона верна! — следовало начинать поиски объекта, соответствовавшего положению орбиты Плутона. Отсюда уже не было видно комплекса радаров, маячившего в небе, зато было отлично видно, что я нахожусь на воображаемом продолжении Дороги Мертвых.

Подняв голову, я увидел прямо перед собой... невероятно древнюю башню! Буквально в нескольких шагах от меня высилась башня странной фаллосообразной формы. В ней не было ни окон, ни даже двери. Штукатурка у основания облупилась, приоткрыв буро-черный камень стены. Да, это был символ орбиты Плутона, находившийся на воображаемом продолжении Дороги Мертвых!

В спешке я совсем упустил из виду, что на небе собралась темные тучи. Вскоре — прежде чем я успел

подняться чуть повыше, хоть немного познакомиться с древним символом Плутона — полил дождь. Я опророметью кинулся к своему бедному «Фольксвагену», шины которого, как я и опасался, начали проскальзывать по гладким мокрым камням, кое-где поросшим мхами. Как и всякий законопослушный швейцарец, я вернулся к транспаранту «Проезд запрещен», где меня и нагнал джип с четырьмя солдатами.

— Что вам здесь нужно?

— Видите ли, я — турист, и мне хотелось бы сфотографировать отсюда, сверху, комплекс пирамид... — принялся я оправдываться.

— Это запрещено!

— Но ведь уже начался дождь... — возразил было я.

Специалисты удивлены, дилетанты поражены

Не ошибся ли Хью Харлестон, выбирая единицу длины для своей модели? А вдруг он ввел ученый мир в заблуждение? С числами ведь всякое может случиться. С какой стати неведомым древним архитекторам могло взбрести в голову возводить этот грандиозный город по единой модели? Знакомясь с расчетами Харлестона, маститые археологи лишь скептически посмеивались; так продолжалось до тех пор, пока не были получены другие факты.

Знаменитая Дорога Мертвых идет не совсем точно вдоль оси север—юг; она отклоняется на 17° в восточном направлении от строгой ориентации на север. Аналогичным же образом обстоит дело и с другими древними постройками Теотиуакана, имеющими точно такую же ориентацию. В этом нет ничего особенного, и такое отклонение можно было бы считать уникальной особенностью планировки Теотиуакана, если бы точно

такое же отклонение от оси север—юг ровно на 17° не присутствовало и в других древнейших культовых центрах Центральной Америки, в частности — в знаменитом городе Тула, бывшей столице империи майя и ацтеков, или в Чичен-Ица, одном из древнейших городов майя. Характерно, что даже древняя индейская сеть полей и полос отклоняется от оси север — юг в сторону востока на те же самые 17°. Более того, даже испанцы, возводившие здесь впоследствии свои постройки, придерживались точно такой же ориентации. Собрано множество доказательств того, что дороги, поля, оси деревень, монастырей и крупных архитектурных комплексов весьма точно соответствуют той же системе отклонений на 17°. Профессор Франц Тихи предлагает весьма своеобразное объяснение этого странного феномена:

«Проблема заключается в том, что после разбивки полей должно было пройти не менее 2000 лет. Дело в том, что с точки зрения чистого культово-религиозного значения смысл подобного смещения ориентации понять очень сложно».

Итак, получается, что ацтеки и майя просто-напросто копировали систему ориентации Теотиуакана со смещением на 17°! Стоит принять подобную версию, и загадка, казалось бы, решена. Однако в том-то и дело, что подобные ребусы так просто не решаются. Ведь когда появились майя и ацтеки, древний Теотиуакан давным-давно лежал в развалинах. Более того, почему он сам имеет именно такую ориентацию, а не расположен точно по оси север—юг?

Знаменитая Дорога Мертвых, отклонявшаяся на 17° от оси север—юг, представляла собой главную ось и магистраль города, на которой были сгруппированы все основные его объекты. Проспект, протянувшийся на добрых 3 км, проходил мимо Цитадели, центр которой символизировал положение Солнца, пересекал ручей

Сан-Хуан, служивший символическим отображением положения орбиты пояса астероидов, миновал руины постройки (увы, покрытые в наши дни толстым слоем асфальта), соответствовавшей орбите Юпитера, и далее направлялся мимо пирамиды Солнца (символ планеты Сатурн) к пирамиде Луны, символизировавшей, как мы уже говорили, Уран. А далее, по другую сторону пирамиды Луны, на холмах Керро Гордо, находились специальные древние символы Нептуна и Плутона. Наконец, на скалах, расположенных на воображаемом продолжении той же осевой линии, сохранились древнейшие наскальные рисунки индейцев.

Получается, что строители Теотиуакана с самого начала имели в виду эту гигантскую модель нашей Солнечной системы и ориентировались на нее. Прямая как стрела ось, идущая прямо к вершине Керро Гордо, отклонялась на те же 17° от абсолютной оси север—юг. Гениальным древним планировщикам этого уникального комплекса не смогли помешать даже горы! «То, что это есть, еще ничего не значит. Главное заключается в том, что они создали это сознательно», — повторяю я вслед за Эгоном Фриделлом (1878—1938).

Однако это все же не дает ответа на главный вопрос: почему майя многие свои постройки, возведенные в куда более поздние времена, например, Майяпан и Чичен-Ица, удаленные от Теотиуакана более чем на 1000 км, ориентировали в пространстве с таким же отклонением на 17° от оси север—юг? Ведь там не было ни горы, ни холма, доминировавшего над городским ландшафтом, ни какого-либо повода для подобной планировки системы. Нет, этой системе со смещением на 17° , впервые примененной в Теотиуакане, невозможно дать сколько-нибудь убедительных объяснений с точки зрения геодезии. Видимо, подобный «божественный» план послужил своего рода прототипом передовой город-

ской планировки для всех городов Центральноамериканского региона. Такой моделью могло явиться уникальное культово-религиозное значение Теотиуакана.

Таинственные карты

За последние годы холмы в окрестностях Теотиуакана были обследованы самым тщательным образом. И всюду археологи в ключевых точках обнаружили древнеиндейские наскальные рисунки на скалах, расположенных строго по оси, служащей продолжением Дороги Мертвых в Теотиуакане.

Так, на вершине Керро Харавильяс, находящейся в семи с половиной километрах к западу от пирамиды Солнца, расположен трехметровый монолит, на котором грубо вырезаны символические изображения Солнца и двух пересекающихся колец. Правда, с места, где находится этот монолит, пирамида Солнца не видна, ибо ее заслоняют вершины гряды Керро Калавера. Однако исследователи, вооружившись самыми современными геодезическими приборами, выяснили, что на соседней скале находится еще один монолит, на котором, как было установлено при внимательном исследовании, вырезаны геометрические знаки: перекрещивающиеся окружности и треугольник. Как оказалось, линия, проходящая через центр этих окружностей, с точностью компасной стрелки указывает на вершину пирамиды Солнца.

Расчеты и геодезическая съемка позволили обнаружить еще более удивительную вещь! Если наблюдатель в первый весенний день будет смотреть с вершины пирамиды Солнца строго на запад, он увидит, что солнце опускается за горизонт точно за этим странным монолитом. Подобные «маркированные» монолиты обнару-

жены и в Керро Чиконаутла, в 14 км к юго-западу отсюда. Более того, другие каменные глыбы найдены еще дальше — в 35 км к северо-востоку от Теотиуакана!

В ближних и дальних окрестностях города было обнаружено более 30 подобных пунктов, неким загадочным образом связанных с тем же Теотиуаканом. Они выполняли практически такую же задачу: служили объектами на местности, символически обозначавшими созвездия, по большей части — звезды созвездия Плеяд, будучи опять-таки связанными с далеким Теотиуаканом. Так, на расстоянии 720 км к северо-востоку от Теотиуакана, неподалеку от городка Дуранго, были найдены небольшие наскальные рисунки — точно такие же, как и на скалах, опоясывающих сам древний город. Возникает вполне естественный вопрос: быть может, по всей Центральной Америке, а возможно — и дальше, до северных штатов США и даже на территории Канады, раскинулась некая грандиозная сеть подобных объектов? Так, например, широко известно так называемое *medicin wheel* («медицинское колесо»), обнаруженное на горе Биг Хорн в штате Вайоминг (США). Оно связано с осью координат, протянувшейся от Теотиуакана, и указывает на звезду Альдебаран. Видимо, на планете существуют и другие таинственные пункты, ориентированные на Теотиуакан и символизирующие положения различных звезд и созвездий.

Облака тумана из ящика фокусника

Итак, древний Теотиуакан был центром некой строго спланированной географической и космической системы. Оба этих фактора необходимо было учитывать с самого начала строительства. Дело в том, что здания, выполнявшие роль «мебели» этого грандиозного

комплекса, следовало возводить раз и навсегда, не допуская никакой «передвижки».

Дни зимнего и летнего солнцестояния определить достаточно несложно; если палочка отбрасывает самую короткую тень, это означает, что наступило 21 июня, а если самую длинную — 21 декабря. И если солнце в такие дни не закрыто густым слоем облаков, многолетние наблюдения за изменением угла тени, сделанные за предыдущие века, позволяют сделать несложные прогнозы. Затем наступает черед определения орбит планет и созвездий; для этого необходимы квадрант, угломер и т. д. и т. п. Короче, речь идет о высшей математике. Однако для вычисления — с точностью до метра — относительного положения объектов, отстоящих друг от друга очень далеко и уже невидимых по прямой, необходимы очень длительные периоды наблюдений, геодезическая съемка с вершин холмов и даже гор, а также весьма совершенные технические средства. А также — ясная погода на протяжении многих и многих тысячелетий!..

Мне часто доводилось держать в руках книги, в которых мудрые и ученые авторы допускали высказывания, достойные несмышленных подростков. Они, в частности, утверждали, будто для получения удивительных по своей точности астрономических знаний народам Центральной Америки было совершенно необязательно «прибегать к помощи неких таинственных технических средств». И вообще для того, чтобы «объяснить происхождение дворцов и пирамид, вовсе не нужны рассуждения об «утраченных загадочных знаниях». Все объясняется гораздо проще: видимо, племена Центральной Америки, населявшие этот регион в эпоху каменного века, на протяжении многовековых наблюдений разработали несложные приспособления для наблюдений и замеров, сделанные из дерева или камня. При

этом всерьез рассуждают о том, что орбиты небесных тел и углы их склонения будто бы можно было определить с помощью окон и «бойниц» в стенах верхней камеры обсерватории в Чичен-Ица. Более того, существовали якобы целые комплексы зданий, такие, например, как комплекс в Уаксактуне, древнем городе майя, имевшие строгую астрономическую ориентацию, поскольку «солнце в определенные дни года восходит над такими зданиями под определенным углом, что можно наблюдать с вершины какого-нибудь другого здания».

Когда слышишь подобные утверждения, невольно возникает вопрос: если все так просто, почему же тогда серьезные ученые выдвигают все новые и новые противоречивые гипотезы? У доверчивого читателя возникает впечатление, будто все загадки давно решены. А это, разумеется, далеко не так.

Например, пресловутые окна и «бойницы» в стенах обсерватории в Чичен-Ица были устроены много веков спустя *после* возведения самого здания. И в Уаксактуне возможность «наблюдать [положения солнца] с вершины какого-нибудь другого здания» была замечена *гораздо позже* строительства самой обсерватории.

От вершины пирамиды Солнца в Теотиуакане расходятся горизонтальные визуальные линии, идущие ко многим объектам, соответствующим небесным телам. Чтобы такое было возможно, необходимо было прежде вычислить точное местоположение и высоту пирамиды, поскольку все эти визуальные линии сходятся именно на ее вершине. При строительстве подобного объекта позднейшая «доработка» здания — как это имело место, например, с окнами и «бойницами» обсерватории, проделанными много позже, — была совершенно исключена, ибо при изменении высоты на несколько метров нарушалась бы пространственная ориентация и сходимость визуальных линий.

О чем они не подозревали...

Удивительно, но планеты Уран, Нептун и Плутон, объекты-символы которых, расположенные на так называемой Церемониальной дороге позади пирамиды Луны и очень точно показанные на этой модели Солнечной системы, в эпоху строительства Теотиуакана были еще неизвестны. Уран впервые был открыт в 1781 г. астрономом-любителем, известным музыкантом Фридрихом Вильгельмом Гершелем (ум. в 1822). В период между 1840 и 1845 гг. на основе сложных расчетов было теоретически доказано существование Нептуна, честь открытия которого принадлежит Иоганну Готтфриду Галле (1812—1910), впервые наблюдавшему эту планету в Берлинской обсерватории в 1846 г. А таинственный Плутон и вовсе был открыт почти в наше время. Диаметр его, составляющий около 6000 км, уступает диаметру Марса и Земли, а свет, излучаемый им, настолько слаб, что его не в силах уловить никакой телескоп. Эту планету открыл в 1930 г. американский астроном Клайд Уильям Томбо (р. 1906), работавший в Лоуэллской обсерватории в штате Аризона, США, после систематического изучения полученных с помощью телескопа фотографий этой девятой планеты нашей Солнечной системы.

Поскольку можно не сомневаться, что ни у самих майя, ни у их древних предков телескопов не было, они, естественно, не имели понятия о существовании таких планет, как Уран, Нептун и Плутон, и тем более не обладали никакими сведениями об их удалении от Солнца. Специалисты отлично понимали это, и им предстояло решить непростую дилемму. Либо результаты, полученные группой исследователей во главе с Хью Харлестоном, являются чистейшим совпадением, либо строители Теотиуакана обладали уникальными астро-

номическими приборами, позволившими им не только обнаружить эти загадочные планеты, но и определить их расстояние от Солнца.

Несколько лет назад, точно под центром так называемой пирамиды Солнца, глубоко в ложе, оставленном древним потоком лавы, была открыта пещера. Мне так и не удалось найти в специальной литературе никакой информации о том, что же в ней могло находиться. Сам факт ее существования признается с оговорками, а об остальном принято умалчивать. Однако само нахождение точно под центром пирамиды Солнца некоей полости свидетельствует о том, насколько точен был древний план. Более того, он говорит о неслучайности самого выбора места, ибо эта пещера представляет собой, так сказать, первую лопату земли на месте будущего комплекса.

Однако, несмотря на все эти факты, ученые готовы признать все что угодно, только не возможность того, что строители этого великого города получили готовые планы и все необходимые технические данные от пришельцев из космоса.

Пусть так, говорят оппоненты; допустим, что астрономические познания и навыки градостроительства действительно были переданы древним индейцам инопланетянами. Но тогда возникает вопрос: а ради чего это было сделано? На сей случай у меня всегда готов ответ: а ради того, что спустя много тысячелетий стало реальностью. Ради того, чтобы разумные существа сумели воспринять это как ключ к великим знаниям. А то, что ключи к ним до сих пор не найдены, говорит явно не в пользу лучших умов начала эпохи полетов человека в космос.

Краткое резюме

Поистине поразительный календарь, знания об орбитах как минимум нескольких планет (в первую очередь — Венеры!) и основах небесной механики, которыми обладали древние народы Центральной Америки, не могут не вызывать удивления. А гениальные таблицы затмений, представленные в Дрезденском Кодексе, не оставляют никаких сомнений в том, что древние отлично знали, что Земля имеет форму шара и вращается вокруг собственной оси. Однако неоспоримым является и тот факт, что на всем протяжении эпохи расцвета своей высокоразвитой культуры эти же народы принесли в жертву сотни тысяч человеческих жизней, и все это — ради суеверного заблуждения, будто тем самым они поддерживают... жизнь Солнца.

Здесь имеет место очевидное противоречие: либо создатели Теотиуакана, а затем и майя хорошо знали строение Солнечной системы, и тогда человеческие жертвоприношения были совершенно бессмысленными; либо они, стремясь «продлить жизнь Солнца», тем самым свидетельствовали о том, что не имеют никакого представления ни о Солнце, ни о существовании удаленных от него планет. Однако они явно знали о существовании не только Юпитера, Сатурна и Урана, но и Нептуна и Плутона. Итак, можно ли найти какую-либо другую убедительную разгадку этого противоречия, кроме утверждения, что всю эту информацию о числе планет и их орбитах им принесли «боги»?

На протяжении примерно 1000 лет Теотиуакан претерпел «шесть этапов строительства». И начиная с самого первого должен был существовать подробный общий план всего комплекса в целом; дело в том, что на всем протяжении тысячелетней истории строительства ни одно из зданий не нарушило намеченного плана.

Рельефы и настенные росписи, созданные на протяжении всех этих этапов, характеризуются аналогичными мотивами: это в первую очередь птица кецаль и тапир, обезьяны, гремучая змея и ягуар, то есть животные, встречающиеся не на Мексиканском плоскогорье, а в глухих дебрях джунглей Гватемалы. И всюду в Теотиуакане видны явные следы особого почитания «пернатого змея».

Высказывалось предположение, что древние создатели Теотиуакана некогда переселились на Мексиканское плоскогорье из более низменных регионов. Они почитали космическое божество; при этом их религиозные взгляды отличались такой стойкостью и неукоснительной требовательностью, что древний план служил для них своего рода законом, не допускающим никаких изменений и отклонений. Согласно древним преданиям, в Теотиуакане некогда состоялась встреча богов, на которой они держали совет, как им помочь людям. Упоминается в преданиях и о многочисленных каменных знаках, встречающихся вокруг Теотиуакана; более того, там прямо говорится, что они «сделаны рукой богов».

Наученный горьким опытом, я больше не стану искушать судьбу утверждениями, что Теотиуакан построили сами «боги»! Между тем мне, как и сторонникам Лохнесского чудовища, постоянно бросают в лицо упрек в склонности к фантазиям. Право, для меня ничто так не чуждо, как утверждение, будто наши древние предки попросту не могли воздвигнуть монументальные сооружения.

Да, на Мексиканском плоскогорье вполне могли работать строители, способные возводить на высоте 2600 м над уровнем моря уникальные сооружения, величественными развалинами которых мы любуемся сегодня. Однако индейцы прилагали поистине нечеловеческие

усилия отнюдь не ради любви к самому процессу труда. Они испытывали ужас перед тем, что однажды с небес вернется тот самый «пернатый змей» и проверит, хорошо ли они воплотили в жизнь его план.

У нас зарябило в глазах...

Во время моей памятной поездки в Теотиуакан, состоявшейся летом 1983 г., меня сопровождал Герардо Левет, мексиканский инженер, с которым мы поддерживаем дружеские отношения вот уже много лет. Он почему-то вздумал проводить меня в ночной ресторан «Nacienda de los Morales», по праву считающийся одним из лучших ресторанов в Мехико-сити.

— А тебе доводилось видеть в Теотиуакане удивительную камеру со светящимися плитами слюды? — спросил Герардо, потягивая аперитив.

— Я о ней даже не слышал! — отозвался я.

— Тогда ты просто должен ее увидеть! Мне о ней рассказал один старый приятель, кстати сказать — археолог; он заметил, что ее происхождение остается загадкой. Дело в том, что в самой Мексике слюды нет, а в Теотиуакане плит из нее — сколько угодно, и даже целые блоки искусно вставлены между плитами из обычного камня... Так вот, из этого слюдяного зала проложены две трубы, ведущие в небольшую камеру... — Все это поведал мне старый друг, да еще весьма доверительным тоном, ибо тогда информация об этом открытии была помечена грифом *top secret*¹. «Ты просто обязан это знать. Дело в том, что строители каменного века, видимо, были хорошо знакомы с уникальными свойствами слюды. А между тем у нас в Мексике она практически не

¹Top secret (англ.) — строго секретно. (Прим. перев.)

встречается; ее должны были импортировать из Бразилии, США или еще откуда-нибудь...»

Мне не оставалось ничего другого, как забыть о тщательно продуманном маршруте своей поездки и вновь отправиться в Теотиуакан. В тот день из рейсовых и прочих автобусов выгружались целые толпы туристов, которым не доставало острых ощущений. Вокруг них, словно опытные слаломисты, сновали торговцы-разносчики сувениров, наперебой предлагая — естественно, по безбожно завышенным ценам — всевозможные экзотические шейные платки, браслеты, фигурки древних божков, красочные молитвенные коврики и керамические флейты. Вокруг то и дело начинался торг, и торгующиеся стороны после долгих препирательств чаще всего приходили к обоюдоприемлемому решению, и цена продажи обычно составляла не более двух третей от первоначальной, все равно оставаясь явно завышенной. Знаете, существует весьма простой способ, позволяющий избавиться от неотвязных торговцев и посвятить побольше времени осмотру местных достопримечательностей. Дело в том, что торговцы-разносчики и индейские подростки «работают» в пределах своей строго ограниченной территории, и стоит только выйти за ее границы, как местные «коммерсанты» тотчас возвращаются обратно.

Никто из дежурных, которых я расспрашивал о таинственной слюдяной камере, даже не слышал о ней. Мы — то есть я, Ральф, Гельмут Верб, журналист и профессиональный фотограф — зашагали по Дороге Мертвых, то и дело оглядываясь по сторонам и направляясь прямо к Цитадели. Нам попался некий англоязычный гид, с воодушевлением рассказывавший своей группе что-то о магнитных полях, которые, оказывается, действуют на всем протяжении Дороги Мертвых. Он произвел на меня впечатление человека, обладающего осно-

вательными познаниями. Вот что он посоветовал нам: «Если идти отсюда, от Цитадели, то слюдяные плиты находятся примерно в километре от пирамиды Солнца, не доходя до нее. Держитесь правой стороны [Дороги Мертвых], пока не увидите табличку с надписью «Misa!». Однако имейте в виду, что слюдяная камера снаружи не видна: ее закрывают две металлические плиты». Кстати, mica в переводе и означает «слюда». Итак, он указал нам верный и даже официально разрешенный путь к тайне.

Первая из этих плит красовалась на опоре, закрепленной перед слюдяной плитой, а в нескольких метрах позади нее находилась вторая. Обе защитные плиты были прикреплены к земле цепями, запертыми на замок. Подойдя к слюдяным плитам, мы, честно говоря, первым делом проверили, насколько прочны эти замки и нельзя ли их при случае открыть какой-нибудь отмычкой, но в этот момент рядом с нами появился смотритель, окинувший нас характерным взглядом человека, наделенного властью.

— Постарайся выдать себя за археолога! — поспешно шепнул мне Гельмут. Он как-никак был журналистом и привык спонтанно реагировать на подобные ситуации.

— Видите ли, я приехал сюда из Швейцарии. Мой мексиканский коллега-археолог рассказал мне, что под этими плитами скрыты слюдяные панели. Нельзя ли их увидеть?

Строгий смотритель смерил меня испытующим взглядом и принялся искать ключ в тяжелой связке, висевшей у него на поясе. Рядом со связкой на ремне покачивался большой нож в ножнах. Еще раз окинув меня взглядом, страж реликвии опустил на колени и открыл замки на цепях. В числе причин, побудивших его сделать это, видимо, было и универсальное слово-пароль «археолог», и тот странный факт, что мне каким-

то образом известно о тайне, скрытой под землей. В тот же миг Гельмут поспешно щелкнул объективом своей камеры. Вот что она запечатлела.

Как только первый луч солнца проник в щель, его свет отразился от полированной поверхности слюды, и отраженное сияние покрыло землю вокруг мерцающими пятнышками диаметром от десяти до двадцати сантиметров. Этот удивительный эффект повторился еще раз, когда служитель снял вторую плиту. На этот раз мы рассмотрели все как следует. Слои слюды, словно ломти в сэндвиче, были вмурованы в каменную оправу, образуя странную структуру, служившую крышей таинственного помещения, расположенного под ней. Это был своего рода плафон из наложенных друг на друга пластинок, скрепленных раствором, поверх которого располагался слой слюды толщиной около семи сантиметров, а поверх него — еще один слой камня толщиной около полуметра.

— Интересно, а какова же общая ширина этой искус-

ственной вставки? — обратился я с вопросом к смотрителю.

— На сегодняшний день открыто уже 29 метров слюды, но вполне возможно, что слои могут уходить и дальше. А вот насколько именно, покажут новые раскопки.

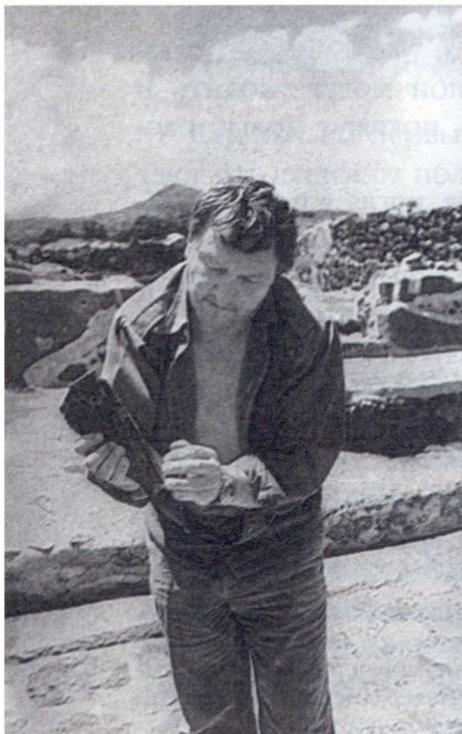
Смотритель не стал мешать мне, когда я решил приподнять один из слоев. Он расслоился у меня в руках на отдельные чешуйки толщиной не более фотопленки и такие же гибкие, как она. Они очень интенсивно отражали солнечный свет. Да, это был настоящий *мусковит* (название происходит от *vitrum muscovitum*¹), вид слюды, который наши предки называли «московским стеклом».

Мусковит, или калий-алюминий-гидросиликат, встречается в породах, сопутствующих граниту и нередко в

¹*Vitrum muscovitum* (лат.). — букв.: московское стекло. В Московской Руси в XIV—XVII вв. роль стекол в окнах выполняли тонкие слюдяные пластинки; это постоянно подчеркивают иноземцы (напр., Джон Горсей, Адам Олеарий, Павел Алеппский), бывавшие на Руси в ту эпоху. (Прим. перев.)

качестве вкраплений в нем. Небольшие залежи подобной слюды встречаются в горах Готард в Швейцарии и в Циллентальских Альпах в Тироле. Крупные же месторождения мусковита имеются в Индии, на Мадагаскаре, в Южной Африке, Бразилии, США и в окрестностях озера Байкал в России. В европейские страны, как и в большинство стран Центральной Америки, горы в которых состоят преимущественно из вулканических пород, слюду приходится импортировать. Откуда же привозили слюду в Теотиуакан, где сохранилось немало изделий из нее?

Слюда обладает необычным свойством, делающим ее поистине незаменимой. Дело в том, что при всей своей гибкости и пластичности она способна выдержи-

вать температуры до 800°C; при этом она никак не реагирует на внезапные перепады температур; к тому же она необычайно устойчива к органическим растворителям и большинству кислот. Но, пожалуй, самым ценным свойством слюды является ее способность служить электроизолятором. Слюда устойчива к коротким замыканиям и электрическим разрядам. В электротехнике широко применяются тонкие пластинки слюды, например, в качестве изоляторов на радио- и телевизионных лампах, а также в трансформаторах и радарах. Наряду с прочими видами техники слюда находит все более широкое применение в компьютерной технике. Кусочки слюды измельчаются в порошок или используются в виде чешуек во многих видах бытовой электротехники: электроутюгах, тостерах, стиральных машинах и пр., а также в качестве присадок при производстве особо прочного стекла.

Знали ли строители древнего Теотиуакана обо всех этих свойствах слюды? На этот вопрос можно с уверенностью ответить «да», ибо в противном случае они вряд ли стали бы чередовать пластины слюды с каменными плитами!..

Но тогда откуда же они привозили слюду в таких количествах и столь крупных размеров? Ведь даже в наши дни слюдяные пластины размером 30 × 40 см считаются большой редкостью.

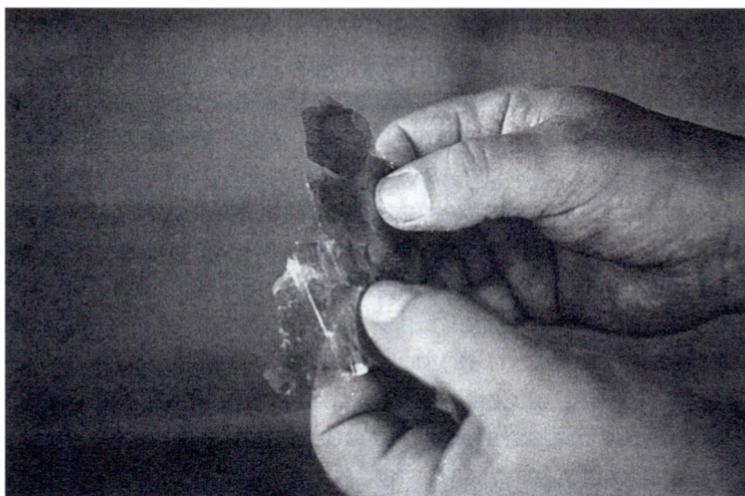
Что же происходило там, в этой загадочной камере? Является ли она единственным подземным помещением или существуют и другие, пока что не открытые залы, защищенные от всяких влияний извне мощными слоями слюды?

У меня возникли две гипотезы, но, честно говоря, обе они не вполне удовлетворяют меня:

- В камере некогда поддерживали высокую температуру, и по каким-то причинам нельзя было допустить ее падения. Возможно, она была необходима для некоей плавильной печи. Но поскольку в таком случае сначала произошел бы разогрев внутреннего, каменного слоя свода, последствия такого воздействия предельно высоких температур ощущались бы и сегодня. Интересно было бы узнать, не проводили ли здесь археологи замеры температур.
- Быть может, эта сэндвичеобразная структура, наоборот, предназначалась для защиты от высоких температур извне? Против этой версии есть весьма серьезное возражение: поверх слюдяной вставки расположена защитная каменная стена толщиной добрых полметра, сама по себе служащая хорошей изоляцией от температуры. Остается еще одно, совершенно фантастическое предположение: это было сделано для того, что если в результате невероятного — на много сотен градусов — скачка температуры камень расплавится, слой слюды под ним позволит сохранить температуру в камере неизменной.

А может быть, там, внизу, проводились некие секретные опыты? В конце концов, недаром же один археолог поведал Герардо Левету о существовании двух труб, ведущих в камеру, находящуюся под пирамидой Солнца. Как оказалось, смотритель ничего не знал о них, а штольня, пробитая под пирамидой, закрыта мощной железной решеткой.

Быть может, здесь, под этим термозащитным слюдяным экраном, хранились некие приборы богов? И наконец, еще один вопрос, звучащий совсем уж сенсационно: не располагалась ли здесь в древности некая электростанция?

Итак, вопросов здесь возникает хоть отбавляй, а ответов на них практически нет. Ясно одно: архитекторам и разработчикам этого здания были хорошо известны уникальные свойства слюды. Иначе они не стали бы тратить время на создание столь огромного сэндвичеобразного изолятора.

Любопытно, а нельзя ли, образно говоря, побить «врага» его же собственным оружием? Поскольку строители комплекса в Теотиуакане были людьми каменного века, ergo¹ они не имели и не могли иметь понятия о высоких температурах, необходимых для выплавки металла. Всезнающая наука утверждает, что они и не подозревали о существовании электричества. Выходит, нам не остается ничего другого, как предположить, что эту удивительную камеру создали некие Великие Неизвестные? Что этим Неизвестным каким-то образом был известен источник «импорта» слюды, на качество которой можно было положиться?

¹ Ergo (лат.) — следовательно. (Прим. перев.)

Меня же эта история со слюдяными вставками наводит на весьма серьезные размышления... Металлические плиты... Могучие замки... Большинство зрителей не имеет никакого понятия о том, что творится внизу... Простите, но если бы не столь упорное замалчивание, эта уникальная камера привлекала бы к себе полчища туристов! А так этот уникал охраняют всего двое дежурных. В Чичен-Ица, например, туристы, отстояв длинную очередь, гуськом входят во внутренний зал пирамиды, чтобы всего-навсего полюбоваться изображением ягуара. Быть может, здесь — хотя это обошлось бы недешево — стоило бы установить защитный экран из толстого бронированного стекла? Или разгадку этой тайны кто-то решил отложить на будущее?

«О, это настоящая беда: глупцы всегда уверены в себе, а умные вечно сомневаются», — писал Бертран Рассел (1872—1970).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПАЛЕНКА: ДРЕВНИЙ ГОРОД — ОТКРЫТЫЙ, НО ОСТАВШИЙСЯ ЗАГАДКОЙ

Собственно говоря, наука начинает быть интересной там, где она кончается.

Юстус фон Либиг (1803—1873)

1773 год. Группа испанских инспекторов, работавших в городке Тумбала, находящемся на территории самого южного федерального штата нынешней Мексики, направила Антонио де Солису, духовному куратору округа, донесение о том, что в окрестностях городка ею обнаружены своеобразные каменные «дома», так называемые *касас де пьедра*. Куратор не обратил на это донесение никакого внимания, видимо, посчитав, что эти «дома» — не более чем примитивные хижины индейцев, живших в том регионе.

Между тем это донесение породило немало слухов, которые спустя некоторое время достигли ушей его преподобия Рамона Ордоньеса, священника, служившего в Сиудад Реал. Он приказал нескольким своим клирикам съездить и осмотреть эти «каменные дома», а также попытаться собрать сведения о местных индейцах. После возвращения участники этой маленькой экспедиции поведали его преподобию об удивительных

постройках: башнях, пирамидах и дворцах, расположенных всего в двух лигах (8,76 км) отсюда, в окрестностях деревушки Санто-Доминго де Паленка.

Ордоньес незамедлительно составил донесение, которое после долгого и нелегкого окольного пути было доставлено в Королевскую комиссию, так называемую *Аудиенсия*, работавшую в Гватемале. И *Аудиенсия* приказала одному из своих служащих, некоему Антонио дель Рио, отправиться на место и лично осмотреть древние руины. К дель Рио был прикомандирован рисовальщик, в обязанности которого вменялось делать подробные зарисовки всего странного и любопытного, что могло им встретиться в девственных лесах.

От Санто-Доминго до цели их экспедиции было всего чуть более 6 км, но непроходимые заросли и сезон дождей превратили продвижение через зеленые дебри в настоящую пытку и опасное приключение. И вот 3 мая 1787 г. дель Рио оказался наконец у цели своего «похода». Так было положено начало открытию знаменитой Паленки, изучение которой за два с лишним века, прошедших с того дня, принесло немало сенсационных открытий, хотя самая главная загадка о возникновении этого удивительного города по-прежнему остается без ответа.

В начале мая 1787 г. капитан дель Рио со своим отрядом прибыл к таинственным древним развалинам, поросшим густыми зарослями тропического леса. Его людям потребовалось целых две недели, чтобы вырубить и выжечь кустарники и проложить просеку в сплошных зарослях. И тогда капитан, стоя на расчищенном пространстве, «с восторгом и изумлением взирал на руины некоего дворца, бывшего некогда настоящим садом чудес, вознесенным высоко над землей на платформе из грунта и щебня». Со стен, сплошь покрытых непонятными знаками и таинственными фигурами,

на непрошенных гостей сумрачно смотрели грозные лица странных изваяний. Дождь лил как из ведра. Дель Рио и его людям не давали покоя личинки москитов-кровососов. Доблестный капитан считал своей главной задачей как можно скорее выполнить возложенное на него поручение. Без лишних колебаний он приказал скрыть несколько насыпей и почти ворвался на первый этаж древней башни. При воспоминании о варварских методах «исследований» дель Рио археологов и сегодня бросает то в жар, то в холод.

Экспедиция вывезла из дебрей 32 предмета и вместе с 25 рисунками и отчетом, собственноручно написанным дель Рио, представила их в *Аудиенсию*. Дело было направлено в Мадрид, и там досье вместе с ящиками, где хранились находки, затерялось в недрах бездонного Государственного архива. При дворе никого не интересовали какие-то там руины в Новой Испании, как в те времена называли завоеванные заморские земли.

Но не зря говорится, что судьбой правит случай.

Спустя 45 лет донесение дель Рио невесть каким путем попало в руки Генри Бертауда, лондонского книго-торговца и любителя старины, который сразу же оценил находку и издал ее в 1822 г. в виде отдельной книжечки. Увы, книжечка эта не вызвала ни малейшего интереса. В те времена археологии как серьезной научной дисциплины еще попросту не существовало. Изучение старины и всевозможных древностей считалось экзотическим хобби, уделом эксцентричных оригиналов, а то и просто погоней за древними сокровищами. У мира в те дни были другие заботы, и на открытия, сделанные где-то на краю света, в далекой Мексике, попросту никто не обратил внимания. Однако, несмотря на это, книжечке, изданной в Лондоне, еще предстояло сыграть видную роль.

Наконец, в правящих кругах самой Мексики возник

интерес к изучению бесчисленных руин древних городов. Француз Гильом Дюпэ, в недавнем прошлом — артиллерийский офицер, получил поручение провести осмотр «некоторых развалин». В числе пунктов, которые Дюпэ собирался посетить, значилась и Паленка. Правда, он ничего не знал об экспедиции Антонио дель Рио, получившего такое же поручение, но в числе его спутников тоже был художник — профессор живописи Хосе Лусиано Кастанеда. Работа этой экспедиции, организованной по тем временам весьма основательно, продолжалась целых три года — с 1805 по 1808 г. К участию в археологических раскопках были привлечены местные жители, по большей части — индейцы.

Дюпэ прибыл в Паленку в 1807 г. Проштудировав массу литературы и проникнувшись глубоким интересом к древним культурам Мексики, он был поражен и очарован зрелищем полуразрушенных, но по-прежнему величественных сооружений. И, отправляясь в экспедицию, предложил своему другу, Кастанеде, проиллюстрировать на месте свои основательные позания в области мексиканских древностей. Компендиум о мексиканской старине, созданный ими совместными усилиями, заставил маститых членов правительства Мексики вскочить со своих кресел. Но и здесь, на родине многих загадочных древностей, бюрократия не упустила шанса лишний раз продемонстрировать свое влияние. Бюрократы решили засекретить доклад Дюпэ. Впрочем, возможно, что это оказалось даже к лучшему, ибо если бы результаты его исследований получили широкую огласку, испанцы и мексиканцы подвергли бы эти места беспощадному хищническому разграблению. Однако Паленка не была предана забвению. Путешественники и ученые, в числе которых был и Александр фон Гумбольдт, посетивший эти места в 1816 г., по-прежнему проявляли ин-

терес к ней. А четверть века спустя настал долгожданный час X.

Поистине судьбой правит случай!

Статист, сыгравший главную роль

В истории открытия Паленки одна из главных ролей по праву принадлежит Жану-Фредерику графу фон Вальдеку. В свое время он считался человеком подозрительным и своенравным, из тех, что в кругах добропорядочных бюргеров принято считать «слегка помешанным». Никто толком не знал, кто таков этот Вальдек и откуда он родом. Сам он своим родным городом называл столицы разных стран: то Прагу, то Париж, то Вену. И если его титул кое у кого вызывал сомнения, то его талант живописца и графика сразу же получил всеобщее признание.

И вот в 1821 г. по воле случая этот граф встретил уже знакомого нам лондонского книготорговца Генри Бертауда, который как раз собирался выпустить в свет отдельной книжкой отчет капитана Антонио дель Рио. Бертауд сразу же заказал Вальдеку иллюстрации к своей книжке. И художник быстро создал 16 офортов, которые, как мы знаем, не смогли предотвратить финансовый крах этого злополучного издания.

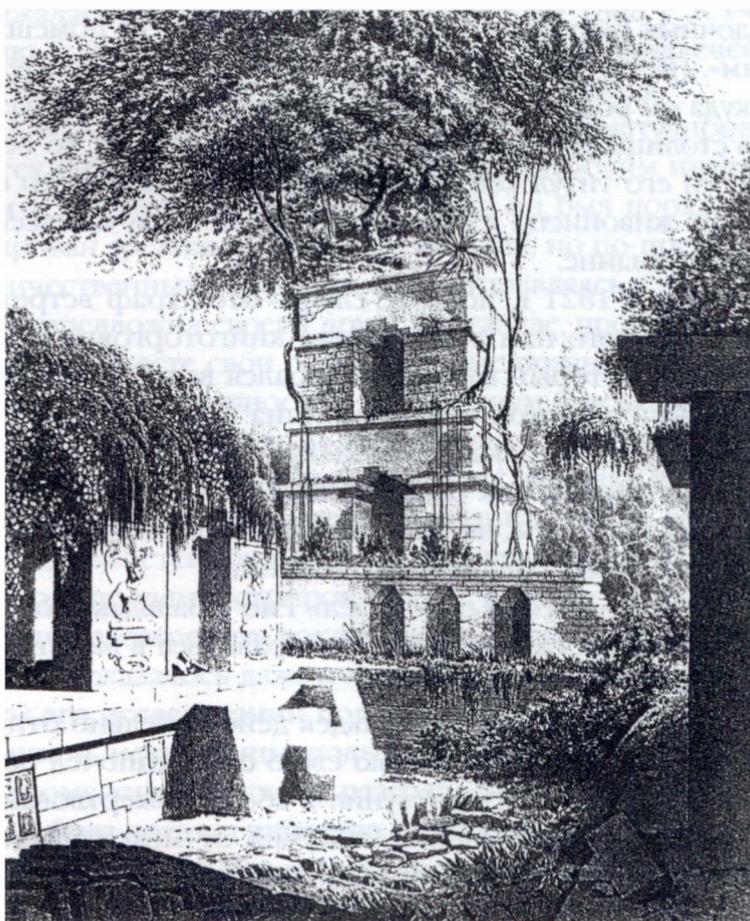
После прочтения отчета дель Рио у Вальдека волосы поднялись дыбом. Он должен отправиться в Мексику, и немедленно!

И вот в марте 1822 г. Вальдек действительно отправился в дальний путь. Семью свою он предпочел оставить в Лондоне. Он приступил к сбору пожертвований на исследование Паленки, получил от мексиканского общества шахт — для которого он создал планы и карты местности — финансовую поддержку, выступал в ро-

ли лектора и портретиста, а в свободное время, будучи поистине неутомимым тружеником, делал зарисовки мексиканских древностей. При всем том он и впрямь держал себя как «слегка помешанный».

Правительство Мексики дало гостю из Европы официальное задание: исследовать древности Паленки. «От имени правительства Мексики» он упрашивал индейцев

Жан-Фредерик граф фон Вальдек сделал в Паленке более 100 рисунков.

помочь ему в проведении работ по расчистке развалин, но индейцы хотели получить деньги, а не обещания далекого правительства, находящегося неизвестно где.

3000 мексиканских долларов, все, что было при себе у Вальдека, мигом растаяло под пылающим солнцем Мексики, словно кусочек масла, даже не успевший попасть на ломоть хлеба. Тем не менее Вальдек не отчаивался и продолжал свой труд. Часто, покинутый всеми своими спутниками, претерпевая мучения от тропического климата, он просто брёл к какому-нибудь храму, поросшему буйной тропической растительностью, и, положив блокнот на колени, целыми днями под палящим солнцем Паленки делал все новые и новые зарисовки, число которых перевалило за 100. Чтобы хоть немного спастись от ядовитых болотных туманов, неистовых ливней и безжалостных насекомых, граф обосновался на развалинах одного из храмов, выбрав один из залов, похожий скорее на тюремный каземат. Он стал первым человеком, подобравшим себе квартиру в одном из «каменных домов» с тех пор, как майя покинули Паленку! Сегодня здание, в котором решил обосноваться Вальдек, ласково-иронично называют «храмом графа».

Граф Жан-Фредерик, у которого древности Паленки вызвали восторг и восхищение, первым обнаружил на резных рельефах изображение головы слона. После этого открытия он решил, что древняя Паленка была построена каким-нибудь народом, переселившимся на эти земли из Африки или Азии. Слоны, открытые Вальдеком, и сегодня не дают покоя ученым. Дело в том, что на протяжении последних 12 000 лет в Центральной Америке не было ни слонов, ни мамонтов! Итак, остается одно из двух: либо Паленка была основана народом, переселившимся сюда и видевшим слонов у себя на родине... либо она гораздо старше 12 000 лет...

Смею заметить, что дебаты и споры о происхождении слонов, обнаруженных Вальдеком, продолжаются до сего дня. Некоторые специалисты, наделенные особым видением, склонны усматривать в головах слонов стилизованные «маски бога дождя». А ничего не смыслящие дилетанты, как и сам Вальдек, видят в них всего лишь головы слонов.

Итак, на древних рельефах Центральной Америки, вне всякого сомнения, изображены именно головы слонов. На стене храма в Монте-Альбан, древнем комплексе, лежащем сегодня в руинах, который находится в 250 км к юго-востоку от Мехико-сити, мне удалось сфотографировать голову слона с расправленным хоботом, которую просто невозможно принять за «маску бога дождя». Чтобы увидеть в головах слонов, открытых Вальдеком, пресловутые «маски бога дождя», надо обладать поистине галлюциногенным воображением, но это уже вопрос не археологии, а психиатрии. Но возникает вопрос: а каким же образом в Монте-Альбан могли появиться изображения головы слона? Монте-Альбан, лежащий в долине Оаксака, и Паленку, расположенную в дебрях тропических лесов в Чиапасе, разделяют как минимум 500 км; при этом оба города, по мнению ученых, были возведены примерно в одну и ту же эпоху — между 500 г. до н. э. и 600 г. н. э.

Для Вальдека два года, проведенных им на развалинах Паленки, стали настоящим испытанием. Он выходил из себя, когда видел, как местные жители нередко сбивают со стен фрагменты рельефов, чтобы продать их туристам. С явной неприязнью встречал он и заезжего визитера, опасаясь, что тот тоже начнет делать зарисовки «его», Вальдека, находок.

Вконец обнищавший, расстроенный, но по-прежнему преисполненный надежд, Вальдек весной 1834 г. отправился в Кампече, в бухте в окрестностях которого

Вальдеку удалось передать характерные черты искусства майя куда ярче и выразительнее, чем многим современным фотографам.

испанцы впервые высадились в этих краях в 1517 г. Там он рассчитывал продать свои рисунки за хорошие деньги. Прибыв туда, граф узнал, что правительство, по поручению которого он работал в Паленке, давно свергнуто, а новым хозяевам Мексики он не доверял. Поэтому он решил на всякий случай сделать копии своих рисунков, а оригиналы передал одному британскому чиновнику. Увы, чутье не обмануло Вальдека. Очень скоро к нему явился посланник местного мэра, который арестовал багаж Вальдека и забрал все его рисунки — к счастью, копии! Мексиканские газеты неожиданно, как по команде, опубликовали статьи, в которых Вальдека обвиняли в том, что он будто бы действовал в Паленке как вандал и пытался похитить национальные сокровища Мексики. Никаких опровержений не последовало.

С гневом и досадой граф покинул Мексику, которую успел полюбить. Возвратившись в Европу, он поселился с семьей в Париже. В 1838 г. Вальдек опубликовал книгу

«Романтическое путешествие на Юкатан», поместив в этом издании 21 рисунок, оригиналы которых оставались у него.

Увы, эта книга, как и отчет Антонио дель Рио, не вызвала особого интереса. Будь то отчет о таинственных находках в Новой Испании или рассказ аристократа, побывавшего в далеких землях, в светских салонах Парижа стало модным обращаться друг к другу с вопросами типа: «Вы слышали, мадам? В ужасных лесах Новой Испании найдены удивительные каменные развалины!» И хотя ученые тоже были наслышаны о книге Вальдека, надо признать, что практически никто из них не проявил интереса к разгадке тайны Паленки.

Два сапога — пара

В числе немногих, заинтересовавшихся этой находкой, был и Джон Ллойд Стивенс. Этот высокоодаренный человек, родившийся 18 ноября 1803 г. в Шрюсберри, Нью-Джерси, США, в 19 лет защитил диплом об окончании Колумбия-колледжа, а затем, после нескольких поездок, два года спустя поступил на службу в качестве адвоката в одну из контор на Уолл-стрит в Нью-Йорке. Стивенс произвел самое благоприятное впечатление на одного видного юриста, которому довелось слушать его заключительную речь и видеть, как она подействовала на присяжных. Итак, перед ним открылась перспектива самой блистательной юридической карьеры, но этому помешала внезапная болезнь голосовых связок. Стивенс весьма охотно последовал совету врачей, рекомендовавших ему отправиться для лечения в Европу. В самом деле, дальние путешествия еще со студенческой скамьи неудержимо влекли Стивенса. Этапами его нового маршрута стали Россия, Греция, Турция,

Польша, Египет и Святая Земля. Он изучал французский и арабский языки, некоторое время проработал в Египте гидом, с юмором и завидной наблюдательностью описывая свои приключения в письмах, которые он отправлял своим друзьям в Америку. Один из них решил опубликовать их — без ведома самого Стивенса — в своей статье, и молодой адвокат на следующее утро проснулся известным автором приключенческого жанра.

В Лондоне Стивенс посетил выставку «Панорама Иерусалима», на которой была представлена серия живописных работ художника Фредерика Кэтервуда. Он тотчас захотел познакомиться с художником, работы которого произвели на него столь сильное впечатление. И вот через несколько дней они встретились на приеме за чашкой чая. Кэтервуду тоже удалось немало поездить по свету, и он привез с собой из Средиземноморского региона целые папки совершенно фантастических рисунков, запечатлевших всевозможные древности. Любовь к путешествиям быстро сделала молодых людей друзьями. Они начали строить планы совместных путешествий, решая, куда бы им отправиться на сей раз.

Как оказалось, Кэтервуд читал и отчет капитана дель Рио, и книжечку Вальдека. Стивенс тоже был знаком с сочинениями по истории Юкатана; ему довелось прочесть служебную записку об исследованиях, осуществленных политическим авантюристом и археологом-любителем, полковником Хуаном Галиндо, настоящее имя которого — Джон, поскольку он был уроженцем Ирландии, появившимся на свет в 1802 г. Этот сорокатрехлетний искатель приключений подробно описывал в своем отчете храмы и развалины древних зданий, которые ему довелось повидать в Центральной Америке.

Обоим молодым людям, обуреваемым жадной приключений и страстным интересом к исчезнувшим цивилизациям, не давала покоя мысль о том, что все это —

следы некой высокоразвитой древней культуры. Но что же это могла быть за культура? Эти величественные дворцы явно были возведены не предками нынешних индейцев. Но кто же в таком случае воздвиг все эти башни, храмы и пирамиды, о которых сообщали капитан дель Рио, граф Вальдек, Дюпэ и Хуан Галиндо? Новые друзья были преисполнены решимости разгадать эту тайну.

Джон Л. Стивенс вернулся в Нью-Йорк и вновь занялся адвокатской практикой; вскоре он получил пост дипломатического уполномоченного Соединенных Штатов при совете стран Латинской Америки в Гватемале. Тут сыграли свою роль и удача, и связи. Стивенс стал дипломатом высокого ранга. Он получил международный паспорт, открывавший многие двери в зарубежных странах, имел в своем багаже рекомендательные письма влиятельных персон и, что не менее важно, имел теперь возможность списывать значительную часть расходов на организацию экспедиции за счет государственного бюджета. Тем временем Фредерик Кэтервуд тоже приехал в Нью-Йорк. Стивенс незамедлительно принял его на должность главного художника экспедиции и оплатил все расходы по переезду семейства Кэтервуда в Америку.

И вот 3 октября 1839 г. друзья наконец отправились в путь. Цель их путешествия была проста — отыскать руины неведомой культуры в Центральной Америке.

Начало научного изучения культуры майя

В ходе двух длительных, богатых всевозможными приключениями путешествий друзья-исследователи побывали на развалинах 44 древних городов и культовых центров. Они получили возможность найти подтвер-

Фредерик Кэтервуд. «Идиллия».

Этот рисунок навеян воспоминаниями о жизни среди древних руин.

ждение свои взглядам. Два их труда, увидевших свет в 1841 и 1843 гг., получили признание научных кругов и широкой публики. Первая из этих книг за первый же год выдержала целых 12 изданий и была переведена на

все основные языки мира. Стивенс написал первый бестселлер в истории археологии, в котором на скромных 60 страничках рассказывалось об открытиях, сделанных в Паленке.

Турист, сидящий в такси или отдыхающий в автобусе с кондиционером в салоне, направляясь к прекрасно отреставрированным руинам древних памятников, и понятия не имеет о тех невероятных трудностях, с которыми 150 лет назад пришлось столкнуться Стивенсу и Кэтервуду.

Сезон дождей уже начался, когда два друга, в сопровождении нескольких местных жителей из ближайшей деревушки Санто-Доминго де Паленка, прибыли на место будущих раскопок. Тропический лес буквально утопал в потоках ливня. Пробираясь сквозь болота и густые заросли джунглей, друзья не сразу заметили, где находятся знаменитые «каменные дома».

Стивенсу и Кэтервуду, как в свое время эксцентричному графу Вальдеку, не оставалось ничего другого, как обосноваться в первых мало-мальски подходящих руинах. После первой же ночи, проведенной ими под крышей и ставшей настоящим адом из-за несметных полчищ москитов, весь их багаж и одежда промокли до нитки; под проливными ливнями обувь и кожаные ремни размякли и стали скользкими, а инструменты, в том числе кирки, лопаты и ножи, покрылись слоем ржавчины. Тем не менее Стивенс с присущим ему юмором замечал: «Мы поняли, что забронировали себе местечко среди страдающих ревматизмом».

А вот топора, которым можно было бы расчистить тропу к развалинам, у них при себе не оказалось; единственным подходящим орудием был machete, заточенный с одной кромки и слегка изогнутый на конце большой нож, который всегда имели при себе местные индейцы. Стивенс платил им по 18 центов в день (немалые день-

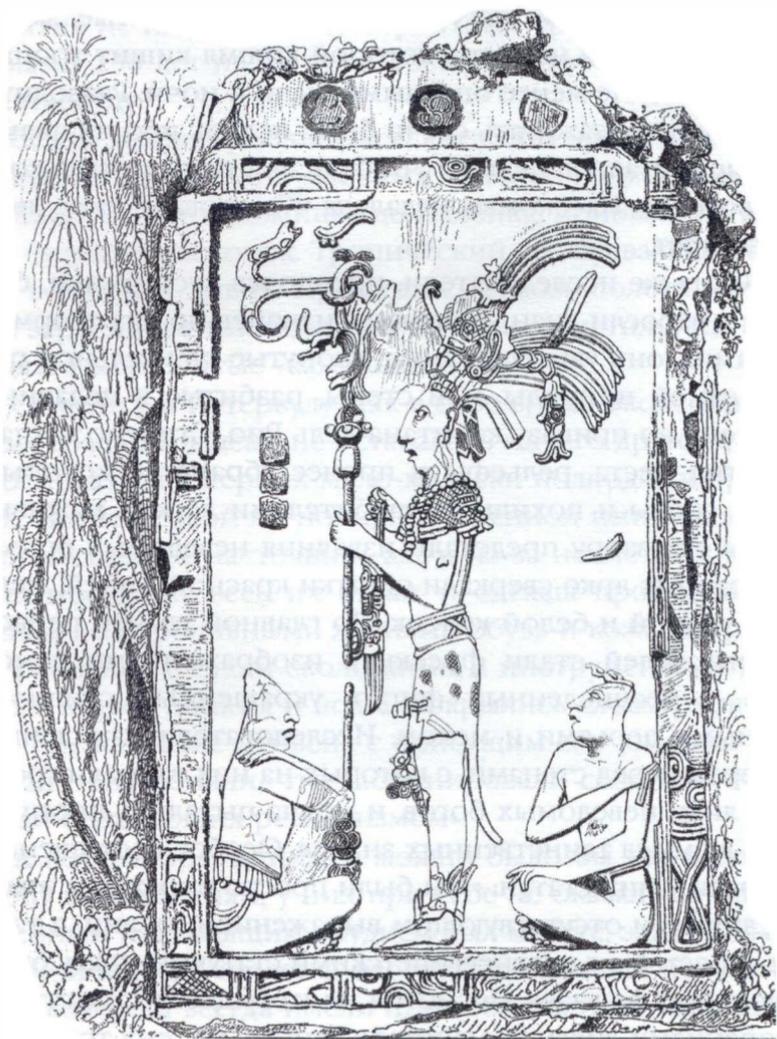
ги по тем временам), но они были очень ленивы, являлись на работу поздно, а уходили очень рано: «Иногда к нам приходили двое или трое индейцев, и редко кто из них приходил во второй раз, так что за время, что мы провели там, у нас успели поработать едва ли не все индейцы деревни».

Кроме комаров, «этих убийц всякого отдыха», днем людей на каждом шагу подстерегали ядовитые змеи, пауки и прочая нечисть, которой кишмя кишит тропический лес. Не менее опасными были и ночи. Разводить огонь и даже зажигать свечи было нельзя, ибо на пламя тотчас слетались целые тучи безжалостных мотыльков-кровососов. Насекомые издали чувствовали даже дым от сигарет.

Когда же исследователи, преодолев кустарники, болота и заросли лиан, добрались наконец до платформ и пирамид, они увидели камни, тронутые губительной рукой самой природы, или стены, разбитые в недавние времена по приказу капитана дель Рио. Стивенс тотчас заметил места, рельефы и прочее убранство которых были сбиты и похищены любителями легкой наживы. Затем его взору предстали изваяния неведомых богов, на которых ярко сверкали остатки красной, синей, желтой, черной и белой красок. Но главной удачей первооткрывателей стали фрески с изображениями демонов — бесчисленных фигур, украшенных стилизованными перьями и мехом. Исследователи изумленно замерли перед стенами, с которых на них взирали грозные лики неведомых богов, и молча пытались проникнуть в смысл таинственных знаков. Особое восхищение вызвали у них статуи: «Мы были просто поражены этим зрелищем и отсутствующим выражением их лиц, а также сходством с древнеегипетскими статуями, сразу бросающимся в глаза». Несмотря на кажущееся сходство с творениями древних мастеров Египта, где ему тоже до-

велось побывать, Стивенс тем не менее подчеркивал своеобразие культуры неведомого народа, построившего Паленку. «Все, что мы видели, было поистине великолепно, загадочно и достойно внимания».

«Мы были просто поражены этим зрелищем...» Один из рисунков Кэтервуда, запечатлевших памятники, открытые в Паленке.

Стивенс считал Паленку грандиозным памятником некоего народа, который возник и сформировался здесь и — без какого бы то ни было внешнего влияния или иноземных учителей — достиг высокого расцвета своей уникальной культуры. По его словам, «во всем обширном романе всемирной истории ничто не производило на него впечатления более сильного, чем этот прекрасный, огромный и живописный город». Здесь Стивенс, как и всегда, в свойственной ему шуточной манере и с характерной для него наблюдательностью передает свои впечатления от увиденного.

Справедливость его слов подчеркивают замечательные иллюстрации Кэтервуда, выполненные с особой тщательностью и любовью к предмету. Кэтервуд стал первым художником, сумевшим передать особенности искусства майя в стиле, свойственном только ему одному. Даже современные исследователи считают его рисунки непревзойденными видеодокументами, поскольку мелкие детали этих произведений, переданные им тонкими штрихами, не в силах запечатлеть никакая фотография. Таким образом, Стивенсу и Кэтервуду по праву принадлежит почетное название «основоположников научного изучения культуры майя».

Когда Стивенс и Кэтервуд шаг за шагом пробирались сквозь дебри, они и понятия не имели о подлинных чудесах, ожидавших их. Древние иероглифы еще не были расшифрованы, а удивительный календарь пребывал в неизвестности.

Паленка сегодня

Недавно отреставрированный церемониальный центр расположен на холмах и искусственных возвышениях «платформах», которые делит на западный и восточный

Паленка. Дворец, таинственный комплекс древних зданий.

секторы речка Отулум, протекающая через Паленку. Эта речка или, точнее сказать, ручей — тоже одно из чудес древнего комплекса.

Дело в том, что Отулум протекает по подземному каналу, в котором могут свободно пройти рядом друг с другом четыре человека. Продуманная канализационная система обеспечивала сток дождевой воды с крыш храмов. В нескольких метрах от Храма Надписей вода сбрасывалась в акведук и по подземным каналам поступала во «дворец».

Дворец, или *Эль Паласио*, представляет собой величественный комплекс зданий, возведенных на ступенчатой трапецевидной платформе. Он настолько сложен, что туристы легко могут заблудиться в нем.

Грандиозный комплекс разделен на множество больших и малых внутренних двориков, расположенных на разном уровне относительно горизонта. Сегодня они носят выразительные названия: Главный двор, Западный двор, Восточный двор и Двор башен; нижняя часть Южного двора получила элегантное прозвище: субтерранеум¹.

На западном фасаде дворца, имеющем наибольшую протяженность, доминирующее положение занимают пять квадратных столбов двухметровой толщины, сплошь покрытых резными изваяниями причудливых фигур. На одном из рельефов изображен «индеец» в сандалиях, прикрепленных к ногам ремешками. А под подошвами этих сандалий хорошо видны крошечные колесики. Тот, у кого хватит воображения, без труда узнает в этих сандалиях... обыкновенные ролики!

В стенах проделаны многочисленные Т-образные отверстия, представляющие собой символ бога солнца. На Восточном дворе найдена каменная плита размера-

¹Субтерранеум — подземный двор. (*Прим. перев.*)

ми 2,40 × 2,60 м, на которой вырезано ни много ни мало 262 иероглифических знака майя. Видимо, они представляют собой запись дат, изображения голов богов, мифологические сцены, символы людей и животных в телесном облике.

Этот поистине гигантский дворец делится каменными террасами на три основных уровня, расположенных один поверх другого. Размеры самого нижнего из них, лежащего прямо на земле, составляют примерно 100 × 80 м.

При виде *Паласио*, возвышающегося над раскаленной тропическим солнцем Паленкой, возникают неотвязные, как комары, вопросы: когда и зачем он был построен? «Спроси разумное — разумное услышишь», — считал мудрый оптимист Еврипид (около 480—406 гг.

Тот, у кого хватит воображения, без труда узнает в этих сандалиях... обыкновенные ролики!

до н. э.), знаменитый древнегреческий трагик. Однако на эти разумные вопросы обычно можно услышать нелогичные ответы: здесь якобы было жилище жрецов, женская обитель или дворец правителей.

Немало разумного довелось мне услышать из уст Белого Медведя — вождя индейцев хопи, живущих в резервации в штате Аризона. В частности, он рассказывал о некоем «университете», находившемся в древности на прародине их предков в Палаткапи. При виде Паленки мне сразу вспомнились его слова. В самом деле, ведь *Паласио* занимает в городе центральное место; в нем сохранились «аудитории» разной величины; там была «проточная вода» и целый ряд каменных туалетов, расположенных, так сказать, в «стратегических пунктах» комплекса. Туалеты были связаны с канализационными трубами, и экскременты отводились по подземным каналам.

На первом этаже, как рассказывал Белый Медведь, ученики изучали историю своего народа; на втором они знакомились с основами естествознания и химии, а на третьем постигали тайны астрономии и математики. Все эти описания вполне соответствуют сохранившемуся *Паласио*.

Миновав настоящий лабиринт комнат и двориков, поднимаемся на древнюю башню, высота которой — 15 м, а площадь основания — $7 \times 7,5$ м. Башня стоит на массивном цоколе; в ней, помимо первого, — три этажа, высота потолков в которых достигает 2,5 м. Широкие окна позволяют наблюдать небо во всех направлениях, а найденные здесь и уверенно идентифицируемые иероглифические символы планеты Венеры указывают на астрономическое назначение этого объекта.

Любопытно, что само архитектурное решение этой башни не вполне типично для майя. Более того, можно сказать, что эта башня — уникальное явление во всей

архитектуре майя. Сегодня ее обычно называют обсерваторией, а некоторое время назад ее считали дозорной башней. Дело в том, что для роли наблюдательных пунктов больше подходят пирамиды, расположенные на холмах, ибо они намного превосходят по высоте эту загадочную башню. Но дело в том, что майя вообще не знали дозорных башен; их города были практически беззащитными и не имели ни стен, ни прочих укреплений. Весьма любопытно, что внутри башни вообще не было входа на первый этаж, а на второй и третий вела очень узкая лестница.

В подземном своде, поверх которого возведен Паласио, были проложены переходы, ведущие в камеры. Самый длинный из таких переходов (протяженностью бо-

Во всех строениях дворца имелись каменные ватерклозеты, связанные с канализационными трубами.

лее 200 м) заканчивается лестничным маршем, который через особое отверстие в почве ведет к центру дворца. Джон Э.С. Томпсон, видный специалист в области изучения культуры майя, полагает, «что эти переходы использовались для небольших мистификаций в религиозных целях»; однако они вполне могли «использоваться и для церемоний, во время которых имитировалась связь с потусторонним (подземным) миром». Второе объяснение Томпсон считает более правдоподобным, поскольку все переходы богато украшены рельефами, а потайные ходы, напротив, никаких украшений обычно не имеют. Куда более простое решение предлагает археолог Пьер Иванофф: «Вполне возможно, что в древности здесь размещались подземные этажи или, что еще более вероятно, погреба, не представлявшие собой ничего достопримечательного». Но если эти подземные переходы и в самом деле не представляли собой «ничего достопримечательного» — хотя на самом деле это совсем не так! — почему же они расположены с таким тщанием и даже украшены рельефами? Еще большей чепухой выглядят объяснения, утверждающие, будто эти небольшие камеры служили... своего рода «баней». Сауна в климате, где и без того при малейшем движении пот градом катится изо всех пор! О старина Еврипид, как ты заблуждался!

На мой взгляд, куда более разумной выглядит гипотеза о том, что эти камеры использовались в качестве небольших лабораторий; здесь вполне мог существовать некий древний университет, где преподавались естественные науки. Камеры расположены в столь укромном месте для того, чтобы ничто не могло помешать ходу научных экспериментов. Моя гипотеза о том, что эти подземные камеры выполняли роль лабораторий, — не более чем предположение, но версию о том, что они служили «баней», никто не принимает всерьез. Вполне

возможно, что они служили и кладовыми или сейфами для хранения особо ценных вещей, взрывоопасных носителей энергии... или самых заурядных продуктов. Но баня? Нет, это просто нелепость.

Во дворце найдены трубы канализационной системы. Возможно, что в старину, когда *Паласио* еще использовался по прямому назначению, здесь работала и своеобразная система вентиляции. Система «проветривания» подземных помещений поистине впечатляет. Если допустить существование продуманной системы вентиляции, труднообъяснимый вопрос об освещении подземных помещений решается сам собой. Если кислорода там было достаточно, майя вполне могли использовать в качестве источника света смоляные факелы! О, это поистине квадратура круга: смоляные факелы необходимо было каким-то образом крепить к каменным рельефам, а никаких следов таких креплений не обнаружено. Мне кажется, уважаемые господа с факультета археологии упускают из виду возможность существования вентиляционной системы. Тогда наверняка найдется что-нибудь важное. А может, к таким поискам привлечь Скотленд-Ярд?

Имена — всего лишь прах и тлен

В научной литературе изобретенные ею названия храмов и пирамид обладают такой самоуверенной самостоятельностью, словно они были придуманы самими строителями. Между тем первоначальные названия всех этих знаний неизвестны; более того, даже само название «Паленка» явно не принадлежало древним создателям города.

Испанское слово *паленка*, означающее «огражденное место» или «площадка для турниров», можно также

перевести как «место, огражденное палисадами». Специалисты — с полным на то основанием — полагают, что название «Паленка» происходит от одноименной ближайшей деревушки. Когда первые испанские поселенцы основали здесь свою деревню, это место называлось *не просто* Паленка, а *Санто-Доминго де Паленка*. В XVI в. дебри тропических лесов, разумеется, не могли именоваться «площадкой для турниров», да и значение «ограждение» тоже маловероятно. Не подходит и перевод «место, огражденное палисадами», поскольку это указывает на укрепление, а тогдашняя мини-деревня Паленка никак не походила на крепость.

Существует ли разгадка этой тайны? Я полагаю — да!

Для меня живым свидетелем славной истории майя был и остается Белый Медведь. Так вот, по его рассказам, во времена его далеких предков существовало некое таинственное место под названием *Палаткапи*, где среди простых индейцев жили легендарные катчина, пришельцы из Вселенной. Не естественно ли предположить, что индейцы перенесли это название на новую деревушку, построенную испанцами, а те, в свою очередь, несколько изменили его звучание согласно нормам своего языка? Так через некоторое время Палаткапи превратилось в Паленку, а тривиальное Санто-Доминго приобрело колоритное уточнение — *Санто-Доминго де Паленка*.

В наши дни развалины древней Паленки находятся всего в десяти километрах от прежней деревни Санто-Доминго де Паленка, успевшей с тех пор превратиться в город, расположенный прямо на железнодорожной линии, связывающей Коацакоалькос с Кампече. От большого и шумного города Виллахермоса, столицы федерального штата Тобаско, до цели нашего путешествия, лежащей в 108 км от него, можно добраться на автобусе

по широкому шоссе. Впрочем, гораздо быстрее туда можно попасть и на легком двухмоторном самолете.

Надеюсь, после этих объяснений читателю ясно, что такие названия, как Храм Креста, Храм Лиственного Креста и Храм Солнца, показались бы более чем странными строителям, не имевшим к ним никакого отношения.

Храмы и храмы, цифры и цифры

На самом верхнем из четырех уровней одной из пирамид высится так называемый Храм Солнца. Площадь его основания представляет собой квадрат со стороной 23 м. Толщина его стен в верхней части достигает 1 м; высота его — по гребню крыши — 19 м, а передний фронтон, как, впрочем, и боковые стены, украшен замечательными каменными рельефами. Во внутреннее святилище — санктуарий — ведут три входа. Здесь, в небольшой камере, находится плита Солнца, давшая название храму.

Плита Солнца представляет собой хорошо сохранившийся рельеф величиной 3 × 1,1 м; она напоминает щит, на котором высечены два скрещенных кинжала, украшенных перьями. Считается, что изображенный на нем лик — это солнце в ипостаси ягуара. Я долго пытался разглядеть солнце или ягуара, но, увы, мне это так и не удалось. Наверное, чтобы увидеть это, на него надо смотреть глазами специалистов, да еще вооружиться их комментариями. В композиции рельефа справа и слева изображены жрецы, стоящие «на поверженных телах рабов». А может быть, это — символические изображения богов, перемещавшихся по миру на хребтах простых смертных? Окончательного мнения на сей счет не существует.

Эту загадочную сцену дополняют несколько серий иероглифов. Всемирно известный исследователь культуры майя Герберт Шпинден сумел расшифровать эти надписи, и, помимо более поздних дат, таких, как 613 г. до н. э. и 176 г. н. э., обнаружил и удивительно раннюю, а именно — 14 октября 3373 г. до н. э. В ходе дебатов с другими учеными древнейшая дата была несколько скорректирована; теперь считается, что это — 11 августа 3114 г. до н. э. Эта дата и является точкой отсчета в календаре майя.

Храм в Паленке связан со многими датами, на что не раз обращали внимание специалисты. Так, например, бесспорными являются даты жизни Пакаля, повелителя майя, который родился в 603 г. н. э. и умер в 683 г. Удалось даже вычислить время упадка Паленки: последний из иероглифов-дат относится к 780 г. н. э.

Профессор Шпинден расшифровал следующие иероглифические даты:

— В Храме Креста:	7 февраля 3379 г. до н. э.
	8 апреля 3371 г. до н. э.
	21 декабря 2619 г. до н. э.
— В Храме Солнца:	25 декабря 2619 г. до н. э.
— В Храме Лиственного Креста:	8 января 2618 г. до н. э.
	20 апреля 2584 г. до н. э.

Даже если новейшие научные взгляды, утверждающие, что от всех этих дат следует отнять ровно 260 лет, справедливы, все равно получаются даты, уходящие в глубины незапамятной древности, когда майя не могли воздвигнуть эти памятники. Дело в том, что в эпоху, к которой относятся эти иероглифические даты, самих майя еще просто не существовало!

Здесь мне остается лишь молча развести руками. Старый мудрый Белый Медведь, вождь индейцев племени хопи, рассказывает, что, по преданию, предки его народа переселились в Центральную Америку из Юж-

ной Америки. Интересно, не удержали ли индейцы в памяти хотя бы самую важную из всех древнейших дат своей истории? Быть может, таинственная и невероятная дата начала календаря майя — 11 августа 3114 г. до н. э. — это и есть тот самый день, в который катчина спустились с небес? Тогда следующая дата, 21 декабря 2619 г. до н. э., возможно, представляет собой день, когда предки будущих майя, покинув свой родной континент — Касскара, — высадились на побережье Южной Америки? А дата 20 апреля 2584 г. до н. э., возможно, показывает начало великого переселения народов с юга на север. Кто знает?

Увы, этого мы не знаем. Однако мы вполне можем с высокой степенью вероятности утверждать, что числа, указанные в надписях, вовсе не являются плодом вымысла. Дело в том, что они слишком точны и к тому же их слишком много. Я еще мог бы допустить подобное, если бы существовала одна-единственная дата, которую предполагаемые изобретатели календаря взяли за отправную точку отсчета. Но здесь перед нами — целый венок загадочных дат, охватывающий несколько тысячелетий, что заставляет решительно отвергнуть всякую мысль о вымышленных датах, «сочинительство» которых некоторые специалисты приписывают жрецам майя.

В Паленке найдены и расшифрованы астрономические таблицы лунных циклов. Наиболее типичными являются циклы, состоящие из 7260 и 144 000 дней, но известны и циклы продолжительностью 18 700 или 370 000 лет. Путем расчетов установлен поистине невероятный период — 455 393 401 день, что составляет — без учета високосных годов — фантастическую цифру: 1 247 653 года.

Разумеется, столь громадные циклы в рамках человеческой истории попросту невозможны. С периодами продолжительностью в сотни тысяч и миллионы лет людей могли познакомить только боги.

Сенсационная находка под храмовой пирамидой

Среди множества прекрасных и уникальных зданий так называемый *Темпло де лас инскрипционес*, то есть Храм Надписей, по праву считается самым загадочным. Он расположен в юго-восточном углу *Паласио*, возле холма, который археологи считают природным тектоническим образованием. Холм этот имеет четкое членение и делится на четыре террасы. На вершине его сохранился храм и развалины трех небольших построек, расположенных по одной оси. Линия, служащая их мысленным продолжением, идет параллельно нижнему уровню (террасе) храма и направлена прямо на западный фасад большого, вытянутого в длину здания. Холм,

Храм Надписей.

поросший густым лесом, закрывает комплекс с юга. Между тем пирамиды майя свободно просматривались со всех сторон. Мне лично кажется, что именно в этом холме, считающемся естественным природным образованием, ученых могут ожидать поразительные археологические находки.

Храм Надписей венчает собой 16-метровую пирамиду, состоящую из девяти стоящих друг на друге цоколей. С площадки перед храмом вниз, к главному святилищу, ведет крутая лестница, состоящая из 60 ступеней; пять открытых входов перемежаются с шестью колоннами, сплошь покрытыми резными рельефами. В интерьере храма сохранились замечательные плиты с резными рельефами, украшенными 617 иероглифами, которым храм обязан своим нынешним названием — Храм Надписей. А глубоко внизу под храмом находится объект, открытый в 1949 г. и по праву считающийся величайшей археологической сенсацией Центральной Америки.

Таинственный грот, скрытый под пирамидой!

Доктор Альберто Руз Луильер, мексиканский археолог, родившийся в Париже, распоряжением Национального института антропологии и истории Мексики был назначен руководителем раскопок в Паленке. В сухой сезон, продолжающийся с апреля по июль, он лично возглавлял работы в здешних местах.

Особенно большой интерес проявлял Руз к Храму Надписей. С одной стороны, это объяснялось тем, что храм расположен на большой высоте на самой вершине пирамиды; с другой — тем, что исследователи — предшественники Руза не уделили этому святилищу должного внимания.

Руз работал здесь с раннего утра до позднего вечера. Однажды он наблюдал за раскопками, проводившимися внутри храма. Внезапно он заметил на полу какой-то стык и велел осторожно расчистить этот участок. Стык оказался одной из сторон правильной прямоугольной плиты. В этой массивной плите было сделано двенадцать отверстий, расположенных шестью парами по внешнему краю. Руз попытался выяснить, куда ведет задняя стенка, и установил, что она не кончается на поверхности и уходит под плиту.

Доктор распорядился принести рычаг и поместить его между стыком и отверстиями. Поначалу его рабочие выбивались из сил, но все было напрасно; однако затем тяжеленная плита сантиметр за сантиметром начала подниматься. Теперь им больше не мешали ни полчища москитов, ни болотные испарения. Ученый и его спутники с волнением и любопытством вглядывались в темноту, зиявшую под полом. Постепенно их глаза привыкли к тьме, и они увидели каменные плиты. Это было начало лестницы, которая вела куда-то вниз... Придя в себя после шока, они догадались, что внутри пирамиды находилась некая лестница с прекрасно обтесанными ступенями. Осмотрев стены, исследователи с удивлением обнаружили, что они выглядят как полированные. Однако спускаться вглубь мешали земля и камни. Оказалось, что лестница засыпана землей и галькой.

Работы по расчистке стали настоящим мучением. Чем глубже спускались археологи, тем плотнее была спрессована земля и тем массивнее были каменные глыбы. Рабочие принесли было керосиновую лампу, но воздух был спертый, и кислорода в нем оказалось слиш-

Стр. справа: Чтобы расчистить эту крутую, почти вертикальную лестницу, Альберто Рузу потребовалось три года упорного труда.

ком мало. В узкой шахте рабочие, скорчившись в три погибели, передавали друг другу из рук в руки камень за камнем, которые затем поднимались на поверхность; каждая лопата и каждое ведро земли давались с большим трудом.

К концу первого сезона раскопок удалось расчистить 23 ступени. Альберто Руз был твердо убежден, что на следующий год им удастся завершить работы и разгадать тайну древней пирамиды. Он высказал предположение, что лестница могла вести во внутренние камеры пирамиды или служить потайным ходом, идущим в соседний храм.

На протяжении следующего сезона раскопок археологам удалось расчистить еще 21 ступень. Тот факт, что каменный марш лестницы вел на запад, служил аргументом в пользу гипотезы о подземном ходе: он вполне мог соединять этот храм с другим храмом или зданием. Но затем — дело происходило уже в 1950 г., — когда ученые расчистили 45-ю ступень, им встретилось нечто неожиданное: там оказалась площадка, на которой ход делал U-образный разворот. Далее ход направлялся... на восток, в сторону геометрического центра пирамиды.

Электрическое освещение существенно облегчило работы. Воздух внизу стал еще более спертым, так что было трудно дышать. Древний лестничный марш высотой целых 15 м стал единственным связующим звеном с внешним миром.

1951 год. Рабочие проникли еще глубже в толщу земли. Внезапно в одной из стен было обнаружено квадратное отверстие. И поскольку оно вело в толще стены куда-то наверх, из него повеяло свежим ветерком, и рабочие смогли, что называется, перевести дух и отдышаться. Отверстие это оказалось выходом древней вентиляционной шахты, которая шла сквозь восьмиметровую толщу стены от западной грани пирамиды. Благодаря притоку свежего воздуха работа пошла быстрее, и рабо-

чие откопали остальные 13 ступеней лестницы. На уровне 66-й ступени располагался маленький узкий коридор. Но сезон раскопок на этом пришлось завершить. На этот раз доктор Руз высказал твердую уверенность в том, что в следующем году им удастся достичь цели: ведь до уровня горизонта пирамиды оставалось всего 3 м.

1952 год. На пути археологов вновь встретилась стена камней и цемента, серьезно затруднившая работы. Исследователи в отчаянии остановились перед второй стеной, в которую был вмурован глиняный сосуд. В нем были найдены две серьги и семь украшений из нефрита, три маленькие раскрашенные глиняные таблички и прекрасная огромная жемчужина диаметром 13 мм. Быть может, обе эти стены прикрывают вход в древнюю сокровищницу?

В 1952 г. Руз и рабочие его экспедиции изумленно замерли перед этой странной треугольной дверью.

Однако этот поистине сизифов труд еще далеко не был окончен. Были расчищены еще несколько ступеней, и на пути археологов вновь встретилась еще одна стена, на этот раз — четырехметровой толщины. На ее устранение потребовалась еще целая неделя. Стена скрывала главную святыню — саркофаг, в котором находились останки пяти мужчин и одной женщины.

И вот 15 июля 1952 г. доктор Руз со своими сотрудниками подошел к странной каменной плите, похожей на треугольную дверь размерами 1,6 × 2,45 м. Она была приоткрыта; в просвет шириной не более ладони были направлены мощные электрические светильники. Руз, подойдя, прижался щекой к влажной поверхности камня, пытаясь заглянуть внутрь, и действительно увидел нечто невероятное:

«Поначалу я увидел большую пустую камеру, похожую на ледяной грот, стены и своды которого были отполированы до блеска, или карстовую пещеру, с потолка которой свисали целые гирлянды сталактитов, похожих на огромные оплывшие свечи».

На поверхности стен, сплошь покрытых резными рельефами и изваяниями, сверкали кристаллы соли, похожие на снежинки, а весь пол в крипте был закрыт монолитной плитой, испещренной загадочными иероглифами.

Когда дверь удалось приоткрыть настолько, что в нее смогли протиснуться люди, восхищенные и недоуменные взоры вошедших обратились к потолку, точнее — к сталактитам, свисавшим с него.

Если бы это был некий единый массивный сталактит, можно было бы сравнительно легко подсчитать, каков примерный возраст этой камеры и как давно в нее не ступала нога человека! Дело в том, что сталактиты, каповые образования, свисающие с потолка (или сталагмиты, растущие от земли вверх), каждый год увели-

Пол в крипте.

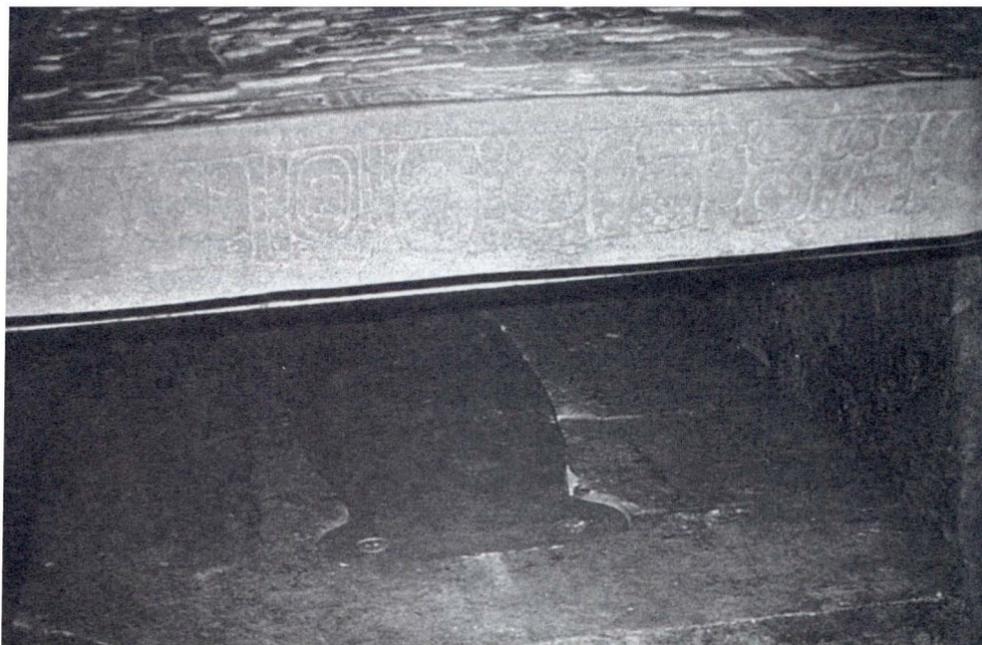
чиваются на несколько миллиметров или сантиметров. Известковые сталактиты растут куда быстрее, чем гранитные. Подземная крипта, открытая доктором Рузом, имела девять метров в длину, четыре в ширину и семь — в высоту. На протяжении многих веков и тысячелетий, пронесшихся над Паленкой, влага тропических лесов проникала сквозь стены. Однако мне так и не удалось получить от специалистов, разбирающихся в подобных вещах, ответ на вопрос о том, с какой скоростью могут расти многослойные сталактиты.

На протяжении тех веков, когда этот храм активно использовался древними жрецами, никакой дождь, разумеется, не мог проникнуть сквозь стены пирамиды, ибо майя весьма заботились о своих церемониальных зданиях. Все беды этой крипты начались с тех пор, ко-

гда мая по непонятным причинам внезапно покинули город храмов. А поскольку выдергивать сорняки со стен и сводов зданий теперь было уже некому, семена и ростки всевозможных тропических растений тотчас набросились на святилище, начав свою разрушительную работу и быстро превращая величественные сооружения в руины. Дожди в Паленке идут часто и подолгу, полуостров Юкатан расположен в одной из самых низменных, болотистых зон Мексики; однако и в этих местах бывают сравнительно засушливые месяцы. Вообще говоря, в пирамиде много плит из известняка.

На мой взгляд, трудно понять, почему геологи, метеорологи и физики совместными усилиями никак не могут определить, на сколько миллиметров или сантиметров в год растут сталактиты при подобных условиях. Быть может, подобная датировка рано или поздно поможет определить возраст Храма Надписей и даже

В этом саркофаге, вес которого превышает 20 тонн, покоятся останки неизвестного мужчины.

истинный смысл календарных дат, до сих пор остающихся нерасшифрованными.

Крипта, расположенная по оси север—юг, расположена на два метра *ниже* уровня платформы, на которой стоит Храм Надписей, и, следовательно, на два метра *ниже* горизонта основания пирамиды. На резных рельефах на стенах изображена процессия жрецов в богатых одеждах, шествующих куда-то. А пол в крипте накрывает огромная плита длиной 3,8 м, шириной 2,2 м и толщиной 25 см, выполненная из монолитной глыбы. Вес плиты, по оценкам археологов, составляет около 9 тонн.

Когда плита была поднята, взорам ученых предстал массивный 20-тонный саркофаг, в котором покоились останки неизвестного мужчины. Возле скелета были найдены украшения из яшмы, серьги с выгравированными на них иероглифами и жемчужное ожерелье. Странная деталь: из саркофага в коридор пирамиды вела глиняная трубка. Для чего? Вероятно, для того чтобы позволить духу умершего покинуть саркофаг. Но не столь же резонно предположить, что трубка эта предназначалась для отвода ядовитых газов, образующихся при разложении трупа?

Сегодня в научной литературе часто можно прочесть о том, что останки, покоящиеся в саркофаге, якобы принадлежат Пакалю, повелителю Паленки. Но сколь бы громкими ни были подобные голоса, это утверждение не соответствует действительности.

Сохранились иероглифы с датами, ясно показывающие, что правитель, погребенный в саркофаге, правил на удивление долго — с 603 г. н. э. по 683 г. н. э. Получается, что Пакаль вступил на трон примерно в двенадцатилетнем возрасте и правил около семидесяти лет. Достигни он такого возраста, Пакаль с полным основанием

мог бы считаться среди майя настоящим Мафусаилом¹, поскольку средняя продолжительность жизни у них была совсем короткой, составляя около 35 лет.

Доктор Руз утверждает, что даты, указанные на надгробной плите, «нельзя понимать буквально, поскольку они повторяются через каждые 52 года». Ученые попытались отыскать иероглифы, имеющие прямое отношение к текстам в погребальной камере, и действительно нашли их в *Паласио*. Вскоре в научных кругах появилось мнение, что на надгробной плите указаны другие даты: 603 и 633 гг. н. э. Однако это неверно. На самом деле иероглифы с датами, высеченные на надгробной плите, представляли собой, как подчеркивает доктор Руз, всего лишь циклические знаки, и их необходимо проверить по другим датам, сохранившимся вне этого храма. И оказалось, что данные расчетов не совпадают. Если речь идет о циклических данных, то даты правления Пакаля — 603—683 гг. н. э. — неверны, и датой его кончины следует считать 633 г. Но тогда получается, что надгробная плита была сделана за 50 лет до смерти Пакаля и на ней указана мнимая дата смерти. Боже правый!

Помимо этих иероглифов-дат, на надгробной плите сохранилось и весьма любопытное изображение. Если плита действительно должна увековечить память правителя Пакаля, вполне естественно предположить, что на ней будет изображен именно он. Или?.. Нет, уверенно говорят ученые, это не Пакаль, а Йюм Кокс, бог маиса! Так кто же на самом деле изображен на надгробной плите?

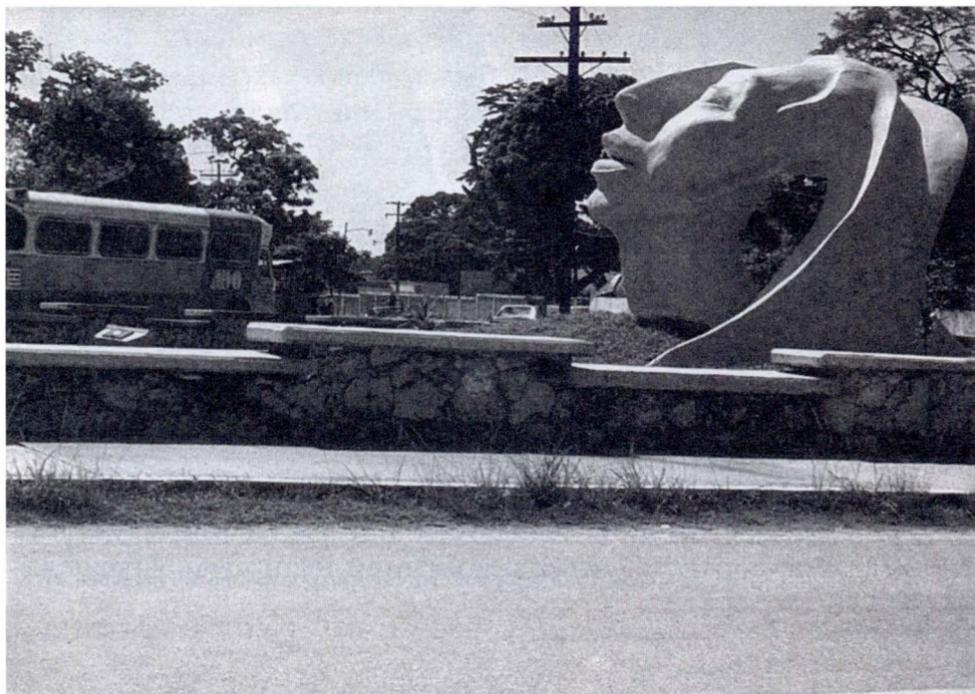
¹ Мафусаил — один из ветхозаветных патриархов, синоним долгожителя. «Всех же дней Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет», Бытие, 5:25. (*Прим. перев.*)

Прощание с Паленкой

Кажется, с 1965 г., когда я в последний раз побывал в Паленке, здесь изменилось все или почти все! В Виллахермосе появился новый аэропорт, а шоссе, соединяющее Виллахермос с Кампече, наконец-то заасфальтировано. Там, где каких-нибудь 20 лет назад шумели сплошные тропические леса, раскинулись луга и поля процветающих фермерских хозяйств. А Пакалю, последнему индейскому правителю Паленки, при подъезде к городу, служившему некогда его резиденцией, поставлен памятник. Каменный лик владыки пристально вглядывается в небо, словно Пакаль хочет первым заметить возвращение богов.

Санто-Доминго де Паленка в наши дни выглядит чистеньким, уютным городком, старающимся развлечь

Этот памятник Пакалю, последнему правителю Паленки, и в наши дни пользуется особым почитанием у индейцев.

туристов, приезжающих в эти места, привычными забавами, и в первую очередь — дискотеками. При некоторых отелях устроены плавательные бассейны со «спокойной» (отель «Лас Руинас») или проточной (гостиница «Натутун») водой, однако по-прежнему нерешенной остается главная проблема — чистота кухни. Тех, кто не желает сам чистить местные фрукты и питаться тщательно проваренными овощами, телятиной, говядиной или свининой, незамедлительно настигает месть Монтесумы. Проголодавшиеся могут отвести душу цыплятами гриль или жареной рыбой.

Пабло Суттер, мой земляк-швейцарец, который вот уже более четверти века живет в Паленке, свободно владеет шестью языками и считается здесь самым большим полиглотом среди гидов. Мы разговорились с ним на верхней площадке Храма Надписей. Внизу, вокруг храма, не иссякал поток туристов. Мы же обсуждали весьма важную тему: откуда именно могли прийти сюда майя?

— На прошлой неделе я проводил экскурсии с группой русских туристов, и мы тоже затронули этот вопрос. Я рассказал им, что существует мнение, что Американский континент был заселен выходцами из Азии, перебравшимися сюда через Берингов пролив, который в древности был совсем узким. Услышав это, русские рассмеялись. В прошлом году, заявили они, в Северном ледовитом океане температура воздуха достигала -61°C , а несколько лет назад опускалась даже до отметки -74°C . При таких морозах все живое, передвигающееся на двух или четырех ногах, мигом промерзнет до костей и превратится в глыбу льда.

Затем герр Суттер поглядел на меня задумчивым взглядом и продолжал:

— Люди по доброй воле никогда не пойдут навстречу смертельной опасности и губительной стуже, не имея представления о конечной цели пути. Предпола-

Мой земляк Пабло Суттер проводит экскурсии на шести языках.

Туристы разочарованно останавливаются перед железной решеткой.

гаемые доисторические переселенцы, якобы пересекавшие Берингов пролив, не имели и не могли иметь ни малейшего понятия о том, куда приведет их этот путь. Нет и еще раз нет! Пора наконец покончить с этими бреднями о переселении через Берингов пролив!.. — Помолчав немного, он добавил: — Знаете ли, я не хочу упоминать об этой теории даже в шутку; предпочитаю придерживаться более серьезных взглядов...

— Но тогда откуда же, по-вашему, майя пришли в эти места?

— Из Азии! — как нечто само собой разумеющееся, отвечал Пабло Суттер. — Они высадились на тихоокеанском побережье Гватемалы, перебрались через древние вулканические горы и основали свое первое крупное поселение в Тикале.

— В Тикале? Почему же именно в Тикале?

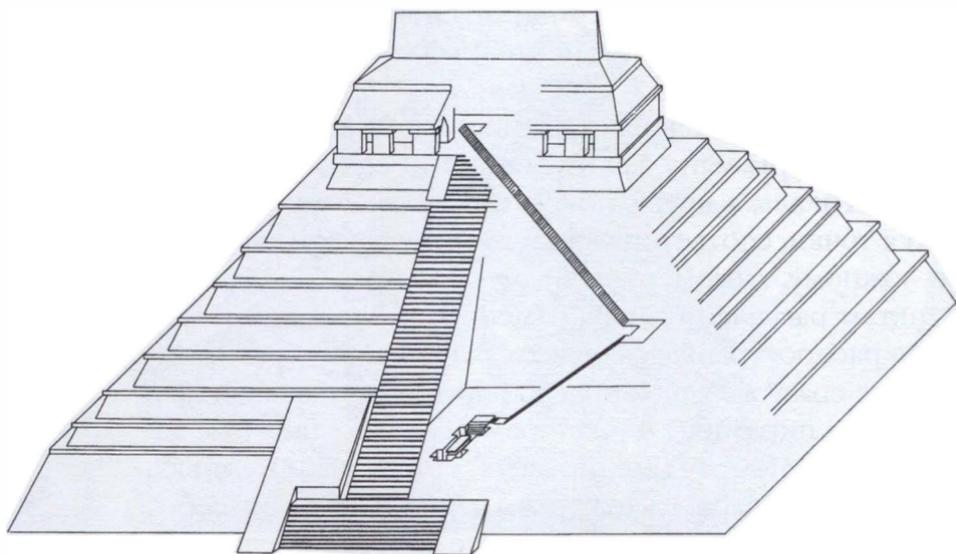
Вместо ответа уважаемый знаток местных древностей извлек из кожаной сумки, висевшей у него на пле-

че, карту и разложил ее прямо на земле. Взглянув на карту, я заметил, что на ней нанесены странные концентрические круги.

— Видите, Тикаль находится в самом центре, в колыбели культуры майя. Если установить один конец циркуля в Тикаль, а другим очертить круги, то у вас получатся точки, соответствующие самому северному, самому южному, самому западному и самому восточному пунктам расселения майя. Именно из Тикаля империя майя распространялась во всех направлениях.

Мне сразу же вспомнился вопрос, который, взирая с вершины пирамиды на панораму Тикаля, задал мне Хулио Чавес: «Почему именно здесь, дон Эрик?» Да, Тикаль действительно расположен в самом центре империи майя, и тем не менее утверждение Суттера представляется не вполне корректным. Если бы Тикаль с самого начала был задуман как центр и ядро будущего государства, то непременно существовали бы «указатели», показывающие, что тот или иной город находится там-то и там-то, на таком-то расстоянии от него. Более того, переселенцам из Азии, приди они сюда, наверняка было бы известно колесо. Между тем майя, как мы знаем, колесом не пользовались.

Во время нашей беседы я обратил внимание на поток любопытных посетителей, теснившихся у входа в погребальную камеру. Самой собой разумеется, я тоже захотел попрощаться с «богом астронавтов». Воздух был в прямом смысле слова душным и спертым; к тому же лестница, ведущая в шахту пирамиды, была едва освещена. Спустившись вниз, я испытал сильное разочарование: оказалось, что погребальная камера закрыта толстой железной решеткой и даже забрана — разумеется, из соображений безопасности — проволочной сеткой, сквозь которую очень трудно было что-нибудь разглядеть. Кроме того, там было установлено и толстое

Попасть в погребальную камеру можно, только спустившись в нее из Храма Надписей.

защитное стекло, которое в душном и сыром воздухе было покрыто испариной, мешавшей заглянуть в камеру... Увы, мне так и не удалось сфотографировать наиболее интересный артефакт Паленки и едва ли не самый ценный памятник культуры майя...

Ясно, что такие уникальные памятники, как надгробная плита из Паленки, необходимо защищать от рук беззастенчивых посетителей. Однако это можно сделать как-то иначе и обойтись без железной решетки. Не означает ли подобная тройная защита нечто большее, чем простая забота об охране памятника? Основанием для подобной подозрительности послужило одно наблюдение. Дело в том, что в местах, где индейцы обычно продают всевозможные художественные сувениры, чаще всего — изображения жрецов или иероглифы, вырезанные из стеатита, 19 лет тому назад были обнару-

жены сувениры, представляющие собой... копии фрагментов рельефов с надгробной плиты. Неужели началась тотальная распродажа древних реликвий? Получается, что смекалку индейцев явно недооценивали; они сумели в кратчайшие сроки в мелких семейных мастерских создать эти сувениры и обеспечить их постоянные поставки на рынок. Блуждая по улочкам Паленки, я отыскал нескольких камнерезов. Они работали, что называется, не покладая рук: вырезали, гравировали, обтачивали, полировали всевозможные рельефные поделки. Образцами для них служили рельефы на стенах культовых зданий древних майя, и над воссозданием подобных «репродукций» надгробной плиты трудилось немало ремесленников. Не исключено, что моя интерпретация — какая честь для меня! — положит основу для новой школы... В Антропологическом музее Мехико-сити представлена на удивление точная художественная реплика надгробной плиты, но сфотографировать ее мне не позволили. В музее, видите ли, запрещены фотокамеры со вспышкой; более того, запрещено даже становиться на скамеечку и класть камеру на парапет, ограждающий место, где хранится плита. Право, разглядеть рельефы и скопировать их по силам разве что акробату, обладающему поистине резиновой гибкостью... Мне рассказывали, что каких-нибудь два года назад в магазинчиках и сувенирных лавках при отелях продавались каменные поделки-копии плиты, а также афиши и календари с ее полным изображением. Поскольку мне хотелось увидеть ее своими глазами, я заказал одному торговцу достать мне хорошую копию одного из фрагментов плиты. «Видите ли, я уже больше не имею права делать то, что хочу», — таков был ответ. Торговец доверительно поведал мне, что, хотя спрос на подобные копии очень велик, он получил «от верхов» распоряжение прекратить изготовление ходких сувениров, поскольку

из-за них в массах якобы возникают всякие нелепые слухи и догадки. А раз так, то необходима детальная дискуссия об этом «опасном» и интереснейшем памятнике культуры майя.

Надгробная плита из Паленки

В своей первой книге, «Воспоминания о будущем», я с восторгом описывал странное существо, представленное в самом центре этой плиты, считая его изображением астронавта, сидящего в своеобразной космической капсуле и управляющего всевозможными приборами. Позади него, считал я, показаны языки пламени, символизирующие в данном контексте огонь, вырывающийся из сопла ракеты.

Реакция на подобное заявление оказалась весьма неожиданной. Поначалу почтенные специалисты попытались обойти молчанием гипотезу какого-то там профана. Но после того как моя книга получила всемирное признание и на ее основе был создан одноименный фильм, а толпы туристов устроили настоящее паломничество в Паленку, чтобы собственными глазами увидеть моего астронавта, «башня из слоновой кости», где вдали от мирской суеты трудятся светила науки, вдруг превратилась в подобие потревоженного пчелиного улья. И хотя мне не доводилось слышать, чтобы хоть один археолог публично высказал согласие с моими «еретическими» взглядами, тем не менее в 1973 г. в Паленке состоялся научный конгресс, на котором всезнающие ученые мужи попытались дать связное объяснение тому, что же, собственно говоря, по мнению академической науки, изображено на этой загадочной надгробной плите. Удовлетворительного объяснения найти так и не удалось. Я же был подвергнут дисквалификации.

Со дня появления моей первой и во многом спонтанной книги прошло 20 лет. Десять лет спустя, в книге «Мой мир в рисунках», я немного поумерил свои восторги. Я научился сдерживать себя, но, как видно, недостаточно. Увы, я по-прежнему видел в существе, изображенном на надгробной плите, подобие астронавта, сидящего в некоем летательном аппарате, оборудованном по последнему слову техники. А что же сегодня?

Сегодня я знаком со всеми основными публикациями, посвященными надгробной плите, знаю, что означают отдельные иероглифы, высеченные на ней. Более того, я приобрел основательные познания в календаре майя и даже попытался — *by the way*¹, как говорят американцы, — освоиться с представлениями, бытующими в области трактовок древних пиктограмм. И в конце концов я понял, что колосс археологических толкований стоит на шатких глиняных ножках.

Нет никакого сомнения в том, что на надгробной плите из Паленки присутствуют иероглифы и картинки-пиктограммы — которые были известны и в других центрах культуры майя — с изображением птицы кецаль (сегодня эта таинственная птица красуется на гербе Гватемалы) или так называемого Креста Жизни. Поистине, для того чтобы увидеть в изображении сидящего человека голову птицы кецаль, надо обладать специальными очками, которыми пользуются археологи. В Кресте Жизни иногда видели древо жизни, а иной раз — Крест — символ четверичного деления Вселенной. При подобной трактовке совершенно ясно, что в той школе, где учились ее приверженцы, истинным считалась только одна точка зрения, естественно, принадлежавшая ее профессору. Тем не менее самые разные школы единодушно сходятся во мнении, что пись-

¹ *By the way* (англ.) — между делом, попутно. (Прим. перев.)

мена, высеченные по краям надгробной плиты, еще почти не расшифрованы и что их окаймляет некая полоса. Расшифрованы только отдельные иероглифы — знаки дат, астрономические символы Венеры, Солнца, Полярной звезды и Луны. А относительно того, кого изображает фигура сидящего человека в центре композиции, существует немало самых фантастических предположений. Чего стоит хотя бы «борода бога грозы»!

Против предположения, что на плите изображен бог маиса Йюм Кокс, выступает Марсель Брион. Он пишет:

«В центре надгробной плиты представлено изображение некоего человека, возможно, это портрет покойного. На нем — множество украшений; туловище отклонено назад; неизвестный сидит на огромной маске, изображающей бога земли и смерти».

Пьер Иванофф видит в этом рельефе нечто совсем иное:

«Символическое значение этого интереснейшего рельефа... во многом остается загадкой. Согласно верованиям майя, бог смерти благодаря своей связи с потусторонним миром считался и богом плодородия земли. Человек, изображенный над ним, своей устремленной вперед позой выражает пробуждающуюся жизнь. Его лицо напоминает лик бога маиса, поэтому его можно считать воплощением плодородия природы. Авторитет и могущество выражает особый церемониальный жезл, символизирующий четверичное деление Вселенной — крест, служащий одновременно и символом мира, времени и круговращения бытия. Наконец, птица моан символизирует смерть».

Мирослав Стингл видит этот образ через свои собственные очки:

«...обращает на себя внимание фигура молодого человека, в котором преставлен образ не некоего

конкретного лица, а человека вообще, то есть персонафикация рода человеческого. Из его туловища вырастает крест, символизирующий пробудившийся к жизни маис. Из листьев маиса по обеим сторонам спускаются двухголовые змеи... Тело юноши — символ пробуждающейся жизни, но сам он восседает на маске смерти — отрубленной голове некоего фантастического зверя, из пасти которого торчат острые клыки».

А доктор Альберто Руз Луильер видит здесь:

«...молодого мужчину, сидящего на огромной маске чудища-Земли... перед его туловищем расположен крест, практически идентичный знаменитому кресту из другого храма в Паленке. Из двухголовой змеи вырастают некие мифологические образы, наверху — изображение птицы кецаль с маской бога дождя. Смеем предположить, что эта сцена отражает основные положения религии древних майя...»

Новейшие публикации придерживаются мнения, что на плите, скорее всего, изображен индейский жрец или царь майя, возможно даже — сам правитель Пакаль, во всяком случае, некая влиятельная фигура, выпадающая из оскаленной пасти чудовища. А то, что я по наивности принимал за языки пламени, вырывающиеся из сопла, на самом деле представляет собой «четко идентифицируемое хтоническое (связанное с силами земли) чудовище». Что ж, видно, мне придется сходить к врачу-окулисту, но в таком случае мне должен составить компанию знаменитый археолог Поль Риве, ибо он усматривает в этом изображении «стилизованную бороду бога грозы»!

И вот, после пересказа всей этой чуши и чепухи, высказанной учеными мужами, мне хотелось бы вновь поговорить о надгробной плите из Паленки. Поскольку плиту, как мы уже знаем, больше не разрешают фото-

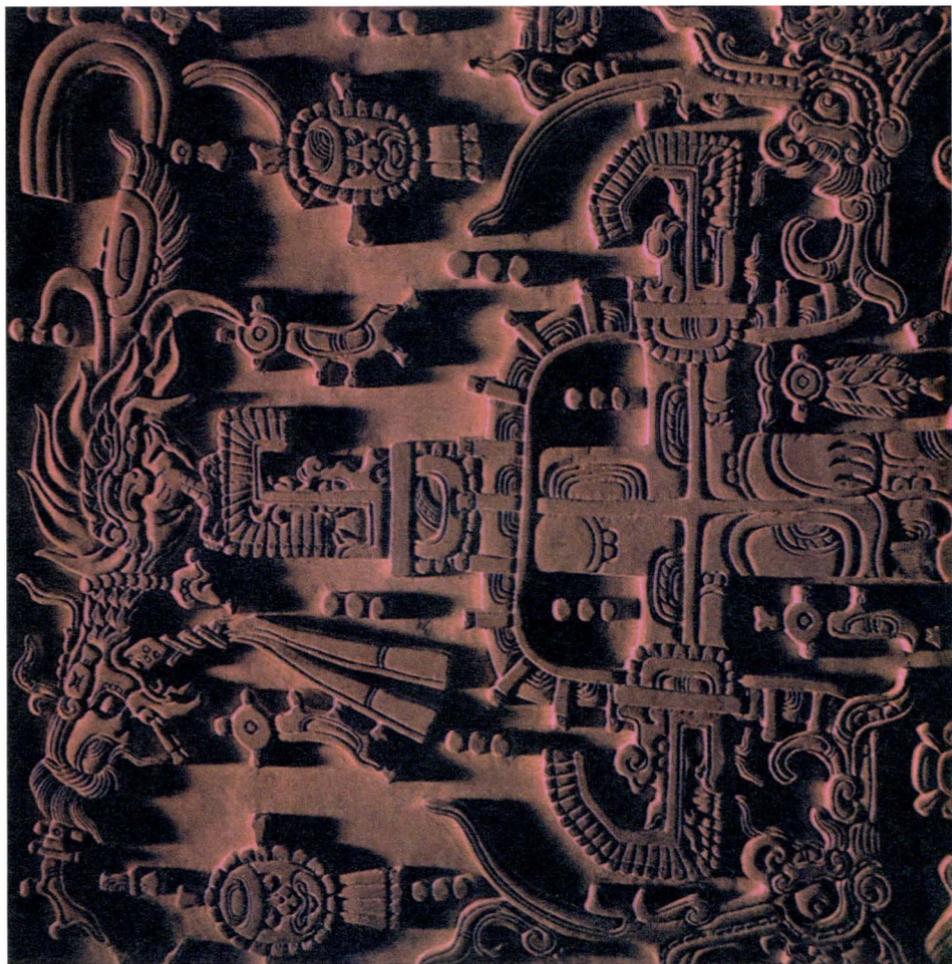

графировать, я хочу воспользоваться своим правом обсудить детали ее очень близкой к оригиналу копии — каменного рельефа, который один индейский мастер-камнерез, проживающий в Паленке, изготовил специально по моему заказу несколько лет назад. Для этого ему потребовалось несколько месяцев кропотливого труда.

Я не утверждаю, что на надгробной плите представлено технически достоверное изображение капсулы космического корабля. Я могу с уверенностью сказать лишь, что на плите изображено некое человекообразное существо, наклонившееся вперед, на голове которого красуется сложный головной убор, имеющий, по-видимому, техническое назначение, от которого по обеим сторонам отходят двойные шланги, в которых большинство археологов склонны видеть самые заурядные

пряди волос. Существо это, можно сказать, уткнулось носом в странный прибор, взявшись за него обеими руками (как если бы на нем были кнопки или рукоятки). По мнению археологов, существо склонилось перед стилизованным «Крестом Жизни». На мой взгляд, здесь явно можно говорить о стилизованном изображении ракеты, которое трудно заметить, если смотреть на надгробную плиту по горизонтали, а не по вертикали. Если же «развернуть» плиту вертикально, станет ясно, что в самом низу композиции (под предполагаемой капсулой) показаны... языки пламени, что совершенно естественно для ракеты, стремительно уносящейся в небо. А вот ни «хтонического чудовища», ни тем более «птицы кецаль» на этой плите мне так и не удалось разглядеть.

Вполне резонно предположить, что некий мудрый жрец майя взглянул на прибытие инопланетян со своей точки зрения, увидев в этом явление бога. Разумеется, этот пронизательный муж не имел никакого представления о технике со всеми ее сложнейшими аппаратами и двигателями и тем более — об одноместном космическом корабле, в котором неизвестный гость прибыл на Землю с базового корабля, находившегося на околоземной орбите. Это произвело сильное впечатление на жреца, человека каменного века, и он, как умел, перенес увиденное на загадочный рельеф, естественно, с помощью единственно доступных для него средств — пиктограммы и иероглифов. Поэтому меня несколько не удивляет, что на надгробной плите помимо несколько наивного изображения древнего чуда техники представлены астрономические символы. Доктор Альберто Руз склонен видеть во фризе, обрамляющем неизвестное существо, «своего рода космическую раму, окру-

жающую человеческое бытие, — раму, звезды на которой властвуют над неизменным течением времени».

Право, с меня хватит. Пора покончить со всеми этими беспочвенными фантазиями. В самом деле, к чему эта игра воображения: стилизованная борода бога грозы, хтоническое чудовище, некое чудище, початки кукурузы и птица кецаль, когда здесь явно изображены технические детали? Привычка подавать на гарнир к смехотворным «находкам» всевозможные нелепые басни, не раз отвергнутые наукой, ничуть не помогает и ни на

волос не приближает к выявлению истинного смысла изображения.

Просто удивительно, то и дело слышу я, что в Паленке не найдено каменных стел, которыми буквально кишат прочие древние города. Ведь Паленка считается одним из самых крупных и древних церемониальных центров культуры майя. Меня лично странный факт отсутствия в Паленке подобных стел несколько не удивляет. В Тикале и Копане стелы царских и жреческих родов служили символами богов; считалось, что от них сильные мира сего черпают божественное могущество.

А в Паленке-Палаткапи боги присутствовали, так сказать, собственной персоной, и жители могли ежедневно видеть их в залах «университета». Поэтому никакие стелы, служившие портретными изваяниями богов, в Паленке были просто не нужны.

Альберт Эйнштейн писал:

«Большинство основополагающих научных идей сами по себе очень просты и, как правило, могут быть изложены на понятном для каждого языке».

После всего, что сказано о Паленке, остается только надеяться, что когда-нибудь убедительные интерпрета-

ции объектов и памятников, найденных в ней, будут изложены языком, доступным для восприятия каждого. А пока таких интерпретаций нет, афоризм Эйнштейна можно истолковать и наоборот, в том смысле, что сегодняшние версии не принадлежат к числу основополагающих научных идей. Кому охота разбираться в путанице наукообразных словес?

Пабло Суттер как-то сказал мне, что с помощью новейших технических средств под одной из пирамид Паленки было найдено еще более древнее захоронение и что можно говорить о новой научной сенсации.

— Но почему же оно до сих пор не раскопано?

— Видите ли, в Мексике всему свое время, ибо ни у кого обычно нет денег. Если бы нашелся какой-нибудь университет или меценаты, готовые выделить на раскопки, ну, скажем, 100 000 долларов США, нам от этой суммы досталось бы в лучшем случае 10 000! Знаете, мексиканцы ведь считают по-своему. Умножим 6 на 4, получим 24. А у них — 4 пишем, а 20 — в уме!

Да, путешествия могут многому научить! Кроме того, мне удалось узнать, что в Мексике не так-то просто организовать раскопки даже при наличии достаточного финансирования.

В парламенте индейцам теперь принадлежит весьма веское, если не сказать — решающее слово; и если они не желают, чтобы в их древних святилищах проводились раскопки, работы немедленно прекращаются. Археологи давно мечтают поработать в Паленке, Чичен-Ица и других древних культовых центрах майя, но все их попытки начать раскопки встречают упорное сопротивление индейцев. Они ревниво оберегают свои святыни, и к тому же у них уйма времени. И если где-то все же ведутся раскопки, то там трудятся только индейские рабочие.

Космический расизм

Американский археолог У. Рэти весьма сердит на меня. Он полагает, что «дискредитация достижений майя» господином фон Дэникеном и его «однозначная уверенность в невероятных духовных и технических возможностях неких сверхчеловеков из Вселенной — не что иное, как новая форма расизма, а именно — космический расизм».

Его рассуждения выдержаны в таком тоне, словно речь идет о заведомых происках фашиствующих молодчиков. В этой связи мне вспоминается одно изречение Людвига Тика (1773—1853): «Я взял себе за правило руководствоваться своими внутренними правилами, нисколько не заботясь о том, в каком свете я буду при этом выглядеть и не буду ли превратно понят».

Но — вернемся к нашей теме.

Право, мне никогда не приходило в голову заниматься «дискредитацией» и впрямь невероятных достижений майя, ибо именно они, майя, а *вовсе не* «сверхчеловеки из Вселенной» создали все эти грандиозные храмы и пирамиды. Моя точка зрения заключается в том, что в древности пришельцы из космоса передали самим майя или их предкам некие высшие знания. Того, в чем меня обвиняет уважаемый археолог Рэти, нет ни в одной из моих книг, и я никогда не утверждал ничего подобного. Меня скорее можно отнести к числу самых прилежных и самых внимательных читателей книг по археологии, и в этом смысле права цюрихская газета «Вельтвохе»: «Как только появляются новые материалы об археологических раскопках, так фон Дэникен сразу же тут как тут». Поистине я всем сердцем любил бы археологов, если бы они действовали чуть расторопнее и чуточку смелее преодолевали обветшалые барьеры традиционных мнений, поднимаясь на новую высоту, что-

бы их интерпретации более отвечали широте взглядов нашего времени — эпохи научно-технической революции.

Впрочем, пока они не утратили способность удивляться, для них еще не все потеряно. Линда Шил, профессор университета штата Алабама, США, считает Храм Надписей подлинным «чудом»! Она пишет, что 21 декабря, в день зимнего солнцестояния, солнце на закате садится точно «в» Храме Надписей. А весной, начиная с дня весеннего равноденствия, здесь имеет место обратная картина: солнце восходит прямо «из» Храма Надписей. Подобное зрелище в лучшем случае можно наблюдать с крыши Храма Солнца, расположенного к востоку от Храма Надписей. Подобные факты свидетельствуют о том, что здание храма стоит на этом месте отнюдь не случайно, а отсюда следует естественный вывод: массивный 20-тонный саркофаг вместе с надгробной плитой, вес которой превышает 9 тонн, был установлен здесь *раньше*, чем началось строительство пирамиды. Видимо, надгробная плита обречена навечно оставаться на этом месте, ибо извлечь ее из подземелья на свет божий по узкой и крутой лестнице совершенно невозможно.

По всей вероятности, первоначально это была гробница (или святилище) некоего царя, жреца или одного из катчина; быть может, эта крипта существовала за много веков до того, как над ней была воздвигнута пирамида. Впрочем, когда бы она ни была построена, она подчинена строгому плану и в астрономическом отношении явно ориентирована с учетом ожидаемого возвращения богов... Право, это уж слишком для народа, жившего в каменном веке и помимо уже упоминавшихся астрономических познаний обладавшего представлениями о созвездии Плеяд и прочих звездных божествах. Именно о них говорится в «Книге жреца Ягуара»:

«Они спустились со Звездного пути...

Они говорили на волшебном языке звезд небесных...

Да, оставленный ими знак — это символ нашей уверенности в том, что они спустились с неба...

И когда вновь сойдут на землю эти тринадцать богов и девять богов, они обустроят по-новому все то, что некогда создали».

ПРИЛОЖЕНИЕ

КТО ЕСТЬ КТО

ОЛЬМЕКИ

— народ, живший в доклассическую эпоху на землях нынешних мексиканских федеральных штатов Веракрус и Табаско. Ольмеки считаются создателями первой высокоразвитой культуры Нового Света, эпоха расцвета которой приходится на начало I тысячелетия до н. э., а конец их исторического бытия принято датировать примерно 400 г. до н. э. Ольмеки, образно говоря, были отцами культуры майя.

МАЙЯ

— многочисленные племена, в совокупности составлявшие крупнейший из цивилизованных народов древней Америки. Майя поселились в Гватемале, на полуострове Юкатан, землях мексиканских федеральных штатов Табаско и Чиapas, территории современного Белиза, а также некоторых районах Гондураса и Сальвадора. Происхождение майя остается неясным.

В археологии принята следующая классификация истории майя:

Ранний доклассический период — 2000—1200 гг. до н. э.

Средний доклассический период — 1200—400 гг. до н. э.

В эти периоды возникли древнейшие культурные центры майя.

Поздний доклассический период — 400 г. до н. э. — 300 г. н. э.

Ранний классический период — 300—600 гг. н. э.

Поздний классический период — 600—900 гг. н. э.

Ранний постклассический период — 900—1200 гг. н. э.

Поздний постклассический период — 1200—1520 гг. н. э. (вторжение испанцев).

АЦТЕКИ

— индейское племя, поселившееся преимущественно на Мексиканском плоскогорье. Около 1345 г. ацтеки основали на территории нынешнего Мехико-сити свою столицу — Теночтитлан. Спустя 100 лет они распространили свою власть вплоть до берегов Мексиканского залива, а около 1510 г. вышли к тихоокеанскому побережью Гватемалы. Ацтеки были воинственным народом, у них существовала практика человеческих жертвоприношений. В 1520 г. отряд Эрнандо Кортеса нанес им сокрушительное поражение.

ТЕОТИУАКАНОС

— строители грандиозного культового комплекса Теотиуакан, находящегося в 48 км к северо-востоку от современного Мехико-сити. Кем были теотиуаканос и откуда они пришли, остается загадкой.

МЕЗОАМЕРИКА

— культурно-географический термин, который в 1943 г. ввел в научный обиход археолог П. Кирххоф. Мезоамерика — это регионы Центральной Америки, где в древности находились государства майя и их предков, а также ацтеков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	
СКАЗОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КАМЕННЫЙ ВЕК	5
Тикаль, древнейший из городов майя	13
Монументальные реликвии	22
Да ведь это же смеются сами боги!	28
Дороги, по которым никто не ездил?	36
Разговоры над крышами Тикаля	42
Путешествие в далекое прошлое	47
Финкас, обладатели несметных сокровищ помимо маиса и кофе	52
Notturmo	69
Объездной путь в Копан	73
В Копане, самом южном из крупнейших городов майя.	75
Уникальный Хочикалько	82
Четверо летающих индейцев из Эль Тахина	92
Глава вторая	
НАЧАЛО, СТАВШЕЕ КОНЦОМ	102
Открытие поневоле	105
Крест — предлог, цель — золото	108
Апокалипсис	117
Порох	121
Как бог Кецалькоатль приступил к уничтожению столицы ацтеков	124
Скорбная ночь гордых испанцев	128
Эпилог	134
Глава третья	
ДИКИЕ, МУДРЫЕ, ДИВНЫЕ КНИГИ	136
Как были уничтожены козни и порождения дьявола	141
Наследие майя	145
Загадочные священные знаки	151
Майя знали о явлениях, происходящих на небе, которые они не могли видеть	154
Терпение и усердие — путь к обретению астрономических знаний	157
У майя все было иначе	159

Глава четвертая

НЕУЖЕЛИ ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОИЗОШЛО

11 АВГУСТА 3114 Г. ДО Н. Э?	165
Колеса Времени	169
День, в который явились боги?	174
Игра в миллионы и миллиарды	178
Интермеццо	183
Гениальное открытие доктора Кисслинга	185
Премудрые числовые шарады майя	188
Космическая пустота, переполненная неведомыми телами	194
Апокалипсис pow!	197
Профессор Папагианнис напал на след	199
Упрямые вопросы	203

Глава пятая

КОГДА С НЕБА УПАЛ ОГОНЬ

Ложное понимание знания	215
Писания, созданные на заре человечества	218
Проблема идентификации	223
Уникальные эксперименты	225
Воспоминания о пришествии	228
Хроники и книги пророчеств	231
Когда солнце пребывало в тени	234
Всемирный потоп был везде и всюду	241
Размышления о датировке	243
В гостях у Уайт Беэ (Белого Медведя), индейца из древнего рода потомков майя	247
Эмиграция по воздуху	251
Поселение индейцев хопи	254
Насколько достоверны свидетельства Белого Медведя?	258
Страх перед возвращением богов	262
Древний летчик-дракон	266
Чичен-Ица, каменное послание майя	268
Картинки-загадки	275
Приложение	283

Глава шестая

ТЕОТИУАКАН — ВЕЛИКИЙ ГОРОД, ВОЗВЕДЕННЫЙ ПО ЗАМЫСЛАМ БОГОВ	290
«Место, где становятся богом»	295
«Печь богов» и массовые жертвоприношения у ацтеков	296
Великий город, возведенный по плану, но не имеющий истории	301
Теотиуакан — город, внесенный в Книгу рекордов Гиннеса	303
Поиски следов тайны с воздуха и с помощью компьютеров	312
Какими мерами длины пользовались геодезисты, составляя план Теотиуакана?	316
Специалисты удивлены, дилетанты поражены	324
Таинственные карты	327
Облака тумана из ящика фокусника	328
О чем они не подозревали...	331
Краткое резюме	333
У нас зарябило в глазах...	335

Глава седьмая

ПАЛЕНКА: ДРЕВНИЙ ГОРОД — ОТКРЫТЫЙ, НО ОСТАВШИЙСЯ ЗАГАДКОЙ	345
Статист, сыгравший главную роль.	349
Два сапога — пара	354
Начало научного изучения культуры майя.	356
Паленка сегодня	361
Имена — всего лишь прах и тлен	369
Храмы и храмы, цифры и цифры	371
Сенсационная находка под храмовой пирамидой	374
Таинственный грот, скрытый под пирамидой!	375
Прощание с Паленкой	385
Надгробная плита из Паленки	392
Космический расизм	402

Приложение

КТО ЕСТЬ КТО	405
------------------------	-----

Эрих фон Дэникен

ДЕНЬ, КОГДА ЯВИЛИСЬ БОГИ...

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *С. Горшкова*

ООО «Издательство «Эксмо».

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК»

представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»

в Нижнем Новгороде и Челябинске:

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8.

Тел. (8312) 77-87-95.

ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14.

Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых монтажей 17.12.2003.

Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.

Бум. офс. Усл. печ. л. 26,0.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ 2652.

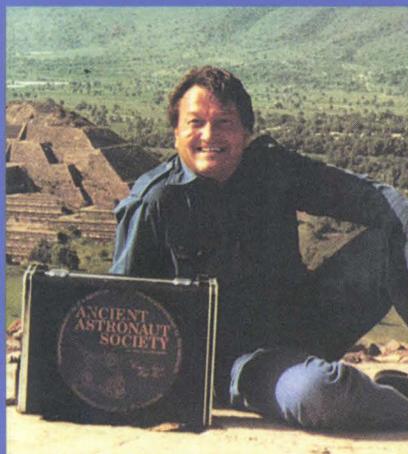
ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Эрих фон ДЭНИКЕН

Эрих фон Дэникен – швейцарский археолог, завоевавший всемирную славу своими сенсационными, но на редкость убедительными гипотезами о посещении Земли инопланетянами, описанными в знаменитых мегабестселлерах «Воспоминания о будущем» и «Обратно к звездам». Его теория палеоконтакта – посещения Земли в далеком прошлом представителями иных цивилизаций – до сих пор вызывает бурные споры. Но энтузиазм Дэникена в стремлении убедить человечество в своей правоте не угасает, и он организует все новые экспедиции в самые отдаленные уголки планеты для сбора еще более неопровержимых доказательств.

На этот раз, отправившись в путешествие вместе с ним, вы узнаете о:

**ДРЕВНЕЙШЕМ ИЗ ГОРОДОВ
МАЙЯ**

**ОБСЕРВАТОРИЯХ
КАМЕННОГО ВЕКА**

**ДОРОГАХ, ПО КОТОРЫМ
НИКТО НЕ ЕЗДИЛ**

ЛЕТАЮЩИХ ИНДЕЙЦАХ

**МАССОВЫХ
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ У
АЦТЕКОВ**

**ЗАГАДКЕ ЗНАМЕНИТОЙ
ПАЛЕНКИ**

ISBN 5-699-03984-8

9 785699 039845 >